

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL. 7, №3
TOM 7, №3

2025

16+

Востоковедение

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 25.12.2025. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 3/2025. Printed from finished layout at the KFU Publishing House

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

The journal is published under the sponsorship of the Confucius Institute of the Kazan Federal University

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 25.12.2025. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 3/2025. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве КФУ.

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. проф. Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточно-го факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

Журнал издаётся при спонсорстве Института Конфуция КФУ

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Ibragimova E.R., Yilmaz E.R., Khabibullina E.K.</i> English-based borrowings in the turkish language: historical and cultural context	6
<i>Uryvskaya T.A., Grokhotova T.I.</i> Lexico-Semantic and Syntactic Features of the Implementation of Defamation Tactics in the Digital Diplomacy of the People's Republic of China	22
<i>Emelchenkova E.</i> Referential expressions in Chinese	37
<i>Mayatsky D.I.</i> The role of Buddhist philosophy in the formation of the poetics of Chinese classical drama of the Yuan era	49
<i>Mirzieva L.R.</i> Violation of P. Grice's maxims of cooperation as a strategy of politeness and face-saving in chinese interpersonal communication	59

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Donchenko A.I.</i> The image of stone in guohua painting	70
---	----

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Storozhuk A.G.</i> Comments on a Non-existent Sutra: Buddhist Motifs in Pu Songling's Short Stories	78
<i>Zou L., Zhou X., Mo S., Xu X., Shao J., Hu M., Zhang X.</i> A platform for Sino-Russian cultural exchange in the context of intercultural communication: the example of China's first bilingual Sino-Russian podcast "Let's Talk in Russian".	86
<i>Epshtein V.A., Islamova E.R.</i> Sino-pakistani relations in the sphere of military-technical cooperation in the second half of the 20th and early 21st centuries	100
<i>Lychagin A.I.</i> Ancoridge — a prelude to the new «Yalta»?	114
<i>Silakova-Makarova S.A.</i> The reflection of Chinese Culture in medical proverbs (from P. A. Kornievsky's collection).	122
<i>Arslanova A.A., Uspensky V.L.</i> The jesuit library in Beijing: a free gift or an entrusted property?	129
<i>Alikberova A.R., Balakin D.A.</i> The confrontation between China and the United States over the Pacific Islands	137
<i>Zavidovskaya E.A.</i> Daizu ethnic group of Yunnan province in the studies of the Chinese historian fang Guoyu (1903-1983).	146
<i>Semenova T.G.</i> From dragoman to interpreter and translator: a brief history of the development of an ancient profession in China.	154
<i>Semenov A.V.</i> About the history of the creation of the national flag of the PRC	164
<i>Li Yimo.</i> Analysis of Russian Metaphorical Denominations from the Perspective of Dynamic Semantics and Evaluation of Their Translation Accuracy by Large Language Models	202

Information for authors

Information for authors	222
Article formatting sample	227

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ибрагимова Э.Р., Йылмаз Э.Р., Хабибуллина Э.К.</i> Англоязычные заимствования в турецком языке: историко-культурный контекст	6
<i>Урывская Т.А., Грохотова Т.И.</i> Лексико-семантические и синтаксические особенности реализации тактики диффамации в цифровой дипломатии КНР	22
<i>Емельченкова Е.Н.</i> Референциально значимые выражения в современном китайском языке	37
<i>Маяцкий Д.И.</i> Роль буддийской философии в формировании поэтики китайской классической драмы эпохи Юань	49
<i>Мирзиева Л.Р.</i> Нарушение максим кооперации П. Грайса как стратегия вежливости и сохранения лица в китайском межличностном общении	59

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Донченко А.И.</i> Образ камня в живописи гохуа	70
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Сторожук А.Г.</i> Комментарий к несуществующей сутре: буддийские мотивы в новеллах Пу Сун-лина	78
<i>Цзоу Л., Чжоу С., Мо С., Сюй С., Шао Ц., Ху М. Чжан С.</i> Платформа для китайско-российского культурного обмена в контексте межкультурной коммуникации: пример первого в Китае двуязычного китайско-российского подкаста «Поговорим по-русски» («侃侃俄谈»)	86
<i>Эпштейн В.А., Исламова Э.Р.</i> Китайско-пакистанские отношения в сфере военно-технического сотрудничества во второй половине XX-начале XXI вв.	100
<i>Лычагин А.И.</i> Анкоридж — прелюдия новой «Ялты»?	114
<i>Силакова-Макарова С.А.</i> Отражение китайской культуры в медицинских пословицах (из коллекции П.А. Корниевского)	122
<i>Арсланова А.А., Успенский В.Л.</i> Библиотека иезуитов в Пекине: подарок или ответственное хранение?	129
<i>Аликберова А.Р., Балакин Д.А.</i> Противостояние Китая и США за острова Тихого океана	137
<i>Завидовская Е.А.</i> Народ дайцзу провинции Юньнань в исследованиях историка Фан Гоюая (1903-1983).	146
<i>Семенова Т.Г.</i> От толмача к переводчику: краткая история развития древней профессии в Китае.	154
<i>Семенов А.В.</i> Об истории создания государственного флага КНР	164
<i>Ли Имо.</i> Анализ русских метафорических наименований в аспекте динамической семантики и оценка точности их перевода большими языковыми моделями	202

Информация для авторов

Информация для авторов	222
Образец оформления статьи	227

English-based borrowings in the Turkish language: historical and cultural context

Англоязычные заимствования в турецком языке: историко-культурный контекст

Ибрагимова Энже Раисовна¹,

Йылмаз Эльвира Рафиловна²,

Хабибуллина Эльмира Камилевна³

¹²³Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

el-vira-hadieva@uandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

Enzhe R. Ibragimova¹,

Elvira R. Yilmaz²,

Elmira K. Khabibullina³

¹²³Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author:

el-vira-hadieva@uandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

УДК 81-23 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-6-21](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-6-21)

АННОТАЦИЯ

Целью настоящего исследования является выявление и анализ факторов, влияющих на закрепление англоязычной лексики в современном турецком языке. В исследовании рассматриваются причины и механизмы заимствования, степень ассимиляции англицизмов, а также их роль в формировании современного лексического состава и языковой картины мира Турции. Особое внимание уделено влиянию глобализации, развитию технологий и массовой культуры как ключевых факторов языковых изменений.

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify and analyze the factors influencing the consolidation of English vocabulary in the modern Turkish language. The research examines the causes and mechanisms of borrowing, the degree of assimilation of Anglicisms, as well as their role in shaping the contemporary lexical composition and linguistic worldview of Turkey. Particular attention is paid to the influence of globalization, technological development, and mass culture as key factors of linguistic change.

Keywords. Borrowing, Anglicism, global language, Turkish language, linguistic worldview.

Ключевые слова. Заимствование, англицизм, глобальный язык, турецкий язык, языковая картина мира.

Для цитирования: Ибрагимова Э.Р., Йылмаз Э.Р., Хабибуллина Э.К. Англоязычные заимствования в турецком языке: историко-культурный контекст. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 6-21 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-6-21>

Заимствование языковое — это иноязычные элементы языка, пришедшие из одного языка в другой в результате культурных, политических, экономических и других контактов народов. Геранина И. В. и Орешкина М.В. доказывают на конкретных примерах, что в основном заимствуются новые понятия, а именно имена существительные, реже заимствуются словообразовательные приставки, синтаксические конструкции и фразеологические единицы. (Орешкина, 2023, с. 147; Геранина, 2008). Махмудова Г.Ч. напротив описывает, что заимствованное слово приходит не только в качестве одного понятия, но также заимствуются его производные формы, параллельные с ним слова (Махмудова, 2019). Сложившаяся ситуация в языке означала готовность турецкого языка к новым изменениям и новым заимствованиям.

В годы правления Османской империи турецкий язык находился под серьезным влиянием персидского и арабского языков. Арабский язык стал языком политики, в то время как персидский язык был языком поэзии. Разговорная речь простого населения начала страдать, поскольку освоить арабскую и персид-

For citation: Ibragimova E.R., Yilmaz E.R., Khabibullina E.K. English-based borrowings in the turkish language: historical and cultural context. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 6-21 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-6-21>

ский языки было затруднительно. С одной стороны, жители Турции обращали внимание на совершенствование разговорной речи, за исключением религиозной и государственной тематики, с другой стороны, литературный письменный турецкий язык становился непостижимым для простого населения. Турецкий язык стал неустойчивым. В эпоху Возрождения, когда Османская империя достигла расцвета сил, турецкий язык был подвержен красоте культуры и поэзии. Тем самым, речи элиты были украшены изысканными эпитетами, фразеологизмами с арабского и персидского языков, а речь населения строилась на агглютинативном тюркском языке. Эта ситуация в государстве оказалась только на руку турецкой интеллигенции (Тектен, 2009).

Безусловно, приходя в язык, единицы видоизменяются, на это оформление вариантов влияет сам язык-реципиент (Мадмарова, Мамытова, Сабиралиева, Нусуратилда, 2022). Шадманова подтверждает, что слово проходит 4 этапа адаптации: фонетическую, грамматическую, графическую и семантическую. (Шадманова, 2024). Согласно нашему исследованию, мы выяснили, что в случае с турецким

языком, словообразовательные формы английского происхождения не употребляются, так как турецкий язык является агглютинативным языком, то в заимствованном слове происходит наслаивание аффиксов. Например, *performans* (представление) — *performansta* (на представлении). Самым актуальным вариантом употребления и закрепления англицизмов является использование их с турецкими вспомогательными глаголами, например, *уартак*, *етмек*, *секмек* и так далее.

Другие исследователи утверждают, что заимствования — это необходимость, имеющая на то свои экономические, политические и культурные причины. Дегальцева А.В. и Сиротинина О.Б. справедливо отмечают неизбежность употребления заимствованных единиц во всех языках, положительные (расширение лексической системы) и отрицательные моменты (засорение языка, неуместное использование заимствований) появления англицизмов в языке (Дегальцева, Сиротинина, 2022; Мадмарова, Мамытова, Сабиралиева, Нусуратилда, 2022; Борзаева, Абубакарова, 2023).

Некоторые лингвисты считают «нелепым» заменять заимствованные слова исконными лексемами. Поскольку так нарушается изначальный смысл и прагматическое воздействие (Хатхе, Читао, Хуажева, Шхалахова, 2021)

Лексика — это отражение языка. И любые изменения приводят к разрушению сем. Казаченко О.В. утверждает поскольку заимствования, закрепляясь в ядре языка, приводят языковые культурные доминанты в разрушение, то есть каждый язык — это отражение картины мира того или иного этноса. Этот некий образ

мира передается в каждом языке по своему. (Казаченко, 2014). Изучая турецкие СМИ, мы обратили внимание, что сама суть сообщения заключается в конце предложения. Если английский язык имеет четкий порядок слов в предложении, что говорит о педантичности английского народа. В то время как, турки, будучи «непредсказуемыми», предпочитают оставлять основную мысль на конец предложения.

Ситуация в мире изменилась с увеличением роли глобализации. Тарасова М.В., Безрукая А.Н. выделяют следующие предпосылками становления английского глобальным языком: доминирование США на мировой арене в экономике и сфере технологий, распространение «американского образа жизни», влияние американских СМИ (Тарасова, Безрукая 2019). Затрагивая тему социолингвистической парадигмы, Марусенко М.А. рассматривает проблему многоязычия, искажения дивергентных форм и стандарты носителей языка в результате языковой глобализации. Автор также справедливо отмечает «внутреннюю неоднородность» глобального английского языка, а также её влияние на другие языки (Марусенко, 2024; Косырева, 2017).

Смокотин В.М., Гураль С.К. в ходе исследования распространения глобального английского языка во всем мире пришли к следующим выводам, что английский язык лишен национальной идентичности и выступает в роли нейтрального составляющего. Одной из целей использования английского языка выступает желание обеспечить взаимопонимание на международном уровне. (Смокотин, Гураль 2023; Кабахидзе, 2014). Также гибкость и простота

использования английского языка выступает преимуществом в употреблении его в качестве международного инструмента общения. Ахметшина Ю.В. отмечает, что чем меньше слогов в англицизме по сравнению с принимающим языком, тем более иностранное слово является привлекательным для языка-реципиента в использовании. Данная тенденция может проследиваться в стремлении к языковой «экономии» (Ахметшина, 2020).

Васильев А.Д. имеет свою точку зрения. На основе СМИ, он выдвигает идею, что использование англицизмов напрямую направлено для манипуляций общественным сознанием (Васильев, 2022).

В истории турецкого языка и языковой политики произошли некоторые реформы языка. Процесс очистки языка заключался в избавлении её от иностранных вмешательств, таких как арабские и персидские единицы с последующей заменой на исконно тюркские или западноевропейские слова (Семкулич, 2021). Абдусаламов М.М., рассматривая распространение английского языка в Турции, указывает, что наиболее показательным периодом активного заимствования английских единиц начинается после Второй мировой войны в результате глобализации (Абдусаламов, 2021).

Говоря о положительном влиянии глобального языка, Семкулич Д.В. сопоставительным методом изучает роль влияния заимствований с западноевропейских языков, в частности их функционирование в турецком языке. Как факт на данный момент он отмечает перспективность распространения английского

языка в качестве основного «донора» лексики в Турции (Семкулич, 2022). Абдусаламов М.М. также разделяет мнение, что английский стал наиболее распространенным в изучении в школах, университетах, в рабочей сфере, а также стал вторым языком обучения в стране, что свидетельствует об укреплении англицизмов в лексическом составе языка (Абдусаламов, 2021). Однако, не всегда «донорство» можно рассматривать в положительном аспекте. Напротив, Баширова Д.И., Нигматуллина А.М. отмечают, что англицизмы, становясь обширной группой в турецком языке, являются угрозой деформации лексической системы турецкого языка (Баширова, Нигматуллина, 2022).

Петрова Ю.А., Кулешова К.А. выделяют категории, в которых сосредоточены англицизмы: научно-техническая терминология, экономическая лексика, социо-политическая лексика, спортивные термины, бизнес-термины. Также авторы изучили, что согласно словарю 1974 года в сравнении с периодом до языковых реформ количество заимствований составляло 1 133 единицы, а после 4 266, что непременно позволяет сделать вывод об увеличении западноевропейских единиц и снижении количества арабо-персидских заимствований соответственно (Петрова, Кулешова, 2020).

В рамках изучения корректирования турецкой языковой политики после 1997 года, Абдусаламов М.М. изучает упущения и последствия проникновения английского языка. В ходе проведенного им исследования, он приходит к выводу, что интенсификация языковой политики приведет к устранению несоответствий

внутри языковой системы (Абдусаламов 2021).

Тектен Т., анализируя общественно-политическую ситуацию в стране, связывает языковую политику очищения языка от иностранного влияния с усилением связей с западными странами, в том числе с проникновением английского языка в турецкий (Тектен, 2009).

Раскрывая сущность турецкого как научного языка, О.В. Чурсина и Ю.И. Сапарова выделяют проблему – присутствие иностранных слов в научных статьях, выступлениях и документации. Это связано с тем, что английский занимает место второго языка в стране. В основном публикации в медицинской сфере и сфере специализированных организаций проводятся исключительно на английском языке, что затрудняет дальнейшее развитие турецкого научного языка (Чурсина, Сапарова, 2021). Сравнивая ассимиляцию английских терминов сферы бизнеса в русском и турецком языках, Позднякова А.А. и Дюзгюн Ф. приходят к выводам, что, во-первых, данные термины очень распространены в обоих языках. Во-вторых, в русском языке ассимиляция происходит с отклонениями, однако в турецком процесс происходит плавно и в более схожей с оригиналом форме (Позднякова, Дюзгюн, 2012). Дюзгюн Ф., изучив мнения отечественных и иностранных ученых-лингвистов, приходит к выводу, что заимствования не смогут преобладать над собственно турецкой лексической системой, а в случае синонимии, единицы могут взаимодействовать параллельно. Также автор указывает на то, что в сравнении с русским языком, турецкий язык является более резистентным (Дюзгюн, 2014).

Мамедова Н.Я. отмечает, что современный литературный турецкий язык, в результате международного сотрудничества, пополнен научной терминологией английского происхождения (Мамедова, 2009). Зейналлы Ж. имеет схожее мнение с Мамедовой Н.Я. в отношении научной терминологии. Автор статьи также акцентирует внимание на том, что излишние заимствования приводят к синонимии, вариативности и дублированию в турецком языке (Зейналлы, 2013).

Изучив и проанализировав англицизмы, Минсафина А. выявила случаи, не только синонимии, но также и омонимии в турецком языке. В основном это проявляется между турецким и заимствованным словом. Например, английское слово coach (тренер) и турецкое слово koç (баран) имеют схожее произношение, что иногда затрудняет понимание (Минсафина, 2011, с. 173-176).

Akalın Ş. Н. детально изучает тему образования слов путем обновления, акцентируя свое внимание на том, что словообразование схоже по своему значению с словообразованием на основе заимствований с иностранным корнем, т.е. иностранные слова во время вхождения в язык фонетически уподобляются языку-реципиенту (Akalın, 2019, с. 50-56). В рамках исследования, Öztekten Özkan сравнивает написание заимствованных слов с французского и английского языков. Он акцентирует внимание на том, что французские слова приходили в турецкий язык намного ранее, поэтому ассимилировались по нормам принимающего языка. Англицизмы, которые активно начали проникать за последние 50-60 лет, сохраняют

оригинальное написание (Öztekten, 2022; Омонов, Зикруллаева, 2020). Kumanlı М. на базе изученного материала, в качестве слов с оригинальным написанием и измененными англицизмами, описывает, что лексические единицы в некоторых случаях имеют дифференцированное семантическое значение (Kumanlı, 2021; Хазнедар, 2007).

Говоря о предпосылках развития англицизмов, Оздемир Д.А. делит заимствования с западноевропейских языков на две группы: слова, которые прошли процесс ассимиляции и их уже не отличить от оригинальных слов; слова, которые не усвоились в процессе заимствования (Оздемир, 2012). Говоря об использовании англицизмов, Ряпов Р. И., Меметов И. А. в своем исследовании изучили 28 юридических заимствованных единиц и пришли к выводу, что не всегда заимствованная единица, будучи эквивалентом турецкого понятия, используется на официальном деловом уровне (Ряпов, Меметов, 2018).

Arik E. убеждает, что тема заимствований нуждается в дальнейшем изучении, поскольку английский распространился по всему миру неравномерно. Также специализируясь в сфере образования, он акцентирует внимание на увеличении роли английского языка в системе высшего образования, а политика увеличения английского языка в процессе обучения нацелена на интернационализацию институтов Турции (Arik, 2018).

Doğancay-Aktuna С. сходитя во мнении с другими учеными, что английский язык играет инструментальную роль. Употребление ан-

глийского языка на межличностном уровне выступает в качестве связующего элитарного языка для образованного среднего населения, а также высших слоев (Doğancay-Aktuna, 2005). Ситуация обстоит по-другому касательно языковой личности, чем старше носитель, тем менее он терпим к употреблению заимствований. Несомненно, представители гуманитарных профессий более открыты к заимствованиям, чем тем, кто далек от сфер культуры и языка (Гуторова, 2015).

Говоря об ассимиляции англицизмов, следующие примеры, являются показателем низкой степени адаптации (billboard, blog, blok, buton, charter, chat, deepfake, delete, dijital, download, drone, e-mail, harddisk, hack, invite, kamera, kompüter, lazer). Данные примеры относятся к сфере современных технологий и сети Интернет. Как мы видим, слова не прошли этапы адаптации. Некоторые из них переняли графическую форму, однако это не говорит о полной адаптации слова. Данная сфера является самой подвижной во всех языках, что не обошло стороной и турецкий язык.

Таким образом, в ходе исследования мы пришли к следующим выводам. Заимствования необходимы любому языку и остаются актуальными в современном мире, что позволяет осуществлять международную коммуникацию. С научно-техническим прогрессом и распространения «американского образа жизни», а также увеличения роли Американских СМИ и закреплении США на мировой арене, английский язык стал международным инструментом общения. О чем говорит огромное количество

англицизмов в СМИ. Для облегчения общения, мы выяснили, что турецкое население использует английский язык. После проведенной языковой политики и политики переориентации Турции, турецкий язык стал открыт для новых заимствований. Несомненно, оказавшись под влиянием глобализации, англицизмы начали проникать в речь турков. Степень ассимиляции англоязычных заимствований варьируется, что не удивительно, поскольку англицизмы — это тот пласт лексики, который начал активно проникать за последние 50 лет. Наибольшая концентрация англицизмов, по нашим исследованиям, сосредоточена в сфере современных технологий и в сети Интернет. Данная тема остается актуальной на сегодняшний день, так как является малоизученной и требует дальнейшей разработки.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной тематики можно выделить изучение особенностей перевода англоязычных заимствований и рассмотрение ассимиляции англицизмов, функционирующие в турецком языке в разные периоды времени.

Список литературы

1. Абдусаламов М. М. Английский язык в Турции: хронология и динамика распространения. 2021a. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-v-turtsii-hronologiya-i-dinamika-rasprostraneniya> (дата обращения: 24.11.2024).
2. Абдусаламов М. М. Социолингвистический профиль глобального языка в стране расширяющегося круга по модели Б. Качру (на примере английского языка в Турции). 2021b. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskiy-profil-globalnogo-yazyka-v-strane-rasshiryayuschegosya-kruga-po-modeli-b-kachru-na-primere-angliyskogo> (дата обращения: 24.11.2024).
3. Абдусаламов М. М. Влияние глобального языка на национальную политику страны в сфере иностранных языков (на примере Турции) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalnogo-yazyka-na-natsionalnuyu-politiku-strany-v-sfere-inostrannyh-yazykov-na-primere-turtsii> (дата обращения: 24.11.2024).
4. Ахметшина Ю. В. Современные англоязычные заимствования и проблема межвариантности в свете общей теории заимствования. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-angloyazychnye-zaimstvovaniya-i-problema-mezhvariantnosti-v-svete-obschey-teorii-zaimstvovaniya> (дата обращения: 24.11.2024).
5. Баширова Д.И., Нигматуллина А.М. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке // Вестник науки 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-zaimstvovaniya-iz-angliyskogo-yazyka-v>

- sovremennom-turetskom-yazyke (дата обращения: 24.11.2024).
6. Борзаева Б. Б., Абубакарова Л. С. Языковой фактор глобализации // Гуманитарные и социальные науки. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-faktor-globalizatsii-1> (дата обращения: 24.11.2024).
7. Васильев А. Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neskromnoe-obayanie-anglitsizmov-magnetizm-temnyh-slov> (дата обращения: 24.11.2024).
8. Геранина И. Н. О термине «заимствование» // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-zaimstvovanie> (дата обращения: 19.12.2024).
9. Гуторова Н. С. Ассимилированные языковые единицы, или собственно заимствования // НАУ. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assimilirovannyye-yazykovye-edinitsey-ili-sobstvenno-zaimstvovaniya> (дата обращения: 20.11.2024).
10. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ // Филология и человек. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upotrebleniya-zaimstvovannoy-leksiki-v-sovremennyh-smi> (дата обращения: 12.02.2025).
11. Дюзгюн Ф. Овладение заимствованной терминологической лексикой турецкими учащимися при изучении языка делового общения в сфере бизнеса // Преподаватель XXI век. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ovladienie-zaimstvovannoy-terminologicheskoy-leksikoy-turetskimi-uchaschimisya-pri-izuchenii-yazyka-delovogo-obscheniya-v-sfere> (дата обращения: 24.11.2024).
12. Зейналлы Ж. Р. Вопросы синонимии, вариативности и дублирования в заимствованных словах // Научная мысль Кавказа. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sinonimii-variativnosti-i-dublirovaniya-v-zaimstvovannyh-slovah> (дата обращения: 12.02.2025).
13. Кабахидзе Е. Л. Глобализация и языковая картина мира // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-yazykovaya-kartina-mira> (дата обращения: 12.02.2025).
14. Казаченко О. В. Проблема заимствований как фактор изменения языкового сознания // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zaimstvovaniy-kak-faktor-izmeneniya-yazykovogo-soznaniya> (дата обращения: 12.02.2025).

15. Косырева М.С. Экстралингвистические факторы и риски языковой глобализации // МНИЖ. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstralingvisticheskie-factory-i-riski-yazykovoy-globalizatsii> (дата обращения: 20.03.2025).
16. Мадмарова Г.А., Мамытова Г.З., Сабиралиева З.М., Нусуратилда М. Заимствования в языке как результат межкультурного взаимодействия народов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-yazyke-kak-rezultat-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-narodov> (дата обращения: 20.03.2025).
17. Мадмарова Г.А., Мамытова Г.З., Сабиралиева З.М., Нусуратилда М. О природе вариантности заимствованной лексики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-variantnosti-zaimstvovannoy-leksiki> (дата обращения: 20.03.2025).
18. Мамедова Н.Я. Обогащение словарного состава турецкого литературного языка английскими заимствованиями // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obogaschenie-slovarnogo-sostava-turetskogo-literaturnogo-yazyka-angliyskimi-zaimstvovaniyami> (дата обращения: 20.03.2025).
19. Махмудова Г.Ч. Процесс образования новых слов в тюркских языках в период независимости тюркоязычных государств // Вестник ВУиТ. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-obrazovaniya-novyh-slov-v-tyurkskih-yazykah-v-period-nezavisimosti-tyurkoyazychnyh-gosudarstv> (дата обращения: 20.03.2025).
20. Марусенко Михаил Александрович Глобальный английский и национальная идентичность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-angliyskiy-i-natsionalnaya-identichnost> (дата обращения: 20.03.2025).
21. Минсафина Алина. "Влияние Английской Лексики На Современный Турецкий Язык."Актуальные проблемы изучения современной Турции (Материалы международной конференции 21 апреля 2010 года). 2011, pp. 173-176.
22. Оздемир Д.А. Турецкий язык и проблема языковых заимствований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-yazyk-i-problema-yazykovyh-zaimstvovaniy> (дата обращения: 20.03.2025).
23. Омонов К. Ш., Зикруллаева Х. Б. Научно-технические термины и переводческие методы, использованные при их создании // Вестник ЧелГУ. 2020. №1 (435).

- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-tehnicheskie-terminy-i-perevodcheskie-metody-ispolzovannye-pri-ih-sozdanii> (дата обращения: 20.03.2025).
24. Орешкина Мария Васильевна Заимствование языковое // Социолингвистика. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovanie-yazykovoe> (дата обращения: 10.03.2024).
25. Позднякова А. А., Дюзгюн Ф. Фонетико-графическое освоение англоязычных экономических терминов в русском и турецком языках // Преподаватель XXI век. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonetiko-graficheskoe-osvoenie-angloyazychnyh-ekonomicheskikh-terminov-v-russkom-i-turetskom-yazykah> (дата обращения: 11.03.2025).
26. Ряпов Р. И., Меметов И. А. Лингвистические заимствования и их эквиваленты в юридической лексике турецкого языка // Научный вестник Крыма. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zaimstvovaniya-i-ih-ekvivalenty-v-yuridicheskoy-leksike-turetskog-o-yazyka> (дата обращения: 20.03.2025).
27. Семкулич Д. В. Структурно-семантическая характеристика западноевропейских лексических заимствований и сферы их функционирования в турецком языке // Известия ВГПУ. 2022. URL: [zaimstvovaniy-i-sfery-ih-funktsionirovaniya-v-turetskom](https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskaya-harakteristika-zapadnoevropeyskih-leksicheskikh-zaimstvovaniy-i-sfery-ih-funktsionirovaniya-v-turetskom) (дата обращения: 11.03.2025).
28. Семкулич Д. В. Реформаторская деятельность турецкого лингвистического общества в период языковой революции в Турции // Известия ВГПУ. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskaya-deyatelnost-turetskogo-lingvisticheskogo-obschestva-v-period-yazykovoy-revolyuitsii-v-turtsii> (дата обращения: 21.03.2025).
29. Смокотин В. М., Гураль С. К. Понятие языка всемирного общения и его место среди вариантов английского языка и в глобальной системе языков // Язык и культура. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yazyka-vsemirnogo-obscheniya-i-ego-mesto-sredi-variantov-angliyskogo-yazyka-i-v-globalnoy-sisteme-yazykov> (дата обращения: 20.02.2025).
30. Тарасова М. В., Безрукая А. Н. Процесс глобализации как причина появления большого количества заимствованной лексики // Вестник науки. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-globalizatsii-kak-prichina-poyavleniya-bolshogo-kolichestva-zaimstvovannoy-leksiki> (дата обращения: 20.03.2024).
31. Тектен Т. Из истории реформ по обновлению турецкого языка // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-reform-po-obnovleniyu-turetskogo-yazyka-1> (дата обращения: 20.03.2024).

32. Хатхе А. А., Читао И. А., Хуажева Н. Х., Шхлахова Р. А. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-yazyke> (дата обращения: 24.11.2024).
33. Чурсина О. В., Сапарова Ю. И. Турецкий как язык цивилизации и науки в XXI веке // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-kak-yazyk-tsivilizatsii-i-nauki-v-xxi-veke> (дата обращения: 24.11.2024).
34. Шадманова, Нигора Иргашевна ИЗУЧЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ // ORIENSS. 2024. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-zaimstvovannoy-leksiki> (дата обращения: 24.11.2024).
35. Arik, Engin. «English-Medium Instruction in Turkish Higher Education: The Current State of English in Psychology Departments.» Journal of English as an International Language, 2018. <https://www.academia.edu/76489395/English-Medium-Instruction-in-Turkish-Higher-Education-The-Current-State-of-English-in-Psychology-Departments> (дата обращения: 24.11.2024).
36. Dogancay-Aktuna, Seran. «English in Turkey» World Englishes, 2005, 24(2), pp. 253-265.
37. Haznedar, Belma. «Crosslinguistic Influence in Turkish-English Bilingual First Language Acquisition: The Overuse of Subjects in Turkish» Proceedings of the 2nd Conference on Generative. 2007.
38. Petrova Yulia, Kuleshova Ksenia Cultural and historical evolution of the Turkish language under the influence and borrowing of European languages // Научный альманах стран Причерноморья. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cultural-and-historical-evolution-of-the-turkish-language-under-the-influence-and-borrowing-of-european-languages> (дата обращения: 24.11.2024).
39. Akalln, Şükrü Halûk. «Образование Слов в Турецком Языке Путем Обновления.» «SÖZÜM MUNDA QALİR, BARİR BU ÖZÜM... » Scripta in Memoriam D.M. Nasilov , 2019, pp. 50-56.
40. Kumanlı, M. S. (2021). Türkçe Sözlük'te İngilizceden Alıntı Sözlükbirimlerin Tanım Görünümleri. RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, (24), 158-173. <https://doi.org/10.29000/rumelide.990117> (дата обращения: 24.11.2024).
41. Öztekten Ö. Türkçedeki doğu alıntılarının ses özellikleri üzerine notlar. Kemaloğlu YK, Kasapoğlu Çengel H, Mengü G, editörler. Odyolojide Konuşmanın Fonetik (Sesbilgisel) ve Fonolojik (Sesbilimsel) Özelliklerinin Önemi: Türkçe Örneği. 1. Baskı. Ankara: Türkiye Klinikleri; 2022. pp.42-50.

References

1. Abdusalamov M. M. Anglijskij yazyk v Turcii: hronologiya i dinamika rasprostraneniya. 2021a. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglijskiy-yazyk-v-turtsii-hronologiya-i-dinamika-rasprostraneniya> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
2. Abdusalamov M. M. Sociolingvisticheskiy profil' global'nogo yazyka v strane rasshiryayushchegosya kruga po modeli B. Kachru (na primere anglijskogo yazyka v Turcii). 2021b. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiolingvisticheskiy-profil-globalnogo-yazyka-v-strane-rasshiryayushchegosya-kruga-po-modeli-b-kachru-na-primere-anglijskogo> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
3. Abdusalamov M. M. Vliyanie global'nogo yazyka na nacional'nuyu politiku strany v sfere inostrannyh yazykov (na primere Turcii) // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2021s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalnogo-yazyka-na-natsionalnuyu-politiku-strany-v-sfere-inostrannyh-yazykov-na-primere-turtsii> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
4. Ahmetshina YU. V. Sovremennye angloyazychnye zaimstvovaniya i problema mezhvariantnosti v svete obshchej teorii zaimstvovaniya. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-angloyazychnye-zaimstvovaniya-i-problema-mezhvariantnosti-v-svete-obshchey-teorii-zaimstvovaniya> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
5. Bashirova D.I., Nigmatullina A.M. Leksicheskie zaimstvovaniya iz anglijskogo yazyka v sovremennom tureckom yazyke // Vestnik nauki 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-zaimstvovaniya-iz-anglijskogo-yazyka-v-sovremennom-tureckom-yazyke> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
6. Borzaeva B. B., Abubakarova L. S. YAzykovoj faktor globalizatsii // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-faktor-globalizatsii-1> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
7. Vasil'ev A. D. Neskromnoe obayanie anglicizmov: magnetizm temnyh slov // Sibirskij filologicheskij forum. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neskromnoe-obayanie-anglitsizmov-magnetizm-temnyh-slov> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
8. Geranina I. N. O termine «zaimstvovanie» // Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-zaimstvovanie> (data obrashcheniya: 19.12.2024).
9. Gutorova N. S. Assimilirovannye yazykovye edinicy, ili sobstvenno zaimstvovaniya // NAU. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assimilirovannye-yazykovye-edinitsy-ili-sobstvenno-zaimstvovaniya> (data obrashcheniya: 20.11.2024).
10. Degal'ceva A. V., Sirotinina O. B. Problemy upotrebleniya zaimstvovannoj leksiki

- v sovremennyh SMI // Filologiya i chelovek. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upotrebleniya-zaimstvovannoy-leksiki-v-sovremennyh-smi> (data obrashcheniya: 12.02.2025).
11. Dyuzgyun F. Ovladenie zaimstvovannoy terminologicheskoy leksikoy tureckimi uchashchimisya pri izuchenii yazyka delovogo obshcheniya v sfere biznesa // Prepodavatel' HKHI vek. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ovladienie-zaimstvovannoy-terminologicheskoy-leksikoy-turetskimi-uchashchimisya-pri-izuchenii-yazyka-delovogo-obshcheniya-v-sfere> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
 12. Zejnally ZH. R. Voprosy sinonimii, variativnosti i dublirovaniya v zaimstvovannyh slovah // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sinonimii-variativnosti-i-dublirovaniya-v-zaimstvovannyh-slovah> (data obrashcheniya: 12.02.2025).
 13. Kabahidze E. L. Globalizatsiya i yazykovaya kartina mira // Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-yazykovaya-kartina-mira> (data obrashcheniya: 12.02.2025).
 14. Kazachenko O. V. Problema zaimstvovaniy kak faktor izmeneniya yazykovogo soznaniya // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zaimstvovaniy-kak-faktor-izmeneniya-yazykovogo-soznaniya> (data obrashcheniya: 12.02.2025).
 15. Kosyreva M.S. Ekstralingvisticheskie faktory i riski yazykovoy globalizatsii // MNIZH. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstralingvisticheskie-faktory-i-riski-yazykovoy-globalizatsii> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
 16. Madmarova G.A., Mamytova G.Z., Sabiralieva Z.M., Nusuratilda M. Zaimstvovaniya v yazyke kak rezul'tat mezhkul'turnogo vzaimodeystviya narodov // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-yazyke-kak-rezultat-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-narodov> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
 17. Madmarova G.A., Mamytova G.Z., Sabiralieva Z.M., Nusuratilda M. O prirode variantnosti zaimstvovannoy leksiki // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-variantnosti-zaimstvovannoy-leksiki> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
 18. Mamedova N.YA. Obogashchenie slovarnogo sostava tureckogo literaturnogo yazyka angliyskimi zaimstvovaniyami // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obogaschenie-slovarnogo-sostava-turetskogo-literaturnogo-yazyka-angliyskimi-zaimstvovaniyami> (data obrashcheniya: 20.03.2025).

- 20.03.2025).
19. Mahmudova G.CH. Process obrazovaniya novykh slov v tyurkskikh yazykah v period nezavisimosti tyurkoyazychnykh gosudarstv // Vestnik VUiT. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-obrazovaniya-novykh-slov-v-tyurkskikh-yazykah-v-period-nezavisimosti-tyurkoyazychnykh-gosudarstv> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
20. Marusenko Mihail Aleksandrovich Global'nyj anglijskij i nacional'naya identichnost' // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, YAzykoznanie: Referativnyj zhurnal. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-angliyskiy-i-natsionalnaya-identichnost> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
21. Minsafina Alina. "Vliyanie Anglijskoj Leksiki Na Sovremennyj Tureckij YAzyk." Aktual'nye problemy izucheniya sovremennoj Turcii (Materialy mezhdunarodnoj konferencii 21 aprelya 2010 goda). 2011, rr. 173-176.
22. Ozdemir D.A. Tureckij yazyk i problema yazykovykh zaimstvovaniy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-yazyk-i-problema-yazykovykh-zaimstvovaniy> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
23. Omonov K. SH., Zikrullaeva H. B. Nauchno-tekhnicheskie terminy i perevodcheskie metody, ispol'zovannye pri ih sozdanii // Vestnik CHelGU. 2020. №1 (435). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-tekhnicheskie-terminy-i-perevodcheskie-metody-ispolzovannye-pri-ih-sozdanii> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
24. Oreshkina Mariya Vasil'evna Zaimstvovanie yazykovoe // Sociolingvistika. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovanie-yazykovoe> (data obrashcheniya: 10.03.2024).
25. Pozdnyakova A. A., Dyuzgyun F. Fonetikograficheskoe osvoenie angloyazychnykh ekonomicheskikh terminov v russkom i tureckom yazykah // Prepodavatel' HKHI vek. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonetiko-graficheskoe-osvoenie-angloyazychnykh-ekonomicheskikh-terminov-v-russkom-i-turetskom-yazykah> (data obrashcheniya: 11.03.2025).
26. Ryapov R. I., Memetov I. A. Lingvisticheskie zaimstvovaniya i ih ekvivalenty v yuridicheskoy leksike tureckogo yazyka // Nauchnyj vestnik Kryma. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zaimstvovaniya-i-ih-ekvivalenty-v-yuridicheskoy-leksike-turetskog-o-yazyka> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
27. Semkulich D. V. Strukturno-semanticheskaya harakteristika zapadnoevropejskikh leksicheskikh zaimstvovaniy i sfery ih funkcionirovaniya v tureckom yazyke // Izvestiya VGPU. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno->

- semanticheskaya-harakteristika-zapadnoevropeyskikh-leksicheskikh-zaimstvovaniy-i-sfery-ih-funktsionirovaniya-v-turetskom (data obrashcheniya: 11.03.2025).
28. Semkulich D. V. Reformatorskaya deyatelnost' tureckogo lingvisticheskogo obshchestva v period yazykovoy revolyucii v Turcii // Izvestiya VGPU. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskaya-deyatelnost-turetskogo-lingvisticheskogo-obshchestva-v-period-yazykovoy-revolutsii-v-turtsii> (data obrashcheniya: 21.03.2025).
 29. Smokotin V. M., Gural' S. K. Ponyatie yazyka vseмирного obshcheniya i ego mesto sredi variantov angliyskogo yazyka i v global'noj sisteme yazykov // YAzyk i kul'tura. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yazyka-vseмирного-obshcheniya-i-ego-mesto-sredi-variantov-angliyskogo-yazyka-i-v-globalnoy-sisteme-yazykov> (data obrashcheniya: 20.02.2025).
 30. Tarasova M. V., Bezrukaya A. N. Process globalizatsii kak prichina poyavleniya bol'shogo kolichestva zaimstvovannoy leksiki // Vestnik nauki. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-globalizatsii-kak-prichina-poyavleniya-bol'shogo-kolichestva-zaimstvovannoy-leksiki> (data obrashcheniya: 20.03.2024).
 31. Tekten T. Iz istorii reform po obnovleniyu tureckogo yazyka // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-reform-po-obnovleniyu-turetskogo-yazyka-1> (data obrashcheniya: 20.03.2024).
 32. Hathe A. A., CHitao I. A., Huazheva N. H., SHkhalahova R. A. ZAIMSTVOVANIYA V YAZYKE // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. №10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-yazyke> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
 33. CHursina O. V., Saparova YU. I. Tureckij kak yazyk civilizatsii i nauki v XXI veke // Mezhdisciplinarnye issledovaniya: opyt proshlogo, vozmozhnosti nastoyashchego, strategii budushchego. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-kak-yazyk-tsivilizatsii-i-nauki-v-xxi-veke> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
 34. SHadmanova, Nigora Irgashevna IZUCHENIE ZAIMSTVOVANNOJ LEKSIKI // ORIENSS. 2024. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-zaimstvovannoy-leksiki> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
 35. Arik, Engin. «English-Medium Instruction in Turkish Higher Education: The Current State of English in Psychology Departments.» Journal of English as an International Language, 2018. https://www.academia.edu/76489395/English_Medium_Instruction_in_Turkish_Higher_Education_The_Current_State_of_English_in_Psychology_Departments (data obrashcheniya: 24.11.2024).
 36. Dogancay-Aktuna, Seran. «English in Turkey» World Englishes, 2005, 24(2), pp. 253-265.
 37. Haznedar, Belma. «Crosslinguistic Influence in Turkish-English Bilingual First Language

Acquisition: The Overuse of Subjects in Turkish» Proceedings of the 2nd Conference on Generative. 2007.

38. Petrova Yulia, Kuleshova Ksenia Cultural and historical evolution of the Turkish language under the influence and borrowing of European languages // Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cultural-and-historical-evolution-of-the-turkish-language-under-the-influence-and-borrowing-of-european-languages> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
39. Akalın, Şükrü Halûk. «Образование Слова в Турецком Языке Путем Обновления.» «SÖZÜM MÜNDA QALİR, BARİR BU ÖZÜM...» Scripta in Memoriam D.M. Nasilov, 2019, pp. 50-56.
40. Kumanlı, M. S. (2021). Türkçe Sözlük'te İngilizceden Alıntı Sözlükbirimlerin Tanım Görünümleri. RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, (24), 158-173. <https://doi.org/10.29000/rumelide.990117> (data obrashcheniya: 24.11.2024).
41. Öztekten Ö. Türkçedeki doğu alıntılarının ses özellikleri üzerine notlar. Kemaloğlu YK, Kasapoğlu Çengel H, Mengü G, editörler. Odyolojide Konuşmanın Fonetik (Sesbilgisel) ve Fonolojik (Sesbilimsel) Özelliklerinin Önemi: Türkçe Örneği. 1. Baskı. Ankara: Türkiye Klinikleri; 2022. pp.42-50.
42. Hikmet N. Şeyh Bedrettin Destanı. Birinci Baskı, 1977. (In Turk.)

Сведения об авторах

Ибрагимова Энже Раисовна

Йылмаз Эльвира Рафиловна

Хабибуллина Эльмира Камилевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

el-vira-hadieva@yandex.ru

Information about the Authors

Enzhe R. Ibragimova

Elvira R. Yilmaz

Elmira K. Khabibullina

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

el-vira-hadieva@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Lexico-Semantic and Syntactic Features of the Implementation of Defamation Tactics in the Digital Diplomacy of the People's Republic of China

Лексико-семантические и синтаксические особенности реализации тактики диффамации в цифровой дипломатии КНР

Урывская Татьяна Александровна¹,

Грохотова Татьяна Игоревна²

^{1,2}МГИМО МИД России, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

t.uryvskaya@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-0146-1365

Uryvskaya T.A.¹,

Grokhotova T.I.²

^{1,2}MGIMO University, Moscow, Russia

Corresponding author:

t.uryvskaya@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-0146-1365

УДК 811.581:327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-22-36](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-22-36)

АННОТАЦИЯ

Целью этого исследования является анализ лексико-семантических и синтаксических особенностей реализации тактики диффамации цифровой дипломатии КНР в специфичном корпусе медиатекстов пресс-конференций МИД КНР 2024–2025 гг. На пути достижения цели авторы ставят перед собой ряд задач: изучить существующие в русскоязычной научной литературе определения цифровой дипломатии; исследовать классификацию коммуникативных стратегий цифровой дипломатии; используя официально опубликованные стенограммы пресс-конференций МИД КНР, создать специфичный корпус, направленный на выборку случаев употребления ключевого слова 美国 ‘США’; выявить в корпусе лексико-семантические и синтаксические особенности

ABSTRACT

The objective of this study is to analyze the lexical-semantic and syntactic features of the implementation of defamation tactics in the digital diplomacy of the People's Republic of China within a specialized corpus of media texts derived from press conferences of the PRC Ministry of Foreign Affairs from 2024–2025. To achieve the objective the authors set themselves a number of tasks: to review existing definitions of digital diplomacy in Russian-language academic literature; to examine classifications of communicative strategies in digital diplomacy; to compile a specialized corpus based on officially published transcripts of PRC Ministry of Foreign Affairs press conferences, focusing on instances of the keyword 美国 ‘USA’; and to identify lexical-semantic and syntactic features of defamation tactics within the corpus in

реализации тактики диффамации в контексте упоминания ключевого слова 美国 'США'. Полученные данные подтверждают, что диффамация в цифровой дипломатии КНР представляет собой не случайный элемент, а системную стратегию, реализуемую через тщательно отобранную лексику и лингвопрагматические приемы.

Ключевые слова. Цифровая дипломатия, дипломатический дискурс, МИД КНР, коммуникативные стратегии, диффамация, китайский язык.

Для цитирования: Урывская Т.А., Грохотова Т.И. Лексико-семантические и синтаксические особенности реализации тактики диффамации в цифровой дипломатии КНР. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 22–36 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-22-36>

Масштабное развитие новых технологий за считанные десятилетия до неузнаваемости изменили жизнь людей практически во всех сферах. Влияя на деятельность человека в целом, научно-технологические инновации, безусловно, влияют и на целые институты, в том числе и на современную дипломатию. Несмотря на то, что протокол и традиции составляют очень важную часть этого института, современные информационно-коммуникационные технологии и различные внешние факторы так или иначе ведут к трансформации способов ведения коммуникации между акторами внешней политики. Все это дало начало новым формам ведения дипломатической деятельности, например, цифровой дипломатии. Мы уверены,

the context of mentions of the keyword 美国 'USA'. The results of the study confirm that defamation in the digital diplomacy of the PRC is not a random element, but a systematic strategy implemented through carefully selected vocabulary and linguapragmatic devices.

Keywords. Digital Diplomacy, Diplomatic Discourse, Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Communication Strategies, Defamation, the Chinese Language.

For citation: Uryvskaya T.A., Grokhotova T.I. Lexico-Semantic and Syntactic Features of the Implementation of Defamation Tactics in the Digital Diplomacy of the People's Republic of China. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P.22-36 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-22-36>

что медиа и новые (сетевые) медиа, как пространство для коммуникации с внешним миром, дало дипломатии не только новейшие инструменты выполнения задач внешней политики, но и пространство для лингвокреативности, которая, ввиду дискурсивных особенностей, позволяет искусно манипулировать формами и функциями языка. Так под влиянием давних традиций дипломатии и особенностей медиапространства современная цифровая дипломатия формулирует новые коммуникативные стратегии данного дискурса, лексико-семантические и синтаксические особенности реализации которых безусловно представляют научный интерес.

Объектом исследования является комплекс коммуникативных стратегий современного дискурса цифровой дипломатии КНР. Предметом исследования выступают лексико-семантические и синтаксические особенности реализации тактики диффамации оценочной стратегии в стенограммах пресс-конференций МИД КНР.

Целью этого исследования является выявление и анализ лексико-семантических и синтаксических особенностей реализации тактики диффамации цифровой дипломатии КНР в специфичном корпусе медиатекстов пресс-конференций МИД КНР 2024–2025 гг.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

Изучить существующие в русскоязычной научной литературе определения цифровой дипломатии.

Исследовать классификацию коммуникативных стратегий цифровой дипломатии.

Используя официально опубликованные стенограммы пресс-конференций МИД КНР, создать специфичный корпус, направленный на выборку случаев употребления ключевого слова 美国 ‘США’.

Выявить в корпусе лексико-семантические и синтаксические особенности реализации тактики диффамации в контексте упоминания ключевого слова 美国 ‘США’.

Обзор русскоязычной научной литературы свидетельствует о том, что цифровая дипломатия является очень популярным направлением

исследований, в рамках которого нужно выделить труды таких специалистов как Цветкова Н.А., Зиновьева Е.С., Кубышкин А.И., Сурма И.В., Карпович О.Г. и Троянский Г.М., Синчук Ю.В. и Каширина Т.В. и др.

Определение цифровой дипломатии

Как уже было отмечено выше, эта форма дипломатии является популярным направлением исследований с точки зрения политологии, истории, филологии и других наук. В ходе обзора русскоязычной научной литературы была выявлена терминологическая вариативность данного понятия. Так, например, Зиновьева Е.С. отмечает, что термин «цифровая дипломатия» применяется исследователями наряду с понятиями «интернет-дипломатия», «дипломатия социальных сетей» и «Web 2.0 дипломатия» (Зиновьева 2013, 213). В ходе работы с другими источниками нам также встречались варианты «электронная дипломатия», «медиа-дипломатия», «кибер-дипломатия» и даже такой частный случай как «твиттер-дипломатия» или «твитпломатия». Безусловно, не все эти варианты являются взаимозаменяемыми, однако по многим параметрам все они образуют единое терминологическое поле. Но учитывая распространенность термина «цифровая дипломатия», мы будем оперировать именно им.

Говоря о дефинициях исследуемого понятия, нужно отметить несколько важных и емких формулировок. Барышников Д.Н. и Тюленков А.Ю. в одной из статей исследуют цифровую дипломатию как новейший внешнеполитический информационный ресурс (Барышников, Тюленков 2012, 121), а также дают полноценное

определение: «Цифровая дипломатия или “новая” публичная дипломатия (Дипломатия Web 2.0) — это способ влияния на международную ситуацию и зарубежную аудиторию посредством новейших информационных технологий» (Барышников, Туленков 2012, 123).

При прочтении определения выше логически возникают два вопроса: что связывает публичную дипломатию и цифровую дипломатию? И почему цифровая дипломатия называется «новой» публичной дипломатией? Ответ мы нашли в учебном пособии «Публичная дипломатия США» Кубышкина А.И. и Цветковой Н.А. «Публичная дипломатия (public diplomacy) — это способ коммуникативного (коммуникационного) влияния государства на зарубежное общественное мнение с целью реализации определенных политических, дипломатических, военных и экономических задач...» (Кубышкин, Цветкова 2013, 50). При этом авторы подчеркивают, что публичная дипломатия не имеет прямого влияния на общественные массы за рубежом, она воздействует на зарубежные элиты, которые в свою очередь способны повлиять на общественное мнение в своей стране (Кубышкин, Цветкова 2013, 50). «Новая публичная дипломатия (цифровая дипломатия, digital diplomacy) — это способ коммуникативного влияния на международную ситуацию и зарубежную аудиторию посредством новых технологий (блоги, специальные сайты: Facebook, Twitter, YouTube, SMS-рассылка), которые продвигаются в зарубежных странах» (Кубышкин, Цветкова 2013, 52).

Карпович О.Г. и Троянский Г.М. также описывают рассматриваемую форму дипломатии как одну из разновидностей публичной дипломатии, которая способствует укреплению дипломатических отношений посредством современных средств коммуникации (Карпович, Троянский 2020).

Так как термин «цифровая дипломатия» впервые начал использоваться в научной литературе применительно непосредственно к внешней политике США, следует обратить внимание на еще одну дефиницию Зиновьевой Е.С.: «Цифровая дипломатия США — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитой зарубежных государств» (Зиновьева 2013, 213).

Зиновьева Е.С. под «цифровой дипломатией» подразумевает «широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети для содействия государственным органам для осуществления функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня» (Зиновьева 2013, 213).

Синчук Ю.В., Каширина Т.В. в своей статье «Перспективы и возможности цифровой дипломатии» заключают, что «работы, посвященные цифровой дипломатии, в основном фокусируются на рассмотрении данного феномена в контексте влияния на иностранную аудиторию

с помощью современных технологий и социальных сетей» (Синчук, Каширина 2021, 90).

Классификация коммуникативных стратегий цифровой дипломатии

В отечественной и зарубежной научной литературе существует колоссальное количество авторитетных определений понятия «коммуникативная стратегия», приведем в пример одно из них: «Коммуникативная стратегия — это последовательность интенций речевых действий, реализуемая в той или иной конкретной последовательности коммуникативных ходов» (Карасик 2004, 295). Выбор той или иной стратегии определяет выбор языковых средств для достижения поставленных коммуникативных целей. Следовательно, «вербализация коммуникативных стратегий получает свое выражение в лингвистических стратегиях — применении языковых средств рационального и эмоционального характера: выборе слов, фраз, метафор, эпитетов и т. д.» (Меграбова 2009, 55).

Так как цифровая дипломатия является чрезвычайно популярным инструментом влияния на международную ситуацию и мнение зарубежной аудитории посредством самых современных информационных технологий, а ее целью часто называют продвижение внешнеполитических интересов, изучение классификаций коммуникативных стратегий представляется чрезвычайно важным для этого исследования.

Вопросом классификации коммуникативных стратегий посвящено большое количество работ, в данном направлении, в частности, ра-

ботают такие отечественные исследователи Иссерс О.С., Меграбова Э. Г., Новиков Н.В., Кауфова И.Б., Кауфова Л.А и др. Однако в данной статье мы будем в основном опираться на типологию Меграбова Э.Г. Исследователь выделяет следующие стратегии:

- **«Информационные:** стратегии отбора определенной информации, детального развития информации, ограничения информации, замалчивания некоторых фактов (стратегия умолчания) или игнорирование их.
- **Оценочные:** стратегия диффамации (атака, неодобрение, презрение, осуждение); стратегия позитивной репрезентации; стратегия противоречия (контраст, поляризация); стратегия аллегории.
- **Аргументативные:** стратегии доверия и надежности основаны на цитировании, свидетельствах очевидцев, надежных источниках информации, цифровых доказательствах» (Меграбова 2009, 55).

Мы уверены, что среди всех перечисленных стратегий именно оценочные будут реализованы с помощью ярких, несвойственных и неожиданных для традиционного дипломатического дискурса лингвистических средств. Ведь несмотря на то, что в цифровой дипломатии чаще используются не совсем традиционные каналы передачи информации, она, как жанр дипломатического дискурса, все же подчиняется его правилам. Но реальные примеры из цифровой дипломатии различных стран доказывают, что ввиду особенностей целей

и инструментария, а также лингвокреативности акторов внешней политики, цифровая дипломатия начинает обретать свои собственные дискурсивные особенности.

Если говорить подробнее, то диффамация представляет собой совокупность аксиологического контекста, апелляции к ценностям, так называемые buzzwords ('модные слова'), навешивание ярлыков и ироничные сравнения. Главная цель диффамации — создание негативного образа объекта высказывания. Она может быть выражена напрямую (эксплицитно) и косвенно (имплицитно), например, через манипуляции, в том числе посредством невербальных средств.

Так как именно диффамация, в палитру лингвистических инструментов которой входят атака, неодобрение, презрение, осуждение и т. д., способна генерировать самые любопытные с точки зрения языка кейсы, в данной работе мы сосредоточились на анализе лексико-семантических особенностей реализации этой тактики цифровой дипломатии КНР в специфичном корпусе медиатекстов.

Специфичный корпус медиатекстов пресс-конференций МИД КНР 2024–2025 гг.

Материалом данного исследования является специально сконструированный специфичный лингвистический корпус медиатекстов пресс-конференций МИД КНР 2024–2025 гг. (далее — Корпус). При помощи метода сплошной выборки на официальном сайте МИД КНР (<https://www.mfa.gov.cn/>) были отобраны 348 медиатекстов пресс-конференций за период

2024–2025 гг. Объем Корпуса составляет около 1 млн знаков (920 726 п.з.). В качестве обоснования границ объема Корпуса исследования приведем два аргумента: а) «в истории корпусной лингвистики встречались корпуса текстов объемом в 1 млн словоупотреблений» (Урывская 2022, 118); б) корпус этого исследования относится к специфичным, то есть отражающим бытование отдельного языкового, культурного или лингвопрагматического явления. Таким образом обозначенный объем можно считать в полной мере достаточным и подходящим для изучения лексико-семантических и синтаксических особенностей реализации тактики диффамации цифровой дипломатии КНР на обозначенном периоде времени.

На первом этапе анализа практического материала была произведена выборка медиатекстов, в которых встречались все случаи употребления ключевого слова 美国 'США'. Согласно гипотезе исследования, новый виток обострений в китайско-американских отношениях последних лет способствует активному применению в дипломатическом дискурсе КНР оценочных стратегий и непосредственно тактики диффамации в реакциях на заявления и действия США. США выступают основным системным оппонентом КНР в торговых, технологических и идеологических конфликтах, поэтому являются одним из мощнейших триггеров диффамации в китайской официальной риторике, что естественным образом находит отражение в речи официальных представителей МИД КНР.

На втором этапе анализ Корпуса проводится на нескольких уровнях: лексическом (поиск текстов с ключевым словом 美国 и выделением ключевых глаголов, таких как «нарушать», «вмешиваться», «подавлять»), синтаксическом (анализ конструкций с негативной семантикой) и прагматическом (выявление диффамационных тактик). Анализ также включает подсчет частотности употребления

美国 в негативном контексте, а также выявление типичных сочетаний (например, с лексемами «гегемония», «двойные стандарты», «санкции» и др.).

Ввиду существующих ограничений объемов публикации ниже будет приведен анализ небольшого количества наиболее ярких примеров реализации тактики диффамаций, обнаруженных в рамках Корпуса.

Лексико-семантические и синтаксические особенности реализации тактики диффамации в контексте упоминания ключевого слова 美国 ‘США’.

<p>值得注意的是，报告揭露出，美国是全球最主要的通过供应链和移动运营商实施网络攻击的国家。多年来，美方惯于在供应链安全问题上“贼喊捉贼”，操弄双重标准，不遗余力炒作所谓“5G供应链安全问题”，同时却在自已国家大型互联网企业或设备供应商配合下，在全球信息设备产品中预设后门，服务于自身网络攻击行为。相信这份报告有助于国际社会认清美国的真实面目。</p> 	<p>Примечательно, что, согласно докладу, США являются основным в мире государством, которое осуществляет кибератаки через цепочки поставок и мобильных операторов. На протяжении многих лет американская сторона привыкла переводить подозрения на других в вопросе безопасности цепочек поставок, манипулировать двойными стандартами и, не жалея сил, раздувать так называемую «проблему безопасности цепочек поставок 5G». В то же время, сотрудничая с внутренними крупными интернет-компаниями или поставщиками оборудования, предустанавливают бэкдоры в продукты информационного оборудования для глобального применения, служащими для их кибератак. Мы верим, что этот доклад поможет международному сообществу увидеть истинное лицо США.</p>
--	---

Таб. 1. Фрагмент пресс-конференции МИД КНР 25.03.2025

Table 1. Fragment of the press conference of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on 03/25/2025

В отрывке, приведенном в таблице 1, используется выражение 不遗余力 ‘не жалея сил’, которые создает семантическое поле навязчивой одержимости, приписывая американской

стороне иррациональную целеустремленность в деструктивной деятельности. Ранжирование через определение США как 全球最主要的..... 实施网络攻击的国家 ‘ведущей страны в мире по

кибератакам' создает образ уникальной, беспрецедентной опасности. Прямая номинация неправомерных действий/приемов ('кибератаки', 'бэкдоры') служит для объективизации обвинений, переводя их из области предположений в категорию констатируемых фактов. Чэньюй 贼喊捉贼 'вор кричит: «держи

вора»' выполняет двойную функцию: с одной стороны, она акцентирует лицемерие, с другой — через контраст с требованием «увидеть истинное лицо» (认清真实面目) создает эффект разоблачения. Вводная конструкция 报告揭露出 'доклад разоблачает' задает неоспоримый статус всего высказывания.

美国一边出台大规模援乌法案，一边无端指责中俄正常经贸往来，这是赤裸裸的虚伪双标。美国惯于把自己伪装成所谓“正义使者”“人权卫士”“世界警察”，干的却都是拱火浇油、挑乱生战、对立对抗的事。谁是乌克兰危机的始作俑者？谁是地区陷入冲突战乱的幕后推手？谁是让危机延宕不绝的罪魁祸首？谁是全球和平稳定的最大乱源？国际社会看得清清楚楚。

Представляя масштабный законопроект о помощи Украине, США безосновательно осуждают нормальные торгово-экономические связи Китая и России. Это откровенное лицемерие и двойные стандарты. США привыкли маскироваться под так называемых «посланника справедливости», «защитника прав человека» и «мирового полицейского», но на самом деле они лишь подливают масла в огонь, провоцируют хаос, войну и конфронтацию. Кто является зачинщиком украинского кризиса? Кто стоит за втягиванием регионов в конфликты и войны? Кто виноват в затягивании кризиса? Кто является самым большим источником хаоса для глобального мира и стабильности? Международное сообщество видит это совершенно ясно.

Таб. 2. Фрагмент пресс-конференции МИД КНР
11.07.2024

Table 2. Fragment of the press conference of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on 11.07.2024

Использование в отрывке таблицы 2 конструкции '一边...一边...' 'с одной стороны... с другой стороны...' подчеркивает противоречивость действий США, что усиливается эмоционально заряженным словосочетанием '赤裸裸的虚伪双标' 'откровенное лицемерие и двойные стандарты'. Критика строится на последова-

тельной деконструкции американских самоидентификаторов: «так называемые» 正义使者 'посланник справедливости', 人权卫士 'защитник прав человека' и 世界警察 'мировой полицейский' противопоставляются действиям, описываемым идиомами 拱火浇油 'подливать масла в огонь', 挑乱生战 'сеять хаос

и разжигать войны’. Особую силу аргументации придает серия риторических вопросов, построенных по принципу градации: от 始作俑者 ‘зачинщик’ до 最大乱源 ‘главный источник хаоса’. Каждый последующий вопрос усиливает предыдущий, создавая кумулятивный эффект обвинения. Примечательно использование термина 幕后推手 ‘закулисный

зачинщик’, который придает действиям США характер тайного заговора. Финальное утверждение 国际社会看得清清楚楚 ‘международное сообщество ясно видит’ выполняет важную прагматическую функцию — оно придает субъективному мнению видимость объективной констатации, апеллируя к некоему коллективному знанию.

<p>所谓“债务负担”纯属炒作，罔顾事实。是谁在大搞胁迫和掠夺，大家都看得清清楚楚。我们奉劝美方好好反思自身对拉美和加勒比发展中国家的霸权霸凌和巧取豪夺，停止对中国的歪曲抹黑。</p> 	<p>Так называемое “бремя задолженности” — это чистой воды спекуляция и игнорирование фактов. Всем очевидно, кто на самом деле активно занимается принуждением и грабежом. Мы призываем США тщательно пересмотреть свою гегемонистскую политику и запугивание в отношении развивающихся стран Латинской Америки и Карибского бассейна, прекратить искажать образ Китая и очернять его.</p>
---	---

Таб. 3. Фрагмент пресс-конференции МИД КНР
27.03.2025

Table 3. Fragment of the press conference of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on 27.03.2025

В примере из таблицы 3 использование лексемы 所谓 ‘так называемый’ маркирует обвинения Китая со стороны США в том, что он накладывает на страны Латинской Америки «долговое бремя», как ложные и ангажированные. Усилительная фраза 纯属炒作 ‘чистой воды спекуляция’ вводит семантику сознательной манипуляции, а глагол 罔顾 ‘игнорировать’ подчеркивает преднамеренность этого искажения фактов. Особого внимания заслуживает подбор лексики для описания американской политики: 大搞胁迫和掠夺 ‘принуждение и грабеж’ и 巧取豪夺 ‘завладевать хитростью или силой’ криминализируют образ действий США.

Примечателен оборот речи 大家都看得清清楚楚 ‘всем совершенно очевидно’, представляющий субъективную оценку как объективную истину.

В примере таблицы 4 глагол 围堵 ‘блокировать; загораживать’ представляет действия США как неправомерную попытку сдерживания КНР. Использование слова 排华 ‘синофобия’ в сочетании с выражением 炒作中国威胁 ‘раздувание китайской угрозы’ маркирует позицию американской стороны как чрезмерно и беспричинно нацеленную против Китая. Лексема 口口声声 ‘твердить на каждом шагу’ в связке с идиомой 睁着眼睛说瞎话 ‘лгать с открытыми глазами’ подчеркивает лицемерие,

акцентирует внимание на непоследовательности, заключающейся в разрыве между заявлениями и реальными действиями США. Посредством упоминания американских СМИ в предложении 这是睁着眼睛说瞎话, 连美国媒体都不相信 ‘Это откровенная ложь, в которую не ве-

рят даже американские СМИ’ реализуется тактика апелляции к американским СМИ как к институту, который совершенно логично представляет США и защищает их позицию, и который сам «не верит» (不相信) в «откровенную ложь» (这是睁着眼睛说瞎话).

“四边机制”在美方“印太战略”中被定位为地区首要领导机制，是美国围堵中国、维护美霸权的一个工具。“印太战略”试图以炒作“中国威胁”凝聚排华遏华共识，“四边机制”试图以涉海议题纠集军事安全合作，意图和手法如出一辙。美方口口声声说不针对中国，但峰会第一个话题就是中国，峰会处处拿中国说事，这是睁着眼睛说瞎话，连美国媒体都不相信。

«Четырёхсторонний диалог по безопасности» (QUAD) позиционируется в «Индотихоокеанской стратегии» США как ключевой механизм регионального лидерства и является инструментом сдерживания Китая и поддержания гегемонии США. «Индотихоокеанская стратегия» пытается раздуть «китайскую угрозу», чтобы добиться консенсуса в отношении исключения и сдерживания Китая, а «Четырёхсторонний диалог по безопасности» использует вопросы, связанные с морем, для сосредоточения военного сотрудничества в области безопасности. Цели и методы идентичны. США неустанно твердят, что это не направлено против Китая, однако на саммите темой №1 стал Китай, и на саммите повсеместно обсуждают Китай. Это откровенная ложь, в которую не верят даже американские СМИ.

Таб. 4. Фрагмент пресс-конференции МИД КНР
23.09.2024

Table 4. Fragment of the press conference of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on 23.09.2024

В таблице 5 использование оборота ‘манипулировать’ формирует образ циничного «никаких прав и статуса» отражает отрицание китайской стороной правомерности и экспертности американской критики. Чэньюи 评头论足 ‘придираться’ и 说三道四 ‘делать безосновательные высказывания’ создают эффект поверхностной и необоснованной оценки. Наречие 肆意 ‘самовольно’ в сочетании с глаголом 操弄

формирует образ циничного использования темы прав человека ради достижения своих эгоистичных целей. Лексема 动辄 ‘по поводу и без повода’ подчёркивает системность и частый характер вмешательства во внутренние дела других стран, а сами действия названы «санкционной дубинкой». Действия США охарактеризованы отталкивающими, к чему, по

словам китайской стороны, международное сообщество испытывает глубокую неприязнь. При этом США вновь облечены в двойных стандартах. Китайская сторона синонимичным ря-

дом указывает на необходимость США исправить свои проблемы и прежде всего заняться своей политикой.

<p>美国没有任何权利和资格对他国人权状况评头论足，说三道四。国际社会早已对美国肆意操弄人权问题看得清清楚楚，感到深恶痛绝。美方如果真的关心人权，就应该摒弃“双标”，照照镜子，先看看本国的人权劣迹，切实解决国内堆积如山的人权问题，而不是动辄以人权为借口干涉他国内政，挥舞制裁大棒。</p> 	<p>США не имеют никаких прав и статуса давать оценки и делать безосновательные высказывания о состоянии прав человека в других странах. Международное сообщество уже давно ясно видит, как США беззастенчиво манипулируют проблемой прав человека, и испытывает к этому глубокую неприязнь. Если США действительно заботятся о правах человека, им следует отказаться от «двойных стандартов», посмотреть в зеркало, сначала обратить внимание на злодеяния в области прав человека у себя в стране и действительно заняться своими многочисленными внутренними проблемами в этой сфере, а не использовать по поводу и без повода права человека в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела других стран и размахивать санкционной дубинкой.</p>
---	--

Таб. 5. Фрагмент пресс-конференции МИД КНР
17.07.2024

Table 5. Fragment of the press conference of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on 17.07.2024

Закключение

Анализ русскоязычной научной литературы позволил определить цифровую дипломатию как синтез традиционных дипломатических практик и современных цифровых технологий. В отличие от близкого понятия «публичная дипломатия», цифровая дипломатия позволяет осуществлять коммуникативное влияние напрямую на зарубежную аудиторию

и, как следствие, на международную ситуацию в целом.

Исследование коммуникативных стратегий современной цифровой дипломатии позволило определить три основных типа: оценочные, аргументативные и информационные. Среди всех перечисленных стратегий именно оценочные реализуются с помощью ярких, несвойственных и неожиданных для традиционного

дипломатического дискурса лингвистических средств. Диффамация, в палитру лингвистических инструментов которой входят атака, неодобрение, презрение, осуждение и т. д., способна генерировать самые любопытные с точки зрения языка кейсы, поэтому в данной работе авторы сосредоточились на анализе лексико-семантических и синтаксических особенностей реализации этой тактики цифровой дипломатии КНР в специфичном корпусе медиатекстов.

Материалом данного исследования выступил специально сконструированный специфичный лингвистический корпус медиатекстов пресс-конференций МИД КНР 2024–2025 гг. Запланированная последовательность работы с Корпусом предполагала 1) выборку медиатекстов, в которых встречались все случаи употребления триггерного ключевого слова 美国 ‘США’; 6) анализ контекста употребления ключевого слова с целью выявления лексико-семантических и синтаксических особенностей реализации тактики диффамации.

Анализ конкорданса позволил выявить все случаи упоминания 美国 в негативном ключе, а также устойчивые паттерны тактики диффамации. Согласно приведенным выше примерам, диффамация чаще реализуется при помощи негативно окрашенной лексики и идиоматических выражений, ранжирования, имплицитного указания на истинного нарушителя порядка. Также используются сериальные риторические вопросы, создающие кумулятивный эффект градуса обвинения, и которые официальные представители МИД КНР намеренно

оставляют без прямого ответа, указывают лишь на то, что «мировой общественности и так все понятно». Корпус и проведенный анализ предоставляют убедительные доказательства того, что США, выступая основным системным оппонентом КНР в торговых, технологических и идеологических конфликтах, являются одним из мощнейших триггеров диффамации в китайской официальной риторике, что естественным образом находит отражение в речи официальных представителей МИД КНР. Полученные данные подтверждают, что диффамация в цифровой дипломатии КНР представляет собой не случайный элемент, а системную стратегию, реализуемую через тщательно отобранную лексику и лингвопрагматические приемы, направленные на разоблачение США в присутствии международного сообщества.

Список литературы

1. Зиновьева, Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е. С. Зиновьева // Индекс безопасности. – 2013. – Т. 19, № 1(104). – С. 213-228.
2. Барышников, Д. Н. “Цифровая дипломатия” и государственный суверенитет в эпоху глобализации / Д. Н. Барышников, А. Ю. Туленков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121-128.
3. Кубышкин, А. И. Публичная дипломатия

- США : Учеб. пособие для вузов / А. И. Кубышкин, Н. А. Цветкова. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 271 с.
4. Дипломатическая служба. – 2020. – № 4. – С. 96-105. – DOI 10.33920/vne-01-2004-11.
5. Синчук, Ю. В. Перспективы и возможности цифровой дипломатии / Ю. В. Синчук, Т. В. Каширина // Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 87-101.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 331 с.
7. Меграбова, Э. Г. Взаимодействие ценностей, коммуникативных и лингвистических стратегий в дискурсе о России журнала “Ньюсуик” / Э. Г. Меграбова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1(21). – С. 55-59.
8. Урывская, Т. А. Лингвопрагматические характеристики буквенных слов в медиадискурсе Китая (на материале текстов информационного агентства “Синьхуа”) : специальность 10.02.19 “Теория языка” : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Урывская Татьяна Александровна, 2022. – 240 с.
9. Дубровская, Т. В. Стратегии положительно-оценочной репрезентации российско-итальянских отношений в российском внешнеполитическом дискурсе (на материале сайта МИД РФ) / Т. В. Дубровская // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 26-40. – DOI 10.24224/2227-1295-2017-10-26-40. – EDN ZQLFHZ.
10. Алексеев, А. Б. Языковая игра в политическом дискурсе / А. Б. Алексеев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16, № 1. – С. 57-62.
11. Салихов, А. Ю. Понятие коммуникативной стратегии / А. Ю. Салихов // Вестник науки и образования. – 2014. – № 1(1). – С. 34-38
12. Цветкова, Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н. А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 37-47.
13. Новиков, Н. В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: специальность 10.02.19 “Теория языка” : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Новиков Николай Валерьевич. – Москва, 2017. – 22 с.
14. Глушко, В. В. Средства реализации стратегии диффамации в политическом дискурсе / В. В. Глушко, И. В. Убушаева // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 2(58). – С. 50-57.
15. Ганжелюк, П. Ю. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на

материале американской твиттплома-
тии) / П. Ю. Ганжелюк, С. С. Тахтарова //
Terra Linguae : Сборник научных статей.
Том Вып. 5. – Казань : Издательство Ка-
занского университета, 2019. – С. 20-26.

16. <https://www.mfa.gov.cn/>(дата обращения
09.09.2025)

References

1. Zinovieva, E. S. U.S. Digital Diplomacy: Opportunities and Threats to International Security / E. S. Zinovieva // Index bezopasnosti. – 2013. – Vol. 19, No. 1(104). – P. 213-228.
2. Baryshnikov, D. N. "Digital Diplomacy" and State Sovereignty in the Era of Globalization / D. N. Baryshnikov, A. Yu. Tulenkov // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations. – 2012. – No. 4. – P. 121-128.
3. Kubyshkin, A. I. U.S. Public Diplomacy : Textbook for Universities / A. I. Kubyshkin, N. A. Tsvetkova. – Moscow : Aspekt Press, 2013. – 271 p.
4. Diplomatic Service. – 2020. – No. 4. – P. 96-105. – DOI 10.33920/vne-01-2004-11.
5. Sinchuk, Yu. V. Prospects and opportunities of digital diplomacy / Yu. V. Sinchuk, T. V. Kashirina // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. – 2021. – Vol. 5, No. 2. – P. 87-101.
6. Karasik V.I. The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. — M.: Gnozis, 2004. — 331 p.
7. Megrabova, E. G. The Interaction of Values, Communicative and Linguistic Strategies in the Discourse about Russia in "Newsweek" Magazine / E. G. Megrabova // Sotsialnye i humanitarnye nauki na Dalnem Vostoke. – 2009. – No. 1(21). – P. 55-59.
8. Uryvskaya, T. A. Linguopragmatic Characteristics of Lettered Words in the Media Discourse of China (Based on Texts from the Xinhua News Agency) : specialty 10.02.19 "Theory of Language" : dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Uryvskaya Tatiana Aleksandrovna, 2022. – 240 p.
9. Dubrovskaya, T. V. STRATEGIES OF POSITIVE REPRESENTATION OF RUSSIAN-ITALIAN RELATIONS IN RUSSIAN FOREIGN POLICY DISCOURSE (BASED ON THE RUSSIAN FOREIGN MINISTRY WEBSITE) / T. V. Dubrovskaya // Nauchnyi Dialog. – 2017. – No. 10. – P. 26-40.
10. Alekseev, A. B. Language Play in Political Discourse / A. B. Alekseev // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – 2018. – Vol. 16, No. 1. – P. 57-62.
11. Salikhov, A. Yu. The Concept of Communicative Strategy / A. Yu. Salikhov // Vestnik Nauki i Obrazovaniya. – 2014. – No. 1(1). – P. 34-38.
12. Tsvetkova, N. A. The Phenomenon of Digital Diplomacy in International Relations and the Methodology of Its Study / N. A. Tsvetkova // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya.

- Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2020. – No. 2. – P. 37-47.
13. Novikov, N. V. Communicative Strategies of Digital Diplomacy : specialty 10.02.19 "Theory of Language" : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Novikov Nikolai Valerevich. – Moscow, 2017. – 22 p.
 14. Glushko, V. V. MEANS OF IMPLEMENTING THE DEFAMATION STRATEGY IN POLITICAL DISCOURSE/ V. V. Glushko, I. V. Ubushaeva // Vestnik Kalmytskogo universiteta. – 2023. – No. 2(58). – P. 50-57.
 15. Ganzheluk, P. Yu. Kommunikativnye strategii diskursa tsifrovoy diplomatii (na materiale amerikanskoy tvitdiplomatii) / P. Yu. Ganzheluk, S. S. Takhtarova // Terra Linguae : Sbornik nauchnykh statei. Tom Vyp. 5. – Kazan : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2019. – S. 20-26.
 16. <https://www.mfa.gov.cn/> (accessed:09.09.2025)

Сведения об авторах

Урывская Татьяна Александровна

к. филол. н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков
МГИМО МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
t.uryvskaya@my.mgimo.ru

Грохотова Татьяна Игоревна

МГИМО МИД России
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Information about the authors

Tatiana A. Uryvskaya

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Lao, and Khmer Languages
MGIMO University
76, Vernadsky Prospect
Moscow, 119454, Russia
t.uryvskaya@my.mgimo.ru

Tatyana I. Grokhotova

Second-Year Master's Student
Program: "Linguistic Support for Professional Activity (Chinese)"
MGIMO University
76, Vernadsky Prospect
Moscow, 119454, Russia
Grokhotova_T_I@my.mgimo.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Referential expressions in Chinese

Референциально значимые выражения в современном китайском языке

Емельченкова Елена Николаевна

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

emelchenkovae@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5090-3011>

Elena N. Emelchenkova

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

emelchenkovae@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5090-3011>

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-36-48](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-36-48)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению референциальных средств в современном китайском языке с акцентом на их классификационный инвентарь. В лингвистике референциальные средства — это языковые выражения, с помощью которых осуществляется отсылка к объектам внеязыковой действительности (предметам или событиям). Основной задачей статьи является введение в научный дискурс русскоязычной синологии актуального терминологического аппарата теории референции и базовых аспектов функционирования референциальных средств, используемых для идентификации и различения референтов в речи носителей китайского языка. Анализ включает как характеристику референциально значимых

ABSTRACT

The article is dedicated to the examination of referential expressions in the Chinese language. Referential expressions are formal means deployed in the coding of reference. The primary aim of the article is to offer an overview of the basic properties of Chinese referential system with the focus on lexically full means (such as common nouns, proper names, deictic words). Reduced referential expressions, such as pronouns, are not discussed here. In recent works, Chinese, traditionally considered to be an articleless language, has received more attention due to the of discussion of more or less grammaticalized means coding referential meanings of definiteness and indefiniteness. This results of the research are of significant importance not only for theoretical linguistics

единиц (общих имен, имен собственных, индексальных (дейктических) слов), так и описание их ближайшего окружения (в структуре именной группы) с учетом особенностей внешнего и внутреннего синтаксиса. В статье представлен комплексный инвентарь референциальных средств современного китайского языка, обеспечивающий адекватную и однозначную идентификацию объектов в коммуникации. Данные имеют важное значение не только для теоретической лингвистики, но и для прикладных областей, включая перевод, автоматическую обработку текста и лингвистическое моделирование.

Ключевые слова. китайский язык, референциальные средства языка, теория референции, определенный референциальный статус, неопределенный референциальный статус, артикль, безартиклевый язык

Для цитирования: Емельченкова Е.Н. Референциально значимые выражения в современном китайском языке. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 37–48 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-37-48>

Все грамматические описания китайского языка, подготовленные до 80-х гг. XX в., единодушно позиционировали китайский язык (далее — КЯ) как безартиклевый, т.е. не имеющий категории артикля как особой служебной части речи, специализирующейся на выражении референциальных значений. Однако в последние несколько десятилетий в китаеязычном лингвистическом сообществе все отчетливее прослеживается тенденция отхода от этой

but also for applied fields such as translation, automatic text processing, and linguistic modeling.

Keywords. Chinese, referential expressions, reference system, definiteness, indefiniteness, articleless language.

For citation: Emelchenkova E. Referential expressions in Chinese. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P.37-48 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-37-48>

концепции в сторону поиска маркеров детерминации, в пределе — артиклей, см. (Чэнь Пин 1987, 2016), (Сюй Лецзюн 1995, 1999), (Лю Шунь 2004), (Ван Хунци 2004, 2011) и др.). На этом фоне представляется актуальным ввести в научное поле российской синологии в частности, а возможно и шире — в поле отечественной лингвистики, обсуждение вопросов наличия (или отсутствия) в КЯ артиклей и/или местоименных показателей, обслуживающих зону

указания типа предметной отнесенности имени, и описание иных способов кодирования значений, так или иначе связанных с актуализованностью именной группы (далее — ИГ). В западной синологии вопросы референции в китайском языке в фокус научного интереса попадали нечасто, но ряд публикаций последних лет свидетельствует о растущем интересе к данной проблематике по всему миру, см. (Li, Thompson 1981); (LaPolla 1995); (Chen 2003, 2004, 2009, 2015); (Shi 2016) ; (Frajzyngier, Liu & Ye 2020) и др.)

Референция как «соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» (Падучева 1985, 79) в любом естественном языке определяется целым рядом факторов. Для безартиклевых языков, в грамматических системах которых не сформировалась отдельная система специальных слов — артиклей, противопоставления по типу референции выражаются сразу всем имеющимся в языке арсеналом средств, а именно лексическими, синтаксическими, включая порядок слов, и просодическими компонентами. Кроме того, референция часто оказывается тесно связанной и с коммуникативной перспективой предложения, что обуславливает учет прагматических факторов в анализе. В рамках настоящей статьи ставится цель охарактеризовать составляющие ИГ, семантика которых по умолчанию предопределяет набор референциальных свойств. Синтаксические и прагматические аспекты функционирования референциальных средств в КЯ, а также просодическая сторона референции за обширностью поднимаемой проблематики в рамках данной статьи

подробно обсуждаться не будут, но будут оговариваться там, где это будет иметь значение, в частности при обсуждении различий в референциальном статусе ИГ в зависимости от ее линейной позиции в предложении.

Среди референциально значимых компонентов ИГ в КЯ обнаруживаются языковые единицы, которые соотносят данное языковое выражение с конкретным объектом или явлением внеязыковой действительности, и такие выражения, которые не указывают на определённый предмет или событие, а характеризуют его как носителя определенного набора свойств, относя к определенному классу предметов. Охарактеризуем возможные варианты лексических заполнителей более подробно.

К референциально значимым выражениям прежде всего следует отнести:

- **Имена собственные** (专有名词 *zhuānyǒu míngcí*):
俄罗斯 *Èluósī* «Россия»,
金砖国家 *jīnzhūān guójiā* «страны БРИКС»,
老舍 *Lǎo Shě* «Ляо Шэ»,
诗经 *shījīng* «Шицзин».

Этот подкласс существительных обозначает конкретный, иногда уникальный предмет или событие, индивидуализируя и выделяя его из общего ряда/ класса однородных предметов. Языковые выражения этого типа не имеют общего (абстрактного, неперсонифицированного) значения, а всегда существуют лишь в связи с конкретным референтом, ингерентно задавая определенный референциальный статус соответствующей ИГ.

В структуру имен собственных часто включаются лексические единицы, изначально обозначающие класс предметов, но в данном случае они не реализуют исходное абстрактное значение, а «встраиваются» в структуру языковой единицы, комбинируясь друг с другом с целью индивидуализации референта. Так, ведущее печатное издание в КНР газета «Жэньминь жибао» (《人民日报》 *Rénmín ribào* «Народная ежедневная газета») по своей внутренней форме представляет собой комбинацию общих имен 人民 *rénmín* «народ» и 日报 *ribào* «ежедневная газета», каждое из которых в рамках имени собственного утрачивает исходное значение, совокупно отсылая к конкретному изданию.

Общие имена (光杆名词 *guānggān míngcí*):

杂志 *zázhì* «журнал»,

足球队 *zúqiú duì* «футбольная команда»,

指挥 *zhǐhuī* «дирижер».

Китаеязычный термин 光杆名词 *guānggān míngcí* является калькой принятого на западе термина *bare noun*, под которым понимается существительное, употребленное без каких-либо уточняющих или ограничивающих его зависимых. Общие имена суть обобщённые понятия, обозначающие класс или множество предметов или ситуаций без указания на конкретный (индивидуализированный) экземпляр, для них нетипично наличие какого-либо детерминатора, несущего информацию о количестве или выделенности из класса некоторых его представителей.

При наличии каких-либо уточняющих компонентов образуются так называемые *дескрипции*, т.е. слова или выражения, заменяющие собственное или нарицательное имя предмета в тексте, преимущественно анафорически, но возможно и ситуативно обусловленная замена. В КЯ дескрипции образуются путем присоединения к общему имени определительных оборотов, занимающих препозицию к вершине и состоящих из разнородных по свойствам атрибутивных выражений, которые служат рестриктивными или описательными (характеризующими) определениями:

俄罗斯的首都 *Èluósī de shǒudū* «столица России» (замещает в контексте имя собственное 莫斯科 *Mòsīkē* «Москва»)

托尔斯泰庄园 *Tuō'ěr sītài zhuāngyuán* «музей-усадьба Толстого» (замещает в контексте имя собственное 斯纳亚波利亚纳 *Yāsīnà yà · Bōlìyànà* «Ясная Поляна»),

小明送给我的书 *Xiǎo Míng sòng gěi wǒ de shū* «книга, которую мне подарил Сяо Мин» (замещает в контексте очевидную для коммуникантов ИГ, возможно, но необязательно содержащую название книги).

Различие между языками с артиклями и языками без них состоит в том, что, с точки зрения соотнесения с объектами внеязыковой действительности, в безартиклевых языках общее имя может иметь собственное референциальное прочтение, а не только выступать словарной формой соответствующей лексической единицы. Так, в конкретной речевой ситуации общее имя в КЯ может иметь определенную

референцию, проистекающую из очевидности предмета для коммуникантов, когда нет необходимости уточнять какие-либо характеристики называемого предмета:

球赛真精彩！

Qiúsài zhēn jīngcǎi!

Матч действительно выдающийся

«Отличный матч!» (комментарий зрителя-болельщика на стадионе)

– **Индексальные (дейктические) слова**
(指别词 zhǐbié cí)

фиксируют место объекта в определенной системе координат, к этому типу языковых единиц будут прежде всего отнесены личные и указательные местоимения: 我 wǒ «я», 你 nǐ «ты», 她们 tāmen «они», 这 zhè «этот», 那 nà «тот», 这么 zhème «такой», 那么 nàme «такой», 这儿 zhèr «здесь, тут», 那里 nàlǐ «там», слова-темпоративы 今天 jīntiān «сегодня» и др.

Значение этих выражений напрямую зависит от контекста высказывания или речевой ситуации в целом, эти языковые выражения указывают на предметы или события, исходя из ситуации, без знания которой однозначно идентифицировать объект внеязыковой действительности оказывается невозможно.

Кроме вышеперечисленных автономных единиц, в осуществлении референции также участвуют актуализаторы, в роли которых выступают грамматические или лексические средства выделения предмета из класса

однородных. В артиклевых языках эту роль могут выполнять артикли, оформляющие ИГ. Кроме того, вне зависимости от наличия или отсутствия системы артиклей, в языке могут иметься задействованные в передаче референциальных значений грамматические категории (рода, числа, падежа, лица и др.) иные служебные слова. В СКЯ к такого рода компонентам относится суффикс коллективной множественности / -men, который может присоединяться к одушевленным существительным, обозначающим живые существа (прототипически людей) или иным референтам, которым говорящий приписывает антропоморфные свойства, при их количестве больше одного.

Количественная характеристика именной группы в китайском языке также может задаваться присоединением счетного комплекса к существительному, который в большинстве случаев находится в отношениях дополнительной дистрибуции с суффиксом 们 — men, т.е. счетный комплекс, указывающий точное количество предметов, и морфологический показатель коллективной множественности взаимно-исключают друг друга при одном существительном. Общее имя, не имеющее оформления суффиксом 们 -men или счетным комплексом, нейтрально с точки зрения значения количества, не уточняя, об одном или множестве предметов идет речь в предложении, аналогично тому, как не дифференцируют количество называемых предметов слова *мебель* и *информация* в русском языке.

Количественные компоненты в составе ИГ могут выражаться числительным или счетным словом по отдельности либо вместе как счетный комплекс, эти элементы также могут сочетаться с указательными местоимениями (демонстративами) 这 *zhè* «этот» или 那 *nà* «тот»: 一个 *yī gè* «один, какой-то», 这几 (个) *zhè jǐ gè* «эти несколько», 一些 *yīxiē* «некоторые; ряд», 那些 *nàxiē* «те». В этой функции возможны также иные количественные группы: 很多 *hěnduō* «много», 少许 *shǎoxǔ* «немного», 一点儿 *yīdiǎnr* «чуть-чуть», 有的 *yǒude* «некоторые», 大部分 *dà bùfèn* «большинство», 大多数 *dà duōshù* «большая часть», 无数 *wúshù* «бесчисленный» и т.п.

(2) 请你把那把椅子搬到那间房间去。

Qǐng nǐ bǎ nà bǎ yǐzi

Просить 2Sg ACC DEM CL
стул

Bān-dào nà jiān fángjiān qù

Тащить-DIR DEM CL комната
DIR

«Пожалуйста, отнеси тот стул в ту комнату.»

В (2) наличие указательных местоимений в обоих ИГ задает определенную референцию.

(3) 我只要一只苹果就够了。

Wǒ zhǐ yào yī zhǐ

1Sg только хотеть один CL

píngguǒ jiù gòu le

яблоко тогдахватит PRT

«Мне хватит одного яблока.»

В (3) неопределенная референция задается числительным и счетным словом в составе ИГ.

(4) 这件事我昨天请了 (一) 个人来

Zhè jiàn shì wǒ zuótiān qǐng-le

DEM CL 1Sg вчера
пригласить-PFV

(yī) gè rén lái

один CL человек прийти

«Для решения этой проблемы я вчера пригласил (одного) человека.»

В (4) наличие указательного местоимения в первой ИГ и его отсутствие во второй задает определенный и неопределенный референциальный статус соответственно. Здесь следует обратить внимание на возможность опущения числительного 一 *yī* «один» в КЯ, что говорит о наличии способности выступать референциальным средством не только у счетного комплекса, но и у счетного слова при его самостоятельном употреблении.

К средствам обеспечения референциального статуса ИГ в СКЯ также следует отнести такие выражения, как 任何 *rènhé* «любой», 所有的 *suǒyǒu de* «все (имеющиеся)», 一切 *yīqiè* «все», 每 *měi* «каждый» и др.

По своим грамматическим свойствам эти выражения далеки от единообразия, среди них обнаруживаются местоимения разных типов, кванторные слова, количественные группы и целые конструкции. Объединяет их в общий класс актуализаторов функциональное предна-

значение, поскольку по их наличию при общем имени, как словарной единице изначально не имеющей никаких показателей референции, можно судить о референциальном статусе или, в терминологии (Арутюнова 1976), типе референции ИГ.

Однозначный референциальный статус будут также иметь ИГ, в структуру которых входят рестриктивные определения вида 最先进来的人 *zuì xiānjìn lái de rén* «первый вошедший (человек)», 和我一起出去的同学 *hé wǒ yìqǐ chūqù de tóngxué* «со мной вместе вышедший одноклассник», позволяющие идентифицировать референта через указанные в атрибутивных компонентах ИГ признаки.

Важнейший фактор, который следует учитывать при анализе референциального статуса ИГ в СКЯ, позиционный. Он оказывается релевантен прежде всего внутри самой ИГ, определяя статус ИГ в зависимости от позиции референциально значимых компонентов относительно остальных атрибутивных компонентов в структуре ИГ. Но еще большее значение имеет позиция всей ИГ в предложении в целом, в частности ее препозиция или постпозиция относительно предиката. Так, в этой системе общее имя, неоформленное никакими показателями в предложении, может иметь неопределенный референциальный статус преимущественно в поствербальной позиции, в превербальной позиции это прочтение возможно только в ограниченных случаях. На эту тенденцию, в целом характерную для КЯ, указывалось еще в (Чжао Юаньжэнь1979) и (Чжу Дэси1982).

Проиллюстрируем разную степень приемлемости ИГ с различным набором компонентов в превербальной и поствербальной позиции:

(5) *男人打碎了杯子。

<i>Nánrén</i>	<i>dǎsui-le</i>	<i>Bēizi</i>
мужчина	разбить-PFV	Чашка

«(ожид.) Мужчина разбил чашку.»

(6) ? 一个奇怪的男人打碎了杯子。

<i>Yī</i>	<i>gè</i>	<i>qíguài</i>	<i>de</i>	<i>nánrén</i>	<i>dǎsui-le</i>	<i>bēizi</i>
один	CL	странный	ATR	мужчина	разбить-PFV	чашка

«?(Какой-то) странный мужчина разбил чашку.»

(7) 这个男人打碎了杯子。

<i>Zhè</i>	<i>gè</i>	<i>nánrén</i>	<i>dǎsui-le</i>	<i>bēizi</i>
DEM	CL	мужчина	разбить-PFV	чашка

«Этот мужчина разбил чашку.»

(8) 小王打碎了杯子。

<i>Xiǎo Wáng</i>	<i>dǎsui-le</i>	<i>Bēizi</i>
PROP	разбить-PFV	Чашка

«Сяо Ван разбил чашку.»

(9) 小王打碎了一个杯子。

<i>Xiǎo Wáng</i>	<i>dǎsui-le</i>	<i>yī</i>	<i>gè</i>	<i>bēizi</i>
PROP	разбить-PFV	один	CL	чашка

«Сяо Ван разбил (какую-то) чашку.»

(10) 小王打碎了那个杯子。

Xiǎo Wáng dǎsui-le Nà gè bēizi

PROP разбить-PFV DEM CL чашка

«Сяо Ван разбил ту чашку.»

(11) 小王打碎了那个绿色的杯子。

Xiǎo dǎsui-le Nà gè lǜsè De bēizi
Wáng

PROP раз-бить-PFV DEM CL зеленый ATR чашка

«Сяо Ван разбил ту зеленую чашку.»

(12) 小王打碎了那个奶奶最心爱的绿色的杯子。

Xiǎo dǎsui-le nà gè nǎinai

PROP разбить-PFV DEM CL бабушка

zuì xīn»ài de lǜsè de bēizi

самый любить ATR зеленый ATR чашка

«Сяо Ван разбил зеленую чашку, которую так любила бабушка.»

В примерах (5)-(12) видна базовая тенденция референтного употребления ИГ, которая заполняет позицию актанта в предложении и синтаксически реализуется как подлежащее или дополнение. При этом сравнение разных вариантов оформления ИГ в СКЯ показывает, что референтальное значение, в упрощенном представлении определенность/неопределенность, зависит от свойств собственно ИГ и ее ближайшего окружения. Из анализа структуры ИГ в (10)-(12) четко видно, что появление указательных местоимений, притяжательных компонентов или рестриктивных определений обуславливает определенный референталь-

ный статус соответствующей ИГ, тогда как счетное слово или счетный комплекс в составе именной группы задают ее неопределенность.

Если же ИГ является частью предиката, она квалифицируется как нереферентная, поскольку в таком употреблении ее функция будет состоять не в обозначении объекта внеязыковой действительности, а в указании его признаков, нереферентная ИГ не соотносится ни с каким конкретным, выделенным объектом внешнего мира. Это так называемая *предикатная ИГ*, характерной чертой которой является отсутствие референтального статуса, в таких контекстах ИГ не обладает референцией вовсе (13):

(13) 小王是医生。

Xiǎo Wáng shì yīshēng

PROP COP Врач

«Сяо Ван — врач.»

Предикатные ИГ всегда выражаются общим именем, единственно возможный атрибутивный элемент при существительном в предложениях этого типа — это счетное слово или счетный комплекс. Суффиксальные формы у предикатных ИГ невозможны даже при множественности объектов, называемых ИГ в позиции подлежащего. Ср. (14) и (15):

(14) 小王和小李是医生。

Xiǎo Wáng hé Xiǎo Lǐ Shì Yīshēng

PROP CONJ PROP COP Врач

«Сяо Ван и Сяо Ли — врачи.»

(15) *小王和小李是医生们。

<i>Xiǎo Wáng hé</i>	<i>Xiǎo Lǐ</i>	<i>Shì</i>	<i>Yīshēng-men</i>
PROP	CONJ	PROP	COP
			врач-PL

«(ожд.) Сяо Ван и Сяо Ли – врачи.»

Основная цель таких синтаксических структур — идентификация, их особенность состоит в том, что слово 医生 *yīshēng* «врач», употребленное предикатно, не соотносится ни с каким референтом во внеязыковой действительности, а называет профессию как свойство человека «быть врачом», поэтому предикатные ИГ – обычно это чистое общее имя.

Таким образом, можно подвести следующий итог нашим рассуждениям. Референция как механизм соотнесенности ИГ с объектами внеязыковой действительности носит довольно сложный и многоуровневый характер в любом языке. В КЯ к референциально значимым средствам, наличие которых обуславливает по умолчанию определенный референциальный статус ИГ вне зависимости от ее места в предложении, следует отнести имена собственные, притяжательные и указательные местоимения, рестриктивные определения.

Не имеющее оформления каким-либо из референциально значимых средств существительное или ИГ в КЯ по факту не является лишь словарной формой: общие имена имеют собственный референциальный статус, соотнося называемую ситуацию с той или иной конкретной сущностью во внеязыковой действительности. Это может быть отсылка к определенному объекту или

характеристика целого класса объектов с данными свойствами. В идентифицирующих высказываниях, когда имеет место отнесение имени к признакам класса, фигурирует общее имя без какого-либо оформления либо дескрипция, минимально возможное оформление для него это счетное слово.

Для ситуаций, в которых имя, может быть отнесено к любому члену класса, к существительному может добавляться количественная группа (счетное слово при единичности объекта как показатель индивидуализации или полносоставный счетный комплекс) и какие-либо уточняющие признаки класса атрибутивные компоненты.

Для адекватной интерпретации предложения важен учет не только собственно референциальных выражений, набор которых лингвоспецифичен, и в КЯ имеет целый ряд особенностей, следует принимать во внимание и синтаксический критерий, поскольку позиционные характеристики зачастую могут задавать то или иное референциальное значение, описание которых представляет собой актуальную задачу для дальнейших лингвистических исследований.

Список источников

1. Чэнь Пин. (陈平) Объяснение четырех концепций, связанных с именными составляющими в китайском языке (释汉语中与名词性成分相关的四组概念) *Китайский язык и письменность*, 1987, № 2, С.81-92. (На кит. яз.)

2. Чэнь Пин. (陈平) Категория определенности и проблема грамматикализации в китайском языке. (汉语定指范畴和语法化问题) *Современная стилистика*, 2016, № 4. С.1–13. (На кит. яз.)
3. Сюй Лецзюн. (徐烈炯) *Семантика* (语义学). Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 1995. (На кит. яз.)
4. Сюй Лецзюн. (徐烈炯) Референтное употребление именных составляющих. (名词性成分的指称用法) // *Универсальное и специфическое: Споры в китайской лингвистике*. Пекин: Бэйцзин юйянь вэньхуа дасюэ чубаньшэ, 1999. С. 176–190. (На кит. яз.)
5. Лю Шунь. (刘顺) Классификация и позиционная дистрибуция нереферентности в современном китайском языке. (现代汉语无指的分类和分布位置). *Вестник Юньнаньского педагогического университета*, 2004, № 2. С. 68–73. (На кит. яз.)
6. Ван Хунци. (王红旗) Мой взгляд на типы референции в функциональной грамматике. (功能语法指称分类之我见). *Преподавание китайского языка в мире*, 2004, №2, С.16–24. (На кит. яз.)
7. Ван Хунци. (王红旗) Значение термина «Референция». (指称”的含义). *Изучение китайского языка*, 2011, № 6. С.3–12. (На кит. яз.)
8. Li, Charles N. & Sandra A. Thompson. *Mandarin Chinese: A functional reference grammar*. Berkeley: University of California Press, 1981.
9. LaPolla, Randy J. 1995. Pragmatic relations and word order in Chinese. // Pamela A. Downing & Michael Noonan (eds.), *Word order in discourse*, pp. 297–329.
10. Chen, Ping. Indefinite determiner introducing definite referent: a special use of «yī “one” +classifier» in Chinese. *Lingua. International Review of General Linguistics*, 2003, 113. pp. 1169–1184.
11. Chen, Ping. Identifiability and definiteness in Chinese. *Linguistics*, 2004, 42(6), pp. 1129–1184.
12. Chen, Ping. Aspects of referentiality. *Journal of Pragmatics* 41, 2009. pp. 1657–1674.
13. Chen, Ping. Referentiality and definiteness in Chinese // William S-Y. Wang & Chaofen Sun (eds.), *The Oxford handbook of Chinese linguistics*, 2015, pp. 404–413.
14. Shi, Dingxu. Nouns and nominal phrases // Chu-Ren Huang & Dingxu Shi (eds.) *A reference grammar of Chinese*, 2016, pp.199–255.
15. Frajzyngier, Zygmunt, Meichun Liu, and Yingying Ye. Reference system in modern Mandarin Chinese." *Australian Journal of Linguistics*, 2020, 40.1, pp. 45-73. DOI: 10.1080/07268602.2019.1698512
16. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985.
17. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука. 1976.

18. Чжао Юаньжэнь. (赵元任) *Грамматика разговорного китайского языка*. (汉语口语语法) Пекин: Шанъу иньшугуань, 1979. (На кит. яз.)
19. Чжу Дэси. (朱德熙.) *Лекции по грамматике*. (语法讲义.) Пекин: Шанъу иньшугуань, 1982. 232 с.] (На кит. яз.)

References

1. Chen Ping. (陈平) Explaining Four Concepts Related to Nominal Constituents in Chinese (释汉语中与名词性成分相关的四组概念). Chinese Language and Writing, 1987, no.2, pp. 81 - 92. (In Chinese).
2. Chen Ping. (陈平). The Definiteness Category and the Problem of Grammaticalization in Chinese” (汉语定指范畴和语法化问题). Contemporary Rhetoric, 2016, no.4, pp. 1 - 13. (In Chinese).
3. Xu Liejiong. (徐烈炯) Semantics. (语义学) Beijing: Yuwen Chubanshe, 1995. (In Chinese).
4. Xu Liejiong. (徐烈炯) Referential Use of Nominal Constituents. (名词性成分的指称用法) // Universality and Specificity: Controversies in Chinese Linguistics, Beijing: Beijing Yuyan Wenhua Daxue Chubanshe, 1999, pp. 176 - 90. (In Chinese).
5. Liu Shun. (刘顺) The Classification and Positional Distribution of Non-Referentiality in Modern Chinese. (现代汉语无指的分类和分布位置) Journal of Yunnan Normal University, 2004, no.2, pp. 68 - 73. (In Chinese).
6. Wang Hongqi. (王红旗) My View on the Types of Reference in Functional Grammar. (功能语法指称分类之我见) Chinese Language Teaching in the World, 2004, no.2, pp. 16 - 24. (In Chinese).
7. Wang Hongqi. (王红旗) The Meaning of the Term «Reference»(“指称”的含义) Chinese Language Learning, 2011, no.6, pp. 3 - 12. (In Chinese).
8. Li Charles N., and Sandra A. Thompson. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981.
9. LaPolla Randy J. Pragmatic Relations and Word Order in Chinese. // edited by Pamela A. Downing and Michael Noonan. Word Order in Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1995, pp. 297-329.
10. Chen Ping. Indefinite Determiner Introducing Definite Referent: A Special Use of «yī “one” + Classifier» in Chinese. //Lingua. International Review of General Linguistics, 2003,113, pp. 1169-84.
11. Chen Ping. Identifiability and Definiteness in Chinese. //Linguistics, 2004, 42, no.6, pp. 1129-84.
12. Chen Ping. Aspects of Referentiality. // Journal of Pragmatics, 2009, 41, pp. 1657-74.
13. Chen Ping. Referentiality and Definiteness in Chinese. // edited by William S.-Y. Wang and

Chaofen Sun. The Oxford Handbook of Chinese Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2015, pp. 404–413.

14. Shi Dingxu. Nouns and Nominal Phrases. // edited by Chu-Ren Huang and Dingxu Shi, A Reference Grammar of Chinese. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, pp. 199–255.
15. Frajzyngier, Zygmunt, Meichun Liu, and Yingying Ye. Reference System in Modern Mandarin Chinese. // Australian Journal of Linguistics, 2020, 40, no.1, pp. 45–73. <https://doi.org/10.1080/07268602.2019.1698512>.
16. Paducheva E.V. The Utterance and Its Relation to Reality. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian).
17. Arutyunova N. D. The Sentence and Its Meaning. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian).
18. Zhao Yuanren. (赵元任). A Grammar of Spoken Chinese. (汉语口语语法). Beijing: Shangwu Yinshuguan, 1979. (In Chinese).
19. Zhu Dexi. (朱德熙). Lectures on Grammar. (语法讲义). Beijing: Shangwu Yinshuguan, 1982. (In Chinese).
- 20.

Сведения об авторах

Емельченкова Елена Николаевна

к.ф.н., доцент, завкафедрой

Кафедра теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11

Россия

E-mail: emelchenkovae@gmail.com

Information about the authors

Elena N. Emelchenkova

PhD (Linguistics), Associate Professor, Head of the Department

Department of theory and methods of studying languages and cultures of Asia and Africa, St Petersburg State University

199034, St Petersburg, Universitetskaya emb., Build. 11, Russia

E-mail: emelchenkovae@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

**The role of Buddhist philosophy in the formation of the poetics
of Chinese classical drama of the Yuan era**

**Роль буддийской философии в формировании поэтики китайской
классической драмы эпохи Юань**

Маяцкий Дмитрий Иванович

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

*Автор, ответственный за
переписку: d.mayatsky@spbu.ru*

Dmitry I. Mayatsky

*Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: d.mayatsky@spbu.ru

УДК 821.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-49-58](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-49-58)

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов взаимодействия религиозно-философской мысли и искусства, в частности, влияния буддизма на формирование эстетических принципов китайской культуры. Цель статьи — проанализировать влияние буддийской философии и образности на становление поэтики китайской классической драмы жанра цзацзюй в эпоху Юань (1271–1368). В основе исследования лежит анализ девяти пьес, где буддизм является центральной темой, а также отдельных сцен из произведений, не принадлежащих к чисто буддийскому канону, но несущих сильное буддийское влияние. Используются методы историко-литературного, сравнительного и структурно-

ABSTRACT

Relevance of the study is driven by the need for a deeper understanding of the mechanisms of interaction between religious-philosophical thought and art, particularly the influence of Buddhism on the formation of aesthetic principles in Chinese culture. Purpose of the article is to analyze the influence of Buddhist philosophy and imagery on the formation of the poetics of Chinese classical drama of the zaju genre in the Yuan era (1271–1368). The research is based on the analysis of nine plays where Buddhism is the central theme, as well as individual scenes from works not belonging to the purely Buddhist canon but bearing strong Buddhist influence. Methods of historical-literary, comparative, and structural-semantic analysis are used. The historical prerequisites for the flourishing of the Buddhist theme in drama

семантического анализа. Выявлены исторические предпосылки расцвета буддийской темы в драме (ослабление конфуцианских норм, приток интеллектуалов в городскую культуру). Определены основные нарративные типы пьес («возвращение к святости», «кармическое воздаяние», «распространение Дхармы», «пробуждение»). Проанализированы ключевые художественные приемы (иносказание, символизм, композиционные структуры), трансформирующие религиозные идеи в популярное искусство. Сделан вывод о фундаментальной роли буддийской драматургии эпохи Юань в становлении эстетики и поэтики всего китайского театра. Выработанные в этот период приемы повествования и символические коды, основанные на буддийской философии, стали неотъемлемой частью китайской драмы последующих эпох.

Ключевые слова: китайская драма, эпоха Юань, цзацзюй, буддизм в литературе, кармическое воздаяние, поэтика, символизм

Для цитирования: Маяцкий Д.И. Роль буддийской философии в формировании поэтики китайской классической драмы эпохи Юань. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 49–58 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-49-58>

(weakening of Confucian norms, influx of intellectuals into urban culture) are identified. The main narrative types of plays (“return to holiness”, “karmic retribution”, “spread of Dharma”, “awakening”) are determined. Key artistic techniques (allegory, symbolism, compositional structures) that transform religious ideas into popular art are analyzed. Conclusions. The conclusion is made about the fundamental role of Yuan-era Buddhist dramaturgy in the development of the aesthetics and poetics of the entire Chinese theater. The narrative techniques and symbolic codes developed during this period, based on Buddhist philosophy, became an integral part of Chinese drama in subsequent eras.

Keywords: Chinese drama, Yuan era, zaju, Buddhism in literature, karmic retribution, poetics, symbolism.

For citation: Mayatsky D.I. The role of Buddhist philosophy in the formation of the poetics of Chinese classical drama of the Yuan era. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P.49-58 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-49-58>

В эпоху Юань (1271-1368) в Китае сложилась особая политическая система, которая способствовала значительному преобразению духовного облика Китая. Монгольские правители новой династии проводили политику религиозного плюрализма, благосклонно относясь ко многим религиозным учениям (буддизму, даосизму, исламу, манихейству и т.д.). При этом, со времен Хубилая, особое покровительство оказывалось тибетскому буддизму и его лидерам. Буддизм тибетской школы Сакья стал де-факто религией монгольской элиты и пользовался огромными привилегиями. Вместе с тем монголы долго с недоверием относились к китайской бюрократической системе, основанной на конфуцианских принципах. Они отменили китайскую систему государственных экзаменов (кэцзюй) — главный социальный лифт для конфуцианских ученых — и на ключевые посты в управлении назначали монголов, выходцев из Центральной Азии, мусульман и тибетцев. Это подорвало социальный статус и влияние конфуцианских книжников, в значительной степени ослабило прежнее значение конфуцианской идеологии в жизни общества. Закрытие пути к официальной карьере вынудило образованных людей искать другие способы заработка и самовыражения. Многие из них погрузились в городскую культуру, стали писать пьесы, либретто и песни для популярных городских театров. Их высокий уровень образования и литературный талант, привнесенный в простое народное развлечение, привели к качественному скачку и расцвету жанра цзацзюй, ставшего одним из ярких символов той эпохи.

В то же время буддийские идеи глубоко вплелись в мировоззрение китайцев того времени, и драма закономерно стала их отражать. Популяризации буддизма в этом новом формате способствовала не только политическая конъюнктура, но и общая социокультурная атмосфера эпохи. Театр цзацзюй, будучи коммерческим предприятием, чутко реагировал на запросы аудитории, состоявшей из горожан, купцов и низших слоев чиновничества. В условиях утраты традиционных конфуцианских ориентиров эта аудитория искала в развлечении не только отдых, но и нравственные и экзистенциальные ответы, которые предлагала буддийская картина мира.

Массовость отражения буддийских идей подтверждает то, что из 162 (каноническое число из авторитетного минского сборника «Юаньцзюй сюань» (元曲选)) (Сорокин 1978, 78) сохранившихся полных текстов юаньских цзацзюй буддийские элементы содержат 53 (32.7%) произведения. В девяти цзацзюй буддизм стал центральной темой. Стоит оговориться и пояснить, что проникновение буддизма в китайскую литературу началось, конечно, задолго до Юань (например, в бицзи эпох Тан и Сун, в народных повестях бяньвэнь — тоже можно найти буддийские сюжеты), но именно в юаньской драме оно стало массовым и обращенным к широкой аудитории. Это подчеркивает уникальность эпохи Юань. Также нельзя не учесть и того, что даосизм или народные верования тоже находили отражение в цзацзюй (например, пьесы о Восьми Бессмертных, о даосских святых): они создавали сложный синкретический фон, на котором буддийские сюжеты

выделялись своей философской глубиной.

Проведем обзор содержания девяти произведений, разделив их на типы.

1. «Монах Будаи и “терпение”» Чжэн Тинъюя (郑廷玉, 《布袋和尚忍字记》). Тип: Возвращение к святости, благодаря вмешательству внешних сил. Содержание: Архат, переродившийся смертным Лю Цзюньцзо (刘均佐), преодолевает мирские испытания и обретает освобождение.
2. «Монах Юэмин обращает Лю Цуй», или «Обращение Лю Цуй», Ли Шоуцина (李寿卿 《月明和尚度柳翠》). Тип: Возвращение к святости, благодаря вмешательству внешних сил. Содержание: Ветвь ивы из вазы Гуаньинь, переродившаяся куртизанкой Лю Цуй (柳翠), пробуждается под наставничеством монаха Юэмина (月明和尚) и возвращается в мир Будд.
3. «Мирянин Пан по неведению ввергает других в неоплатные долги», или «Долг на будущую жизнь», Лю Цзюньси (刘君锡 《庞居士误放来生债》). Тип: Преодоление мирского через опору на собственные силы (自力超凡入圣). Содержание: Пан Юнь (庞蕴), раздав имущество и практикуя аскезу, достигает пробуждения и возносится в нирвану.
4. Анонимная пьеса «Обезьяна слушает сутру в монастыре Лунцзишань» (无名氏 《龙济山野猿听经》). Тип: Преодоление мирского через опору на собственные силы. Содержание: Обезьяна внимает сутре, постигает Дхарму, преображается под руко-
5. «Сон Су Дунпо о четырех друзьях среди цветов» У Чанлина (吴昌龄 《花间四友东坡梦》). Тип: Пробуждение и обращение. Содержание: Чань-мастер Фоинь (佛印禅师) сверхъестественными средствами разрушает привязанности Су Ши (苏轼) и обращает его в буддизм.
6. «Путешествие на Запад» Ян На (杨讷 《西游记》). Тип: Распространение Дхармы. Содержание: Религиозный эпос о паломничестве Сюаньцзана (玄奘), акцентирующий проповедь Учения.
7. Анонимное произведение «Судья Цуй разрешает спор обиженных и обидчиков» (《崔府君断冤家债主》). Тип: Кармическое воздаяние. Содержание: Судебные разбирательства судьи Цуя (崔府君) демонстрируют закон причинно-следственной связи.
8. «Раб чужих денег покупает наследника» Чжэн Тинъюя (《看钱奴买冤家债主》). Тип: Кармическое воздаяние. Содержание: Скрыга Цзя Жэнь (贾仁) перерождается нищим как возмездие за алчность.
9. «Дицзан-ван раскрывает преступление у Восточного окна» Кун Вэньцина (孔文卿 《地藏王证东窗事犯》). Тип: Кармическое воздаяние. Содержание: Посмертный суд над Цинь Гуем (秦桧) за убийство Юэ Фэя (岳飞) утверждает справедливость кармы.

Как мы видим из содержания, это пьесы о возвращении к святости, распространении Дхармы и кармическом воздаянии.

1 Помимо общего сюжетного каркаса, буддийские идеи были глубоко вплетены в поэтику и язык юаньской драмы, что наглядно демонстрирует анализ конкретных сцен.

21. Дидактика и символ в «Монах Будай и “терпение”». Ярким примером служит кульминационный момент первого акта пьесы, где монах Будай мистическим образом выводит на ладони скупца Лю Цзюньцзо иероглиф 忍 (rěn — «терпение»).

3 (布袋和尚云) 将你手来, 我传与你大乘佛法。... (正末做看科, 云) 我只见刃字分明是一个心字挑, (布袋云) 这忍字是你随身宝。(正末唱) 他道这忍字是我随身宝。(Чжэн Тинъюй)

4 Монах Будай: «Дай мне свою руку, я передам тебе Учение Махаяны». <...> Лю Цзюньцзо (смотрит и поет): «Я вижу лишь иероглиф “лезвие” (刃, rěn), что явно образуется из иероглифа “сердце” (心, xīn), к которому добавлен всего один штрих». Монах Будай: «Это иероглиф “терпение” (忍, rěn) — твоя сокровенная драгоценность» (пер. Д.М.).

5 Этот эпизод является блестящим примером адаптации сложной буддийской концепции (кшанти — терпение) в наглядную театральную метафору. Сам герой комично описывает процесс его написания, что не просто создает игровой эффект, но и раскрывает глубокую символику:

1. Сердце (心) и Лезвие (刃): Композиция иероглифа «терпение» (忍) трактуется буквально: «лезвие ножа над сердцем». Это мощный символ самой сути практики терпения — способности сохранять спокойствие ума (сердца), когда на него воздействуют болезненные и раздражающие обстоятельства (лезвие).

2. Мантра и практика: Многократное переписывание иероглифа, которое предписывает монах, — это прямая аналогия с буддийской практикой повторения мантр или визуализации символов (дхарани) для трансформации сознания. Ритуальное действие ведет к «впечатыванию» добродетели в саму природу адепта.

3. Сокровенная драгоценность (随身宝): Объявляя иероглиф «сокровенной драгоценностью», Будай возводит философскую категорию в ранг сакрального, магического объекта, талисмана, защищающего от главной болезни героя — скупости и гнева.

4. Таким образом, вся сцена работает как эффективный дидактический инструмент, превращая сложную философию в зримый, запоминающийся и эффективный сценический образ, доступный самой широкой аудитории.

2. Кармическая справедливость в «Обиде Доу Э». В кульминационной сцене пьесы Гуань Ханьцина невинно осужденная героиня дает перед казнью три клятвы. Первая из них гласит:

若是我窦娥委实冤枉，刀过处头落，一腔热血休半点儿沾在地下，都飞在白练上者。(Гуань Ханьцин).

«Пусть, когда упадет моя голова, ни капли горячей крови не прольется на землю, пусть вся она устремится вверх, на белый шелк; и будет видно, что я умерла безвинно!» (Гуань Ханьцин 1976, 290).

Данный эпизод является прямой отсылкой к буддийскому тропу «умерла безвинно», выступающему мощным кармическим аргументом. Клятва Доу Э — это не просто эмоциональный всплеск, а акт веры в универсальный закон кармической справедливости (*баоин* 报应), который стоит выше несправедливого человеческого суда. Символично, что ее кровь не оскверняет землю, подчеркивая ее духовную чистоту и святость, что созвучно буддийскому идеалу бодхисаттвы, принимающего страдания.

3. Концепция иллюзорности в пьесе «Сон Су Дунпо». Наиболее яркая театральная реализация буддийской концепции иллюзорности бытия (*如夢幻泡影*) представлена в третьем действии пьесы У Чанлина. Монах Фоинь, видя, что словесные наставления не действуют на Су Ши, решает дать ему прямой опыт иллюзорности через сон. Он призывает «четырех друзей среди цветов» (*梅桃竹柳* — Мэй, Тао, Чжу, Лю — цветы сливы, персика, бамбука и ивы), которые являются аллегорическими воплощениями красоты и соблазна.

花间四友安在? ... 我唤你无别意, 您四人各做准备。梅也你轻讴著白雪歌, 柳也你与我满捧著紫金杯, 桃也你和他共枕同眠, 竹也如鱼似水。(У Чанлин)

«Где вы, четверо друзей среди цветов?» <...> «Я зову вас без иного намерения; приготовьтесь вы все четверо: Слива, ты тихо пой песни "Белого снега"; Ива, ты поднеси ему полную чашу пурпурного золота; Персик, ты раздели с ним ложе; Бамбук, будь с ним неразлучен, как рыба с водой». (пер. Д.М.)

Фоинь прямо инструктирует их сыграть роли соблазнительниц, чтобы показать Су Дунпо, что все его привязанности — всего лишь «сон в весенний день» (*一場春夢*). Этот прием — не просто развлечение. Это чаньский «шоковый» метод обучения: не читать проповеди о пустоте, а позволить ученику пережить ее на собственном опыте, показав, что даже самые прекрасные образы (*феи-цветы*) управляемы, преходящи и нереальны. Сама структура пьесы, где граница между сном и явью намеренно размыта, становится метафорой всеобщей иллюзии, которую должен распознать и преодолеть пробуждающийся ум.

4. Риторика пробуждения в пьесе «Монах Юэмин обращает Лю Цуй». Кульминацией пьесы является финальная сцена в четвертом действии, где Лю Цуй, наконец, предстает перед Гуаньинь вместе со своим наставником, монахом Юэмином. В ответ на вопрос бодхисаттвы о том, наставил ли Юэмин Лю Цуй вернуться к пустоте, она отвечает: «Почтительно кланяюсь бодхисаттве. Ученица прозрела» (*菩薩稽首。弟子省悟了也*) (Аноним).

Это момент окончательного прозрения. Монах Юэмин произносит ключевую буддийскую гатху из «Алмазной сутры»: «Все обусловленные

дхармы / Словно сон, иллюзия, пузырь, тень /
Как роса и как молния / Таким следует видеть
их» (一切有為法，如夢幻泡影。如露亦如電，應
作如是觀) (Алмазная сутра). Эта гатха, подводя-
щая итог всему пути Лю Цуй, подчеркивает
центральную буддийскую идею о иллюзорно-
сти и непостоянстве всего сущего.

В своей заключительной арии Юэмин по-
ет о том, как Лю Цуй отбросила различия меж-
ду «я» и другими, покинула мир рождений
и смертей и, воссев на облако, излучая пяти-
цветное сияние, направилась к буддийскому
рая. Финальная гатха Гуаньинь ставит точку
в этом путешествии:

出人寰脱离灾障，拜辞了风流情况。三十年
墮落尘缘，忙迫遣月明和尚。再休题舞依依嫋娜
轻盈，翠巍巍娇柔模样。毕罢了爱欲贪嗔，同共
到灵山会上。(Аноним)

*«Выйдя из мира людского, избежав бед-
ствий, Попрощавшись с ветренными увлечения-
ми. Тридцать лет падала в пыльную карму —
Спешно следуя за монахом Юэмином. Не вспоми-
най больше тот нежный, легкий, изящный стан,
Тот величественно-нежный, прекрасный образ.
Покончив с любовью, желанием, жадностью
и гневом, вместе выйдем на собрание на Горе
Духа».* (пер. Д.М.)

Эта сцена представляет собой идеальный
театральный образ возвращения к изначаль-
ной, просветленной природе (返本還元), кото-
рый является смысловым ядром всей пьесы.

Анализ этих фрагментов подтверждает,
что буддийская драматургия оперировала не
только сюжетами, но и сложным языком симво-

лов, ритуалов и риторических приемов, глубо-
ко интегрированных в ткань произведения.

Важную роль в сюжетообразовании мно-
гих из этих пьес играет прием *deus ex machina*
— прямое вмешательство бодхисаттв, архатов
или иных божественных сил для разрешения
конflikта и спасения героя. Это наглядно де-
монстрируют пьесы «Монах Будаи
и “терпение”» (вмешательство монаха Будаи)
или «Обращение Лю Цуй» (наставничество мо-
наха Юэмина). Данный прием не только про-
двигал идею всемогущества Дхармы и милосер-
дия небожителей, но и делал развязку пьес зре-
лищной и эффектной, отвечая запросам народ-
ной аудитории.

Эта тенденция отразила проникновение
религиозных идей в массовое искусство: когда
монастырские проповеди пришли в упадок из-
за войн, сцена цзацзюй стала новой площадкой
для ориентированных на народ проповедей.

Помимо содержания, особую религиоз-
ную нагрузку в произведениях могли нести
и скрытые в них символы. Например, распро-
страненная среди цзацзюй композиционная
структура, включающая четыре акта и пролог-
клин, могла выступать метафорой ступеней
духовного совершенствования в буддийских
практиках, где пролог-клин — зарождение, акт
первый — постижение пути, акт второй — ду-
ховная практика, акт третий — постижение ис-
тины, акт четвертый — нирвана. Эта структура
хорошо видна в произведении «Обращение Лю
Цуй»: Пролог (наставление Гуаньинь) → Акт I
(падение Лю Цуй) → Акт II (проповедь Юэмина)
→ Акт III (прозрение) → Акт IV (паринирвана).

Глубокую связь драматургии и буддийской философии подчеркивает и центральная для буддизма концепция иллюзорности бытия (如梦). Она реализуется не только на уровне сюжета, как в пьесе «Сон Су Дунпо», но и на глубинном, метафорическом уровне. Сам театр и представления цзацзюй могли осмысляться как идеальная модель иллюзорного мира сансары: актеры на сцене, играющие свои роли и следующие прописанной судьбе, были зеркалом человеческой жизни в круговороте перерождений. Эта метафора мощно усиливала тезис о виртуальности и символизме эстетики юаньского театра, превращая зрительный зал в место для созерцания и постижения высших истин.

Буддийские элементы можно увидеть и в пьесах, основная тема которых не связана с буддизмом. Например, в пьесе «Обида Доу Э» Гуань Ханьцина невинно казнённая героиня воплощает идею жертвенности, а её посмертное оправдание символизирует торжество справедливости, созвучное буддийской концепции «кармического обуславливания» (Гуань Ханьцин 1976; Гуань Ханьцин 1966).

В пьесе «Сирота из рода Чжао» Цзи Цзюньсяна (纪君祥《赵氏孤儿》) конфликт добра и зла также трактуется через карму и воздаяние. Буддийские идеи кармы и спасения использовались и для критики социальной несправедливости, особенно в пьесах о восстаниях (например, по мотивам романа «Речные заводи» 水浒传).

Частые в пьесах символы снег, луна, бамбук олицетворяли чистоту и непостоянство мира — ключевые идеи чань-буддизма (Сунь Гэ 2018).

Важнейшим художественным приемом, перенесенным из буддийской риторики в драматургию, стало развернутое иносказание (譬喻). Целые пьесы, такие как «Монах Будай и “терпение”», представляют собой развернутую притчу, где каждый персонаж и поворот сюжета несут аллегорическую нагрузку. Это превращало спектакль в увлекательный и наглядный урок Дхармы, доступный самому неподготовленному зрителю.

Таким образом, буддийские пьесы отражали духовные поиски эпохи Юань, трансформируя религиозные идеи в искусство, доступное широкой аудитории. Их эстетика, построенная на символизме и виртуальности, стала основой для развития всего китайского театра.

Выработанные в эпоху Юань повествовательные приемы и символические коды, основанные на буддийской философии, не канули в Лету вместе с династией. Они стали неотъемлемой частью поэтики китайской драмы последующих эпох. Мотивы кармического воздаяния, иллюзорности бытия и поиска спасения, облеченные в форму увлекательного сюжета, можно обнаружить в шедеврах Минской драмы чуаньци, таких как «Пионовая беседа» Тан Сяньцзу или «Дворец бессмертия» Хун Шэна. Таким образом, юаньские цзацзюй заложили фундамент для многовековой традиции синтеза развлечения и религиозно-философской проповеди в китайском театре.

Этот уникальный творческий синтез философии, литературы и сценического действия сделал буддизм частью ментального кода китайцев, а буддийские пьесы как носители

религиозных идей по своей эффективности и популярности в Новое время стали даже превосходить сутры.

Список литературы

1. Сорокин В.Ф. *Китайская классическая драма XIII-XIV вв.: Генезис, структура, образы, сюжеты*. Москва: Наука, 1979.
2. Чжэн Тинъюй. (郑廷玉 Монах Будай и "терпение". (布袋和尚忍字记)) *Электронный ресурс «План оцифровки китайских философских текстов»* // <https://zh.wikisource.org/wiki/布袋和尚忍字记> (дата обращения: 20.08.2025) (на кит.яз.)
3. Гуань Ханьцин. (关汉卿) *Обида Доу Э. (窦娥冤)* *Электронный ресурс «План оцифровки китайских философских текстов»* // <https://zh.wikisource.org/zh-hans/窦娥冤> (дата обращения: 20.08.2025) (на кит.яз.)
4. Гуань Ханьцин. *Обида Доу Э / Пер. стихов Арк. Штейнберга и Е. Витковского, перевод прозы В. Сорокина // Классическая драма Востока*. Москва: Художественная литература, 1976. С. 263–307.
5. У Чанлин. (吴昌龄) *Сон Су Дунпо о четырех друзьях среди цветов. (花间四友东坡梦)* *Электронный ресурс «План оцифровки китайских философских текстов»* // <https://zh.wikisource.org/zh-hans/花间四友东坡梦> (дата обращения: 20.08.2025) (на кит.яз.)
6. Аноним. (无名氏) *Монах Юэмин обращает Лю Цуй. (月明和尚度柳翠)* *Электронный ресурс «План оцифровки китайских философских текстов»* // <https://zh.wikisource.org/wiki/月明和尚度柳翠> (дата обращения: 20.08.2025) (на кит.яз.)
7. Алмазная сутра. (金刚般若波罗蜜经) *Электронный ресурс «Сетевая библиотека буддийских текстов»* // <https://book.bfn.org/books/0040.htm> (дата обращения: 20.08.2025) (на кит.яз.)
8. Гуань Ханьцин. *Тронувшая небеса и землю горькая обида Доу Э / Пер. Н. Спешнева // Юаньская драма*. Ленинград; Москва: Художественная литература, 1966. С. 27–67.
9. Сунь Гэ. (孙歌) *Буддизм и исследование связей с юаньской драмой. (佛教与元代杂剧关系研究)* *Литературное наследие. (文学遗产)* 2018; (4). С. 89–102. (на кит.яз.)

References

1. Sorokin V.F. *Kitayskaya klassicheskaya drama XIII-XIV vv.: Genezis, struktura, obrazy, syuzhety* [Chinese Classical Drama of the 13th-14th Centuries: Genesis, Structure, Images, Plots]. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)
2. Zheng Tingyu. *Budai heshang ren zi ji* [The Record of the Monk Budai's Endurance]. *Zhongguo zhexue shu dianzihua jihu* [China Philosophical Book Electronicization Plan]. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/布袋和尚忍字记> (accessed: 20.08.2025) (In Chin.)
3. Guan Hanqing. *Dou E yuan* [The Injustice to

- Dou E]. *Zhongguo zhexue shu dianzihua jihu* [China Philosophical Book Electronicization Plan]. Available at: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/窦娥冤> (accessed: 20.08.2025) (In Chin.)
4. Guan Hanqing. *Obida Dou E* [The Injustice to Dou E] / Trans. of poems by Ark. Shteinberg and E. Vitkovsky, trans. of prose by V. Sorokin. In: *Klassicheskaya drama Vostoka* [Classical Drama of the East]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1976, pp. 263–307. (In Russ.)
5. Wu Changling. *Hua jian si you Dongpo meng* [Su Dongpo's Dream of Four Friends in the Flowers]. *Zhongguo zhexue shu dianzihua jihu* [China Philosophical Book Electronicization Plan]. Available at: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/花间四友东坡梦> (accessed: 20.08.2025) (In Chin.)
6. Anonymous. *Yueming heshang du Liu Cui* [The Monk Yueming Liberates Liucui]. *Zhongguo zhexue shu dianzihua jihu* [China Philosophical Book Electronicization Plan]. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/月明和尚度柳翠> (accessed: 20.08.2025) (In Chin.)
7. Jingang banruo boluomi jing [Diamond Prajna Paramita Sutra]. *Fojiao wangluo tushuguan* [Buddhist Online Library]. Available at: <https://book.bfn.org/books/0040.htm> (accessed: 20.08.2025) (In Chin.)
8. Guan Hanqing. *Tronuvshaya nebesa i zemlyu gorkaya obida Dou E* [Dou E's Grievance that Moved Heaven and Earth] / Trans. by N. Speshnev. In: *Yuanskaya drama* [Yuan Drama]. Leningrad; Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1966, pp. 27–67. (In Russ.)
9. Sun Ge. *Fojiao yu Yuandai zaju guanxi yanjiu* [A Study on the Relationship between Buddhism and Yuan Zaju]. *Wenxue Yichan* [Literary Heritage]. 2018; (4), pp. 89–102. (In Chin.)

Сведения об авторе

Маяцкий Дмитрий Иванович,

канд. филол. наук, доц.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: d.mayatsky@spbu.ru

Information about the author

Dmitry I. Mayatsky,

Candidate of Philology, Assoc. Prof.

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: d.mayatsky@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

**Violation of P. Grice's maxims of cooperation as a strategy of politeness
and face-saving in chinese interpersonal communication**

**Нарушение максим кооперации п. Грайса как стратегия
вежливости и сохранения лица в китайском межличностном общении**

Мирзиева Лейсан Рифхатовна

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
ch_leisang@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0199-3871>*

Leysan R. Mirzeva

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
ch_leisang@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0199-3871>*

УДК 81'33 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-59-69](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-59-69)

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится подробный анализ отступления коммуникантами от правил кооперативного общения по П. Грайсу с позиции вежливой интеракции. Результаты исследования показали, что максимы Грайса не противоречат, а, наоборот являются подтверждением, теории вежливой коммуникации Дж.Лича. При этом, ключевым средством поддержания лица, гармонии и баланса в общении является митигация и различные языковые средства ее выражения. Следует отметить, этико-культурные и поведенческие установки накладывают определенный отпечаток на способы репрезентации коммуникативного смягчения, в том числе и в китайском языке. Так, в контексте китайского межличностного дискурса участники общения зачастую прибегают к тактике намека, уклонения или умолчания,

ABSTRACT

This article provides a detailed analysis of communicators' deviations from Grice's rules of cooperative communication from the perspective of polite interaction. The study's results demonstrate that Grice's maxims do not contradict, but rather confirm, G. Leech's theory of polite communication. Furthermore, mitigation and various linguistic means of expressing it are key to maintaining face, harmony, and balance in communication. It should be noted that ethical, cultural, and behavioral attitudes influence the ways in which communicative mitigation is represented, including in Chinese. Thus, in the context of Chinese interpersonal discourse, participants often resort to tactics of hinting, evasion, or silence, which helps mitigate communicative risks in face-threatening situations. The findings can be further used in research on politeness and the linguistic and cultural

что позволяет снизить коммуникативные риски в ликоугрожающих ситуациях. Полученные выводы могут в дальнейшем быть использованы в исследованиях, посвященных вежливости и лингво-культурным особенностям китайского языка.

Ключевые слова и фразы: максимы кооперации П.Грайса, принцип вежливости ДжЛича, митигация, неконфликтная коммуникация, вежливость, поддержание лица, китайский язык

Для цитирования: Мирзиева Л.Р. Нарушение максим кооперации П.Грайса как стратегия вежливости и сохранения лица в китайском межличностном общении. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 59–69 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-59-69>

Принцип кооперации был введен американским филологом и философом Г. Грайсом в 1967 году. Согласно исследователю, разработанные им постулаты были призваны помочь говорящему выстроить языковое взаимодействие так, чтобы суть его слов соответствовала тону, вектору разговора, а также способствовать поддержанию эффективной коммуникации между говорящим и слушающим. Теория кооперации Грайса зиждется на четырех ключевых максимах (P.Grice 1975, p.42-43):

- максима полноты (количества) информации;
- максима качества информации;

characteristics of the Chinese language.

Key words and phases: Grice's maxims of cooperation, Leach's principle of politeness, mitigation, non-conflict communication, politeness, maintaining face, Chinese language

For citation: Mirzиеva L.R. Violation of p. grice's maxims of cooperation as a strategy of politeness and face-saving in chinese interpersonal communication. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 59-69 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-59-69>

- максима релевантности;
- максима манеры речи.

Предложенные Г. Грайсом постулаты успешной кооперации носят ограничительный характер, практика показывает, что говорящие в процессе речевого взаимодействия поступают наперекор этим правилам в зависимости от конкретной коммуникативной задачи, например, для достижения комического эффекта (Хутыз 2019, с.454). Помимо этого, несмотря на универсальный характер, нельзя не согласиться с тем, что рассматривать максимы кооперации необходимо с учетом социокультурных факторов, норм и ритуалов коммуникации

конкретного социума (Там же, с. 456-460).

Следующим шагом в осмыслении принципов эффективной коммуникации можно считать разработанные Дж. Личем постулаты, которые получили общее название «принципы вежливости Дж. Лича» (Leech, p. 56-73). Сам термин ясно показывает, что в отличие от Грайса, не кооперация, а вежливость по мысли ученого представляет собой ключевую основу общения и чем она прочнее, тем позитивнее взаимодействие между индивидами.

По мнению Дж. Лича, категория вежливости и принцип кооперации одинаково значимы в прагматике речи и находятся в комплиментарных, а не в подчинительных отношениях (Leech, p. 80-87). Из этого следует, что они обладают равной объяснительной и функциональной силой: например, случаи косвенной реализации речевых актов, которые нарушают принцип количества, могут быть объяснены вежливостью, так как импликация более вежлива, чем прямое значение. Можно предположить, что рассмотрение коммуникативных постулатов Пола Грайса поможет лучше понять природу речевого этикета и особенность его репрезентации в межличностном языковом взаимодействии, в том числе в китайском языке.

В качестве фактического материала мы взяли отрывки из произведений китайской художественной литературы и кинодискурса. Цао Юй известный китайский драматург XX века, его произведения являются богатым источником лингвострановедческого материала, а бытовые диалоги раскрывают глубину и колорит межличностного общения в китайской лингво-

культуре. Сегодня большинство лингвистических исследований практическую часть стоят вокруг сериального и кинодискурса, пожалуй, потому что он дает многообразие аналитических данных – диалоги, наполненные современной разговорной речью. Более того, для более полного понимания контекста и погружения важным подспорьем становится визуальный ряд: мимика, движения, тон голоса героев и т.д.

Для того, чтобы проанализировать каким образом в китайском языке коммуниканты идут вразрез максимы Грайса и роль митигации в этом процессе, далее рассмотрим конкретные случаи таких нарушений.

Говорящий идет наперекор максиме полноты информации:

Основная суть данной максимы состоит в том, что в процессе коммуникации говорящий произносит информацию в таком объеме, который вписывается в конкретную коммуникативную цель. Однако в определенных коммуникативных ситуациях, столкнувшись с необходимостью избежать конфликта, нивелировать негативный эффект от сообщаемой информации, когда необходимо проявить деликатность по отношению к чувствам собеседника, например в ситуации критики, адресант нарушает этот принцип. Рассмотрим пример из китайского кинофильма «Зажигая звезды» (“人生大事”) (здесь и далее перевод наш):

武小文：外婆被烧成烟了。

王建仁：烧成烟也没有消失阿。飘到天上去。是吧？

莫三妹：对，飘到天上变成，变成星星了。

У Сяовэнь: бабушку сожгли, и она превратилась в дымку.

Ван Цзянжэнь: пусть она и стала дымкой, но не исчезла, а поднялась на небо, верно?

Мо Саньмэй: да, она поднялась на небо и превратилась, превратилась в звездочку.

Здесь перед нами представлен полилог: взрослые герои Саньмэй и Цзянжэнь пытаются утешить Сяовэнь, которая потеряла единственного близкого человека — бабушку. Переживать утрату близкого и касаться этой темы в разговоре эмоционально тяжело в любом возрасте, но особенно, если с этим столкнулся впервые ребенок. Необходимо проявить чуткость и осторожность, риторика по возможности должна быть жизнеутверждающей, чтобы адресат не впал в еще большее горе и уныние. Так и здесь, говорящие используют коммуникативное смягчение не только на лексическом, но и на прагматическом уровне, с помощью тонкой, образной метафоры и редупликации 星星, которой в переводе на русский язык соответствует диминутив «звездочка». Саньмэй и Цзянжэнь смогли оказать эмоциональную поддержку девочке, подстраиваясь, адаптируясь под ее стиль общения. Метафоры позволяют обойти излишнюю детализацию, простым языком описать сложные явления. Молодые люди не стали рассказывать научные, философские или теологические теории, объясняющие конечность жизни человека. Саньмэй не просто согласился с другом, но и развил его мысль, подавая информацию в таком объеме,

которую требовала конкретно данная коммуникативная ситуация. Рассмотрим еще один небольшой пример:

莫大姐：你醒了，把我们都吓死了。

老莫：我没事儿，老毛病。

Старшая сестра семьи Мо: ты очнулся! Как же ты нас напугал!

Старик Мо: все в порядке, старые болячки беспокоят.

Пусть дочь старика Мо и не относится к медперсоналу, но даже в этой ситуации он мог бы описать свое состояние после того, как долгое время не приходил в себя. Чтобы не расстраивать дочь, отец ограничился вежливой фразой о том, что нет поводов для беспокойства. Эта устойчивая форма ответа больше несет не информативную, а фатическую функцию, служит поддержанию доброжелательного общения между близкими людьми. Отвлеченная форма ответа не дает полной и необходимой информации, но помогает поддержать позитивный тон общения. Более того, старик Мо избегает говорить правду, чтобы родные не волновались, что противоречит другому правилу кооперации — максиме качества, о которой пойдет речь далее.

Говорящий одновременно нарушает максимы качества и манеры.

Соблюдать и следовать максиме качества — значит говорить правду, либо не произносить слов, что не подкреплены достоверными фактами. А соблюдать максимум манеры — стремиться сделать свою речь ясной и простой,

понятной слушающему. Проанализируем следующий пример из пьесы Цао Юя «Гроза» (曹禺, 2014):

周繁漪: 鲁奶奶, 我知道四凤是个明白的孩子, 不过有了这种不幸的情形, 我的意思, 是非常容易叫人发生误会的。

鲁侍萍 (叹气): 今天我到这来是万没想到的事, 回头我就预备把她带走, 现在我就请太太准了她的长假。

Чжоу Фань: Бабушка Лу, я знаю, что Сы Фэн умная и смышленная девочка, но попала в такую неприятную ситуацию. Я хочу сказать, что такое легко может стать причиной недопонимания.

Лу Сыпин (вздыхает): Я и думать не могла, что переступлю порог этого дома. В следующий раз я уведу её насовсем, а сейчас я пришла просить госпожу отпустить дочь на несколько дней.

В данном примере Чжоу Фань, рассказывая матери служанки Сыфэн о своих беспокойствах по поводу любовной связи пасынка и девушки, понимает щепетильность ситуации и подбирает приемлемые для собеседницы выражения. Фань в беседе использует эвфемизмы «неприятная ситуация», «недопонимание» для описания конфликта с Сыфэн. При этом Фань говорит завуалированно, что является нарушением максимы манеры, согласно которой важны простота и ясность. Более того, женщина не заявляет открыто о том, что связь между Чжоу Чунем и служанкой вызывают у нее негодование и злость, скрывая эти чувства за маской заботы и участия, что идет враз-

рез с максимальной качества. Однако подтверждением того, что смягчение, которое использует адресант, позволило достичь нужного коммуникативного эффекта, является то, что Лу Сыпин сразу поняла какой смысл скрывается за учтивыми словами хозяйки особняка, которая хотела бы, чтобы девушка поскорее покинула дом семьи Чжоу, поэтому пообещала увести дочь.

Говорящий одновременно нарушает максимы полноты и количества информации

Согласно теории кооперации Грайса залогом ясного и эффективно общения является предоставление адресату истинной, неискаженной информации в том объеме, который способствовал бы беспрепятственному пониманию мыслей собеседника и темы разговора. Нарушение данного принципа характеризуется чрезмерным или напротив недостаточным количеством информации, необходимой собеседнику для понимания ситуации и возможности предоставить соответствующую обратную связь. Такой прием мотивирован стремлением сохранить лицо в ликоугрожающих ситуациях. Рассмотрим отрывок из произведения «Рассвет» (曹禺, 2014):

李石清: 我总是为经理服务的。呃, 呃, 最近我听说襄理张先生要调到旁的地方去?

潘月亭 (沉吟): 是, 襄理, ——是啊, 只要你不嫌地位小, 那件事我总可以帮忙。

Ли Шицин: Я всю жизнь работал на управляющего. Ах! Верно ли говорят, что господина Чжана, его заместителя направляют на другое место работы?

Пань Юэтин (бормочет себе под нос): верно, заместитель, ага... Если тебя не смущает, что должность маленькая, я всегда рад подсобить.

В данном примере Ли Шицин расспрашивает Пань Юэтина по поводу помощника руководителя по фамилии Чжан, в частности, о том, что того переводят на другое место работы. Постановка вопроса подразумевает краткий утвердительный или отрицательный ответ, собеседнику требовалось сказать только «да» или «нет». Однако Пань, догадавшийся о том, что на самом деле Ли хочет узнать, каковы его шансы занять место экс-помощника, сначала дает утвердительный ответ, а после паузы добавляет «я всегда рад подсобить», дав понять собеседнику, что он понял его скрытые мотивы и готов его поддержать. Здесь говорящий использует хезитацию, делая паузы, стараясь тактично и деликатно выразить свою мысль и демонстрируя желание поддержать «лицо» собеседника, ведь ситуация просьбы вынуждает говорящего выйти из зоны комфорта, может угрожать его чувству независимости и самодостаточности.

Р.Лакофф в свою очередь подчеркивает, что, если рассматривать столкновение вежливости с ясностью выражения, первая важнее в разговоре, так как в неформальной беседе обмен информацией – это не главное. Главное же – поддержание хороших отношений между коммуникантами [6, с. 775-779]. Очевидно, что в своем ответе Пань Юэтин пренебрёг максимы полноты и количества, однако ему удалось расположить к себе собеседника, проявив вежливость и деликатность.

Говорящий нарушает максимум качества информации

В основе постулата качества информации лежит идея о том, что для поддержания доверия и взаимопонимания в общении, коммуниканты должны избегать недоразумений и неясности, доносить правдивую и достоверную информацию. Нарушение максимы качества характеризуется тем, что говорящий излагает недостаточно истинную, четкую информацию. Проанализируем еще один пример из «Грозы» Цао Юя (曹禺, 2014):

Пример.

鲁侍萍: 老爷问这些闲事干什么?

周朴园: 这个人跟我们有点亲戚。

Лу Сыпин: зачем господину забивать голову этими посторонними вещами?

Чжоу Пуюань: мы состоим в некоем родстве с этим человеком.

В данном примере Лу Сыпин пытается вывести, почему Чжоу Пуюань так сильно интересуется, казалось бы, незнакомой, не относящейся к его кругу общения дамой. Чжоу не желает признаваться в своих истинных намерениях, поэтому использует митигативную тактику неопределенной референции, чтобы не углубляться в нежелательную для него тему. На языке оригинала смягчение выражается с помощью неопределенного квантификатора степени «有点» со значением «немного». Отвечая «состоим в некотором родстве», он нарушает принцип качества информации, так как ответ его не искренен, потому что между Чжоу

Пуюанем и женщиной, о которой они говорят, была любовная, а не родственная связь. Если бы Лу Сыпин не знала точно, что собеседник ей врет, то восприняла бы эти слова как обычный вежливый ответ. Здесь хозяин дома Чжоу заботится о сохранении своего лица и проявляет осмотрительность в разговоре.

Говорящий нарушает максимум релевантности

Постулат релевантности призывает участников общения формулировать высказывания в соответствии с текущей тематикой разговора, изъясняться уместно содержанию диалога. При нарушении принципа релевантности слова, произнесенные говорящим, не коррелируются с высказываниями собеседника и их содержанием. Нет логической связи с тем, о чем говорилось ранее. Проанализируем следующий диалог из кинофильма «Зажигая звезды» (“人生大事”):

莫三妹: 你爸爸叫什么呀?

武小文: 莫三妹。

莫三妹: 住在什么地方啊?

武小文: 延江市雨花区槐安路73号上天堂。

莫三妹: 你爸爸电话多少呢?

武小文: 大晚上的你干什么呀, 我好困啊!

莫三妹: 你以后不会把我忘了吧...我去给你找个镜子照一下。

莫三妹: 怎么称呼你爸爸?

У Сяовэнь: Мо Саньмэй.

Мо Саньмэй: где он живет?

У Сяовэнь: город Яньцзян, район Юйхуа, ул. Хуайань семьдесят три, «Попади в рай».¹

Мо Саньмэй: а какой у папы номер телефона?

У Сяовэнь: ну что за расспросы на ночь глядя? Я устала, хочу спать.

Мо Саньмэй: ты ведь не забудешь обо мне...Пойду, принесу тебе зеркало, чтобы посмотрела, как получилось.

В этом диалоге между двумя героями происходит заурядное, бытовое общение: Мо Саньмэй перед сном расчёсывает волосы приемной дочери Сяовэнь и как большинство родителей проверяет насколько хорошо та помнит свой адрес и номер его телефона. Как правило, это делается в целях безопасности ребенка, чтобы тот, оказавшись в экстренной ситуации, чувствовал себя увереннее и мог назвать нужную информацию. Однако ощущение обыденности разговора обманчиво, Саньмэй движут другие мотивы: он знает, что им придется расстаться после того, как он вернет девочку родной матери и не только расстояние, но и время разлучит их, поэтому мужчина хочет убедиться, что ставшая для него родной девочка не забудет дорогу обратно. При этом, чтобы не спровоцировать ребенка на конфликт, не осложнить их отношения делает он это скрытно и завуалированно. Истинные причины его «допроса» остаются невысказанными и, чтобы

¹ «Попади в рай» - название маленького бюро ритуальных услуг, который одновременно служит местом проживания Мо Саньмэй, Сяовэнь и их друзей.

отвести подозрения девочки меняет тему разговора. Для этого Сяомэй нарушает принцип ясности и понимания: на вопрос девочки отвечает уклончиво, старается сместить фокус разговора с одной темы на другую.

Рассмотрим еще один пример, иллюстрирующий несоблюдение максимы релевантности, представленный в картине «Навсегда в моем сердце» (“一直一直都很喜欢你”):

顾彬: 你知道莲雾一直晒太阳的话, 它的果色会淡化, 然后变得没那么甜吗?

童知了: 什么意思啊?

顾彬: 如果要驯化莲雾的话, 必须要让它长时间呆在阴暗处, 直到最后一刻再

给它阳光。这样长出来的果子才会又深又甜。

童知了: 你干吗突然说这个啊?

顾彬: 没事, 我只是想要告诉你, 我可以等你准备好。

童知了: 你干吗?

顾彬: 等你准备好啊。

Gu Пинь: а ты знала, что если ява-яблоко выращивать на солнце, то плоды его будут блеклыми и не очень сладкими?

Тун Чжиляо: что ты имеешь ввиду?

Gu Пинь: когда хочешь одомашнить ява-яблоко, обязательно держать его в тени и только в последний момент можно выставить на солнце. Так, цвет у яблок будет насыщенным, а вкус сладким.

Тун Чжиляо: зачем вдруг ни с того, ни с сего ты об этом рассказываешь?

Gu Пинь: да так, я просто хотел сказать тебе, что дождусь, когда ты будешь готова.

Тун Чжиляо (видя как Gu Пинь закрывает жалюзи, чтобы солнце не светило прямо на нее): ты что делаешь?

Gu Пинь: жду когда ты будешь готова.

Складывается впечатление, что в данном отрывке Gu Пинь говорит невпопад и это никак не связано с основной темой разговора. Молодые люди обсуждали планы на вечер, ветеринарную практику Чжиляо и молодой человек словно бы случайно обратил внимание на ява-яблоко, которое выращивала девушка. В действительности, Gu Пинь с помощью метафорического сравнения бережного, терпеливого ухода за растением собирался деликатно намекнуть Тун Чжиляо, что он также нежно и уважительно относится к ее чувствам, о которых ему известно и о том, как тяжело ей ему открыться. Несмотря на то, что тема отношений претерпела определенные изменения в сознании китайской молодежи под влиянием западных идей, тенденции к более открытому и раскрепощенному восприятию любви в противовес к скованному и традиционному, привычка говорить об этом завуалированно, аллегорично по-прежнему имеет место быть. Так, адресанту удалось избежать коммуникативного дискомфорта, который мог возникнуть от его излишней откровенности и прямолинейности.

Говорящий нарушает максимум манеры

Этот тип нарушения постулатов Грайса характеризуется тем, что речь говорящего запутанна и неясна, а слушающий вынужден догадываться о её истинном значении или попытаться понять иносказательный смысл используемых собеседником слов. Выясним, как конкретно данное отступление от максимы манеры проявляется в китайском языке на примере диалога из «Грозы» Цао Юя (曹禺, 2014):

周繁漪: 老爷睡觉了, 你要见他什么事?

鲁贵: 没有什么, 要是太太愿意办, 不找老爷也可。——(着重 意义地) 都看太太要怎么样。

周繁漪(半晌, 忍下来): 你说吧, 我也许可以帮你的忙。

鲁贵(重复一遍, 狡黠地): 要是太太愿意做主, 不叫我见老爷, 多麻烦, (假笑) 那就大家都省事了。

周繁漪: 什么, 你说吧。

鲁贵(谄媚地): 太太做了主那就是您积德了。——我们只是求太太还赏上饭吃。

(曹禺《雷雨》)

Чжоу Фаньи: господин уже почил сном. Зачем вы хотите его увидеть?

Лу Гуй: пустячное дело! Если вы согласны помочь, то не нужно звать его ... (произнося каждое слово с особым смыслом) Всё зависит от решения госпожи.

Чжоу Фаньи (взяла долгую паузу, спокойно): говори же, может, я и вправду смогу тебе

помочь.

Лу Гуй (повторяется, но с заговорщицким видом): если вы согласитесь оказать услугу, то не понадобится утруждать хозяина! (напускная улыбка) От этого все останутся в выгоде!

Чжоу Фаньи: что надобно? Ну, говори же!

Лу Гуй (с подобострастным видом): Госпожа, Вы окажете великую милость, если сами распорядитесь ... Мы только хотим, чтобы хозяйка велела вернуть нам источник пропитания.

В данном отрывке Лу Гуй пришел к Чжоу Фаньи с просьбой проявить милость и посодествовать в восстановлении на работу в дом Чжоу. Лу стал свидетелем ссоры между Чжоу Пинем и Чжоу Фаньи, услышав некоторые неприглядные подробности об их личных взаимоотношениях. Когда женщина стала выяснять, в чем цель визита Лу Гуя, тот прямо не ответил, наоборот, говорил неясно, намеками, но при этом отчетливо давая понять, к чему приведет отказ посодествовать в просьбе. Ведь теперь в его руках был опасный козырь — он узнал кое-что важное о Фаньи и теперь мог надавить на нее, тем самым заставив решить проблему в пользу Лу Гуя.

Хоть речь Лу Гуя на поверхности путанная и бессвязная, однако ему удалось избежать риска подвергнуть удару лицо собеседника и при этом не навлечь ее гнев на себя, а главное — успешно выполнить коммуникативную цель. С помощью условного предложения «Если вы согласитесь оказать услугу, то не понадобится утруждать хозяина!», — мужчина использует

стратегию иллюкутивного смягчения. Положение просителя и статус Лу Гуя не позволяют тому прямо сказать, что он хочет получить от Фаньши, поэтому тактика намека позволяет поддерживать «негативное» лицо адресанта и дать понять, что в случае отказа Лу Гуя раскроет секреты хозяйки её мужу. Говорящий осознает, что открытый шантаж может сразу вызвать шквал негодования у адресата и разговор закончится, не успев начаться, а это грозит коммуникативной неудачей. Поэтому Лу Гуя использует такие формулировки, которые могли бы поддержать «позитивное» лицо собеседника, продемонстрировать важность Фаньши через максимум скромности, которая граничит с самоуничижением. Так он подчеркивает знаковую роль хозяйки дома в решении его проблем словами «вы окажете великую милость» или «всё зависит от решения госпожи». Все это позволяет безопасно для статуса, достоинства говорящих достичь желаемого коммуникативного эффекта.

Результаты исследования показывают, что в процессе речевого взаимодействия одновременно могут нарушать несколько постулатов кооперации, как правило используя эвфемизмы, метафоры и другие языковые средства, а также лексику с неясным, размытым значением (неопределенные квантификаторы), hesitation, умолчание. Коммуниканты прибегают к митигативным средствам во многом ввиду угрожающих, потенциально конфликтных ситуаций просьбы, разговоров по душам и т.д. Особенно если касается табуированных деликатных для китайского менталитета тем, например, открытой демонстрации симпатии, любовных чувств, что в очередной раз под-

черкивает необходимость для выявления прагматических целей коммуникантов уделять отдельное внимание культурному контексту.

Согласно проведенному анализу, нарушение максим Грайса можно мотивировать тем, что, избегая прямых, категоричных выражений, говорящий делает попытку предотвратить конфликт или появление негативных эмоций у адресата, стремясь, тем самым, продолжить коммуникацию в конструктивном и позитивном ключе. И в этой связи эффективным средством реализации стратегии вежливой, неконфликтной коммуникации становится коммуникативное смягчение. Действительно, проанализировав, как работают митигативные стратегии в аспекте максим Грайса, изучив, каким именно образом представления об «идеальном» сталкиваются с реальностью в лице коммуникативного смягчения, мы можем получить значимые выводы об эффективном речевом взаимодействии, выделить определенные коммуникативные и речевые паттерны вежливого взаимодействия.

Список литературы

1. Grice, H. Paul Logic and conversation, in P. Cole and J. Morgan (eds), Syntax and Semantics 3: Speech Acts. New York: Academic Press. 1975. Pp. 41-58
2. Хутиз И. П. Нарушение максим коммуникации П. Грайса как стратегия эффективного лекционного дискурса // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 2. – С. 451-460.

3. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London, 1983, 125p.
4. 人生大事 «Зажигая звезды» URL:
5. Цао Юй (曹禺) Полное собрание драматических произведений Цао Юя (曹禺戏剧全集), Издательство «Народная литература» (人民文学出版社, 第一卷), том 1. 2014. 2039с. (на кит.яз.)

一直一直都很喜欢你 URL: [https://](https://www.youtube.com/watch?v=kkaZ4m4Fvk8&t=1148s)

[www.youtube.com/watch?](https://www.youtube.com/watch?v=kkaZ4m4Fvk8&t=1148s)

v=kkaZ4m4Fvk8&t=1148s (дата обращения: 08.07.2025)

1. Lacoff G. Explaining Embodied Cognition Results// Topics in Cognitive Science. 2012. Vol. 4. Iss. 4. P. 773-785.

References

1. Grice, H. Paul Logic and conversation, in P. Cole and J. Morgan (eds), *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New York: Academic Press. 1975. Pp. 41-58
2. Khutiz I. P. Violation of P. Grice's communication maxims as a strategy for effective lecture discourse // *Communicative studies*. - 2019. - No. 2. - P. 451-460. (In Russ.)
3. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London, 1983, 125p.
4. 人生大事 «Зажигая звезды» URL:
5. Cao Yu (曹禺) The Complete Dramatic Works of Cao Yu (曹禺戏剧全集), People's Literature Publishing House (人民文学出版社, 第

一卷), volume 1. 2014. 2039 pp. (In Chinese).

一直一直都很喜欢你 URL: [https://](https://www.youtube.com/watch?v=kkaZ4m4Fvk8&t=1148s)

[www.youtube.com/watch?](https://www.youtube.com/watch?v=kkaZ4m4Fvk8&t=1148s)

v=kkaZ4m4Fvk8&t=1148s (accessed: 08.07.2025) (In Chinese).

1. Lacoff G. Explaining Embodied Cognition Results// Topics in Cognitive Science. 2012. Vol. 4. Iss. 4. P. 773-785.

Сведения об авторе

Мирзиева Лейсан Рифхатовна,

Старший преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

ch_leisang@mail.ru

Information about the author

Leysan R. Mirzieva,

Senior Lecturer

Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

ch_leisang@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

The image of stone in guohua painting

Образ камня в живописи гохуа

Донченко Анна Ильинична

Институт Китая и Современной Азии РАН

Автор, ответственный за переписку:

ann.donchenko@yandex.ru

Anna I. Donchenko

Institute of China and Modern Asia of the RAS

Corresponding author:

ann.donchenko@yandex.ru

УДК 32.019.51 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-70-77](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-70-77)

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется образ камня в живописи гохуа через призму философской символики, системы оценки эстетической ценности и художественной практики. Камень интерпретируется как модель мироздания, выражающая идеи гармонии и диалектики пустоты и полноты. Поиск красоты в природе, присущий даосским практикам и конфуцианским представлениям об окружающем мире оказал большое влияние на образ камня в изобразительном искусстве Китая. На протяжении долгого времени необычные камни являлись предметом восхищения и коллекционирования многих представителей китайской интеллигенции. Камень был темой литературного и художественного творчества. Доказывается, что камень выступает не только декоративным элементом, но и важным культурным кодом, выражающим идеи гармонии, стойкости и связи человека с вселенной. Изображение камней и гор

ABSTRACT

The article examines the image of stone in Guohua painting through the lens of philosophical symbolism, aesthetic evaluation criteria, and artistic practice. Stone is interpreted as a model of the universe, expressing ideas of harmony and the dialectic of emptiness and fullness. The search for beauty in nature, inherent in Daoist practices and Confucian worldview concepts, has significantly influenced the representation of stone in Chinese visual art. For a long time, unusual stones have been an object of admiration and collection for many members of the Chinese intelligentsia. Stones served as a theme for literary and artistic creation. It is argued that stone serves not merely as a decorative element but as an important cultural code expressing ideas of harmony, resilience, and the connection between humanity and the universe. The depiction of stones and mountains in Chinese artists' works embodies key principles of the Chinese's visual arts tradition.

на картинах китайских художников воплощает в себе ключевые принципы изобразительного искусства Поднебесной.

Ключевые слова: китайская живопись, искусство, культура Китая, китайское искусство, Китай

Для цитирования: Донченко А.И. Образ камня в живописи гохуа. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 70–77 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-70-7>

В китайской культуре отношения между человеком и окружающим миром характеризуются гармонией и единением. Это нашло свое отражение в национальной художественной традиции. С древнейших времен художники стремились отразить в своих произведениях важность и независимость природы. Они изображали большие пространства, как бы созерцаемые из дали, человеческие фигуры и архитектура были частью ландшафта, часто изображались миниатюрными, что подчеркивало интимный характер общения человека с окружающим миром и усиливало ощущение его духовной включенности в природный порядок. В системе культурных кодов Китая, сформированной под влиянием даосской и конфуцианской мысли, многие природные объекты были наделены глубоким символическим значением. Среди них особое место занимает камень, выступающий одним из ключевых элементов художественной традиции Китая и сложным многогранным символом, пронизывающим всю тра-

Keywords: Chinese painting, art, Chinese culture, Chinese art, China

For citation: Donchenko A.I. The image of stone in guohua painting. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 70-77 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-70-77>

диционную китайскую эстетику, живопись, литературу и садовое искусство.

В традиционной китайской живописи изображение камня никогда не было простым воспроизведением природы. Оно являлось глубоко философским актом, наполненным сложной символикой, корни которой уходят в учения даосизма, конфуцианства и более древние верования. Прежде всего, камень олицетворяет собой первооснову мира, вечность и неизменность. Согласно даосской концепции, камень — это сгусток жизненной энергии *Ци*, застывшее «дыхание» земли. Он воплощает идею абсолютной стойкости и постоянства перед лицом изменчивости мира. Художник, изображая причудливую скалу, горную вершину или одинокий камень в потоке, размышляет о вечном, о связи времен и о месте человека во вселенной.

В средневековых трактатах о живописи особое значение придавалось «духу камня». Хороший камень в живописи должен был обладать собственной душой, внутренней силой

и характером, что превращало его из объекта в субъект, в одушевлённого собеседника для образованного человека. Кроме того, камень служил символом высокой нравственности и нестигаемости принципов, что напрямую связано с идеалами конфуцианства. Подобно тому как благородный муж *цзюньцзы* сохраняет чистоту помыслов и твёрдость духа в любых испытаниях, камень непоколебимо противостоит ветрам и водам. Он становится метафорой стойкости характера, духовной целостности и верности своим убеждениям.

С точки зрения китайской культурной традиции, камень представляет собой воплощение фундаментальных принципов мироздания. В трактате «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» подчеркивается, что изображение камня является основой пейзажной живописи, поскольку в его формах заключены энергия *ци* и структурные ритмы *ли* вселенной. Камень воспринимается как сконцентрированная «кость» земли или, как написано в трактате, «камень — это кость горы», что наделяет его качествами прочности, долговечности и неизменности, столь ценными в конфуцианском мировоззрении. [Слово о живописи 2001, С.399]

Присутствие камня в пейзажных картинах, особенно в виде одинокой скалы или горного пика, часто представляет мужское, светлое, активное начало *Ян*, противостоящее и дополняющее текучую, мягкую, женственную воду *Инь*. Вместе они создают гармоничное единство противоположностей, основу мироздания. Наконец, для учёного-художника камень в саду или на свитке был объектом ме-

дитации, «молчаливым учителем». Созерцая его сложную форму, наполненную внутренним движением, человек мог постигать великие законы *Дао*, скрытые в природе. Таким образом, камень в китайской традиции — это не просто минерал, а целый космос, микромодель вселенной, приглашающая зрителя к бесконечному диалогу и размышлению о вечном.

В традиционной культуре Китая существует особое явление — коллекционирование и глубокое почитание природных камней, прошедших обработку исключительно силами стихий. Эти объекты называют «камнями для любования» или «камнями для созерцания». Их ценность заключается не в материальной стоимости, а в уникальной способности вызывать глубокие эстетические и философские переживания. Суть этого явления — в особом взгляде на мир, где природа рассматривается как величайший и самый искусный художник. Человек не создаёт такие камни, а лишь находит и отбирает их, распознавая скрытую в них художественную форму. Цель — обнаружить естественные творения, которые своим видом, очертаниями, фактурой и цветом пробуждают воображение, напоминают о далёких горных пейзажах, сказочных существах или абстрактные образы.

Эстетика камня, особенно в его природной, необработанной форме, идеально соответствует основным принципам даосизма — «естественности» и «не-деяния». Камень ценится не за рукотворную огранку, а за свою врожденную, созданную природой сущность. Это делает его объектом медитации и воплощением *Дао*, который спонтанен и самодостаточен.

Использование камней причудливых форм и цветов как объекта воспевания любования в садах, в живописи и литературе, вызвало необходимость систематизации и классификации этого природного материала. В культурном контексте средневекового Китая сформировалась развитая и глубоко разработанная эстетическая система классификации природных камней, занимавших центральное место в практике «пейзажного созерцания». Данная система базировалась на сложном комплексе визуально-тактильных и философских признаков, зафиксированных в трактатах об искусстве и садах. [Голосова 2015, с 79–80]

В ряде классических трудов, например в написанном в эпоху Мин трактате Цзи Чэна (1582 – 1642) «Юанье» («Садовый трактат») в главе «Выбор камней», описана целостная эстетико-философская система оценки камней, которая включает в себя принципы *тоу*, *лоу*, *чжоу* и *шоу*. Эти критерии неразделимы и оцениваются в совокупности. Идеальным камнем считается тот, который сочетает в себе сквозную проницаемость *тоу*, сложный рельеф с углублениями *лоу*, фактурную, испещрённую морщинами поверхность *чжоу* и изящную, устремлённую ввысь форму *шоу*. [Голосова 2015, с 66–67]

Такой объект воспринимался как совершенное творение природы, материальный символ даосских и конфуцианских идеалов, призванный вдохновлять человека на созерцание и постижение универсальных законов мироздания.

Принцип *тоу* подразумевает наличие в камне сквозных отверстий и туннелей, которые создают иллюзию его внутренней «прозрачности» и лёгкости. Камень перестаёт

восприниматься как монолитная, непроницаемая глыба. Это воплощение даосского понятия «пустоты», которая не есть ничто, а является источником силы и движения. Сквозные отверстия символизируют способность камня «дышать», пропускать через себя энергии неба и земли, быть проводником циркулирующей *Ци*. Камень, отвечающий критерию *тоу* визуализирует идею взаимопроникновения всех вещей.

Категория *лоу* тесно связана с *тоу*, но акцент смещается со сквозных отверстий на сложный рельеф поверхности: углубления, борозды, ложбинки, которые создают игру света и тени. Эти «ворота» и «окна» в камне делают его поверхность динамичной и изменчивой. Принцип *лоу* олицетворяет непрерывность и изменчивость природы. Желобки и углубления ассоциируются с эрозией, работой воды и ветра — ключевых сил в даосской натурфилософии. Таким образом, камень становится записью длительного природного процесса, его «биографией», воплощением времени и вечного движения.

Принцип *чжоу* описывает сложную и неровную фактуру поверхности камня, покрытую складками, напоминающими морщины на лице или складки на одежде древнего мудреца. Это придает камню ощущение древности, мудрости и благородной патины времени. Морщины *чжоу* — это знак возраста и опыта, ценимый в конфуцианской традиции. Они придают камню характер, индивидуальность и историческую глубину. Фактурная поверхность противостоит гладкости и искусственности, подчёркивая естественное, «несделанное» происхождение объекта, что является высшей добродетелью в даосизме.

Критерий *шоу*, вопреки прямому значению обозначающего его иероглифа — «худой», означает не истощённость, а структурную изящность, ажурность, вертикальную устремлённость и графичность. Камень должен быть не приземистым и громоздким, а устремлённым вверх, с чёткими, энергичными линиями. Этот принцип отражает конфуцианский идеал благородного мужа: стойкого, неподкупного, духовно возвышающегося над суетностью. Его вертикальная форма символизирует связь между землёй и небом, а визуальная «лёгкость» — одухотворённость и преодоление обыденности. [«Садовый трактат»]

Также камни могли оцениваться по скульптурным аналогиям, например «напоминающие водяные каштаны» или «наполовину погруженные в землю».

Камни, в наибольшей степени соответствовавшие таким критериям, часто добывали со дна озера Тайху, расположенном на юге провинции Цзянсу. Они становились центральными объектами в кабинетах учёных-литераторов, главными героями живописных произведений и стихотворений, а также ядром классического китайского сада. В садовом искусстве камень выполняет роль не просто декоративного элемента, а структурной и философской доминанты. Он символизирует горы — один из двух первоэлементов мироздания (наряду с водой) в китайской картине мира, выступая мостом между микрокосмом сада и макрокосмом природы.

Камень *тайхуши* — это один из четырех самых знаменитых камней в Китае, представляет собой разновидность известняка. Свою при-

чудливую форму и вид эти камни приобретают благодаря тому, что в течение длительного времени вода вымывает и растворяет небольшие мягкие включения из более плотных слоев. Первые упоминания об использовании в китайских садах камней из озера Тайху относятся к эпохе Тан (618–907), позже они появляются в описании садов и в живописных произведениях эпохи Сун. Считается, что после создания императорского сада в Баньяне для императора Хуэй-цзуня, где было использовано большое количество таких камней, камни *тайхуши* стали очень популярны в китайских садах и пользовались особым вниманием со стороны знати в последующие эпохи. Эти камни могут быть самых разных форм — одни с перекрывающимися вершинами и гребнями, а другие с тонкими перекрещивающимися прожилками. Добывают в горах Юйцишань, Юаньшань и Дунтин в районе озера Тайху. Это наиболее популярный материал для создания садовых композиций, украшения кабинетов ученого и любимый сюжет китайских художников. [Голосова 2008, с 40–41]

О другом камне — камне *линбиши* цинский император Цяньлун (1736—1796) говорил, что это самый прекрасный камень в Поднебесной. Его добывают преимущественно в уезде Линби провинции Аньхой. Вэнь Чжэньхэн (1585–1645) в своем трактате «О вещах, радующих взор» писал, что камень *линбиши* считается лучшим и его трудно достать, особенно сложно найти крупные камни. Небольшие камни ставят на столы и подставки, и лучшими считаются те, что имеют цвет, как лак, и звук, как нефрит. Помимо причудливой формы эти

камни обладают прекрасным звуком. Ещё в эпоху Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н. э.) из него изготавливали *бяньпань* — древнекитайский ударный инструмент, использовавшийся исключительно в торжественных церемониях, таких как жертвоприношения в родовых храмах и в придворных церемониях для императорского двора и знати. Этот музыкальный инструмент мог состоять из трёх, восьми, девяти, тринадцати, шестнадцати или тридцати каменных пластин разной длины, толщины и высоты тона, расположенных в определённом порядке. Поэтому камень *линбиши* также называют «восьмитоновым камнем». Одной из самых известных картин с его изображением по праву считается свиток «Десять сторон камня *линбиши*» выдающегося минского художника У Биня (1550 – 1643). Высота центральной части картины составляет 55,5 см, а длина — 11,5 метра. Как считается, на свитке, созданном около 1610 года, изображен один и тот же камень с разных ракурсов.

Основным местом добычи камня *инши* является гора Иншань в посёлке Ванбу города Индэ в провинции Гуандун. Первые упоминания об этом камне встречаются в сунском «Каталоге камней Юньлинь» Ду Ваня (год рождения и смерти неизвестны), где *инши* причислен к императорским сокровищам. В книге систематически описаны морфология, цвет и текстурные характеристики 116 видов известных камней, среди них есть камни *линбиши* и *тайхуши*, предложены стандарты оценки камня — «тонкий, пористый, прозрачный и морщинистый», методы очистки и обработки камней, а также описаны области применения. Камни

инши разделяются на две основные категории: *янши* и *иньши*. *Янши* — это тип камней, которые выступают над поверхностью земли и подвергаются воздействию атмосферных условий, имеют твёрдую текстуру и тёмно-зелёный цвет. Они обладают изящной формой, с множеством трещин на поверхности и хрустящим звуком при постукивании, чаще всего их используют при создании рокариев и бонсай. Камни *инши* категории *иньши*, залегают глубоко под землей и менее подвержены выветриванию, имеют рыхлую и гладкую текстуру, сине-черного цвета, иногда с белыми прожилками. Часто в таких камнях есть причудливые отверстия, а при постукивании они издают мягкий звук. Камень *инши* обычно имеет чётко выраженную лицевую и тыльную поверхности, причём на лицевой имеются различные выпуклости и вогнутости, а тыльная сторона плоская и ничем не примечательна. Благодаря своей изящной форме эти камни были излюбленным предметом коллекционирования и украшали кабинеты литераторов. Камень *инши* можно увидеть на многих произведениях знаменитого художника эпохи Мин Сюй Вэя (1521-1593), например на свитке «Пион, банан и камень», выполненном в монохромной манере.

Четвертый знаменитый камень — это камень *куньши*. Его ценят за белый цвет и прозрачность, добывают из кварцевых жил на горе Юйфэн в Куньшане, провинция Цзянсу. В эпоху Сун об этом камне говорили, что кусок камня *куньши* стоит тысячи золотых, что свидетельствует о том, что он был глубоко любим и востребован литераторами и художниками. [Чжу Сюй 2024, с. 5-11]

Редкие камни причудливой формы были предметом восхищения и коллекционирования многих представителей китайской интеллигенции. Они использовали камни как тему для литературного и художественного творчества, включая поэзию, каллиграфию и живопись, оставив после себя множество прекрасных произведений.

В основе изображения камня лежит концепция одушевлённости природы. Согласно даосской традиции, форма камня есть результат непрерывного взаимодействия сил Инь и Ян — созидания и разрушения, пустоты и полноты. Описанные выше принципы *тоу*, *лоу*, *чжоу* и *шоу* стали каноном не только для оценки природных камней, но и для их художественного воплощения.

Основным методом передачи фактуры и объёма камня является техника *цунь* — система штрихов, имитирующая трещины, складки и неровности поверхности. Выбор конкретного типа *цунь* диктуется характером породы и художественным замыслом. Так для изображения массивных и крутых скал южного Китая, чтобы создать эффект жесткости и монолитности, часто используют штрих «насечки топором», для изображения гор, окутанных туманной дымкой, выбирают штрих «закрученные облака» или «капли дождя». Художник, использующий такую технику изображения камней и гор, не ставит перед собой цель простого копирования натуры. Основной задачей является выражение внутренней структуры и «души» камня, его энергетической напряжённости. Важнейшим композиционным принципом при создании картин является игра кон-

тастов между осязаемой формой и пустотой. Твёрдая, зачастую прописанная темным оттенком туши масса камня часто контрастирует с мягкими, не прописанными участками или туманной дымкой, что создаёт ощущение воздушности и пространственной глубины. Сквозные отверстия в камне, столь высоко ценимые, визуально связывают его с окружающим пространством, делая его проницаемым для взгляда и энергии *Ци*.

Также в композиционном построении изображения камень часто выполняет роль структурной опоры, «костяка» картины. Он может играть роль отправной точки в пейзаже, задающей масштаб и направляющей взгляд зрителя вглубь пространства. Или быть центром смыслового притяжения в работах жанра «цветы и птицы», где будет олицетворять постоянство, стойкость и благородство, особенно в паре с орхидеей, бамбуком или хризантемой.

Камень может выступать самостоятельным объектом изучения и созерцания в монохромных картинах учёных-художников, где его форма становится поводом для медитации на тему вечности и неизменной сути природы.

Таким образом можно сделать вывод, что художественные принципы изображения камней в китайской живописи представляют собой сложную синкретическую систему, интегрирующую техническое мастерство, философскую глубину и символическое содержание. Образ камня, выступая ключевым элементом культурного кода, воплощает в себе фундаментальные принципы даосской и конфуцианской картины мира. Через призму таких категорий оценки эстетических качеств камня, как *тоу*, *лоу*, *чжоу* и *шоу*,

и использование сложной и многообразной техники изображения китайский художник стремился постичь и выразить не внешнюю форму, а внутреннюю сущность природного объекта — его «костяк» и «дух». Камень выступает универсальным медиатором, связующим звеном между микрокосмом человеческого бытия и макрокосмом универсума, приглашая зрителя к созерцанию и постижению изначальной гармонии и вечных законов бытия.

Список литературы

1. Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / пер. Е.В. Завадской. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. С.399
2. Е. В. Голосова Сады и парки дельты реки Янцзы М. Памятники исторической мысли 2015 с 79 - 80
3. «Садовый трактат» полный текст и его перевод на литературный язык (《园冶》原文全文及白话文翻译译文) URL: // <https://max.book118.com/html/2023/0912/8056070107005131.shtm> (Дата обращения: 30.08.2025) (на кит. яз)
4. Е. В. Голосова Ландшафтное искусство Китая М. Издательство «НАТАЛИС» 2008 с 40-41
5. Чжу Сюй. Резиденция Цинбаошан. Художественный клуб Яши (朱旭 馨宝山莊雅石艺术会所) 2024, с. 5-11 (на кит. яз)

References

1. The Mustard Seed Garden Manual of Painting / Translated by E.V. Zavadskaya. Moscow: V. Shevchuk Publishing House, 2001, p.399 (In Russ.)
2. E. V. Golosova Gardens and Parks of the Yangtze River Delta Moscow: Monuments of

Historical Thought Publishing House, 2015, pp. 79-80 (In Russ.)

3. "The Garden Treatise": Full Text and Its Translation into Literary Language URL: // <https://max.book118.com/html/2023/0912/8056070107005131.shtm> (accessed: 30.08.2025) (In Chinese)
4. E. V. Golosova Chinese Landscape Art Moscow: NATALIS Publishing House, 2008, pp. 40-41 (In Russ.)
5. Zhu Xu. The Qingbaoshan Residence. Yashi Art Club, 2024, pp. 5-11 (In Chinese)

Сведения об авторе

Донченко Анна Ильинична,

научный сотрудник

Центр изучения культуры Китая

Институт Китая и Современной Азии РАН

ann.donchenko@yandex.ru

Information about the author

Anna I. Donchenko, researcher

Center for the Study of Chinese Culture

Institute of China and Modern Asia RAS

ann.donchenko@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Comments on a Non-existent Sutra: Buddhist Motifs in Pu Songling's Short Stories

Комментарий к несуществующей сутре: буддийские мотивы в новеллах Пу Сун-лина

Сторожук Александр Георгиевич,

*Санкт-Петербургский государственный
университет,
a.storozhuk@spbu.ru*

Alexander G. Storozhuk

*Saint-Petersburg State University, Russia
a.storozhuk@spbu.ru*

УДК 82-344, 821.581, 81-26 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-78-85](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-78-85)

АННОТАЦИЯ

Творчество Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715 гг.) даёт множество примеров обращения к буддийским сюжетам и свидетельствует о прекрасном знании писателя классических текстов махаянского буддизма. Поскольку в XVII—XVIII веках буддийские цитаты и аллюзии в его текстах печатались без пояснений и комментариев, можно предположить, что увлечённость буддийскими идеями среди китайских книжников того времени была явлением весьма распространённым; в изданиях конца XIX века все эти моменты наряду с другими текстологическими сложностями публикуются уже с подробным комментарием, часто превосходящим по объёму сам текст оригинала. Статья посвящена рассмотрению этого вопроса на примере часто встречающихся буддийских сюжетов у Пу Сун-лина, а также на

ABSTRACT

Pu Song-ling's work (蒲松齡, 1640-1715) provides many examples of references to Buddhist subjects and testifies to the writer's excellent knowledge of classical texts of Mahayana Buddhism. Since Buddhist quotations and allusions in his texts were printed without explanations or comments in the 17th and 18th centuries, it can be assumed that the fascination with Buddhist ideas among Chinese scribes of that time was a very common phenomenon.; In the publications of the late 19th century, all these points, along with other textual difficulties, are published with detailed commentary, often exceeding the volume of the original text itself. The article is devoted to the consideration of this issue using the example of Pu Song-ling's frequently encountered Buddhist subjects, as well as his stylistic imitations of classical Buddhist texts.

материале его стилистических подражаний классическим буддийским текстам.

Ключевые слова: Китай, литература, рассказы, Ляо Чжай, Пу Сун-лин

Для цитирования: Сторожук А.Г. Комментарий к несуществующей сутре: буддийские мотивы в новеллах Пу Сун-лина. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 78–85 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-78-85>

Одним из наиболее своеобразных жанров, представленных в сборнике фантастических новелл Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715 гг.) «Странные истории из Кабинета Неудачника» (聊齋志異), является жанр особого послесловия, традиция которого восходит ещё к знаменитым «Историческим запискам» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.). В этих послесловиях Пу Сун-лин резюмирует сказанное в основной части новеллы или сообщает что-то дополнительное, иногда расширяя читающуюся в повествовании идею или кардинально разворачивая направленность авторской мысли, или предлагает какие-то дополнительные истории вдобавок к основной, — вариантов подобных приложений великое множество. Порой послесловие может оказаться большим по объёму и много более богатым по содержанию, чем основной текст новеллы. Эти послесловия, несомненно, сами по себе достойны пристального изучения; здесь же будет сказано только об одном из них, помещённом в конце новеллы 212 (по дополненному Чжусюэчжайскому своду) «Ма Цзе-фу» (馬介甫)

Keywords: China, literature, short stories, Liao Zhai, Pu Song-ling

For citation: Storozhuk A.G. Comments on a Non-existent Sutra: Buddhist Motifs in Pu Songling's Short Stories. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 78-85 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-78-85>

(в русском переводе, выполненном В. М. Алексеевым в 1937 году, эта новелла известна под названием «Укротитель Ма Цзе-фу» [1, стр. 282—295]). Бóльшая часть послесловия написана, как и существенная часть текстов «Странных историй», ритмической прозой, и внутри него помещено, по определению самого Пу Сун-лина, «Дополнение к “Сутре волшебных звучаний”» (妙音經之續言), где раскрывается та же тема, что и в самой новелле — хорошо это или нет, быть под башмаком супруги, и как подобное положение дел сказывается на жизни всей Поднебесной. Послесловие и текст «Дополнения к “Сутре”...» при переводе был В. М. Алексеевым опущен, и впервые их опубликовали на русском языке только в издании 2025 года [2, стр. 285—317]. Тем не менее, текст этот весьма интересен и заслуживает отдельного разговора.

Начнём с того, что никакой «Сутры волшебных звучаний» (妙音經), заявленной как основа для дополнительных пояснений, в природе не существует. Судя по всему, эта стилизация родилась у Пу Сун-лина путём слияния

названий «Саддхарма-пундарики-сутры» (по-китайски 妙法蓮華經, «Сутры Лотоса чудесной (или **волшебной**) Дхармы) и двадцать пятой её главы — 觀世音菩薩普門品, «Всеобщие врата Бодхисаттвы Авалокитешвары» (то есть Бодхисаттвы, Постигающего **Звучания** Мира»). Понятно, что сама постановка вопроса в данном случае явно носит шуточный характер, и это подтверждается и пояснением Пу Сун-лина о том, что это «Дополнение...» помещено в текст новеллы исключительно, дабы «вызвать ухохатывание» («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 729]. Вместе с тем, стилизация здесь тонкая и свидетельствующая о глубоких познаниях писателя в терминологической и общеполитической областях буддийских текстов, чего он ожидает и от просвещённого читателя.

Самое начало «Дополнения...» сразу сообщает, что автор его долго размышлял о Небесных законах *нирманы* (化生) («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 730]. Этот термин в буддизме описывает проявление в чувственной сфере изначально пустотных существ Абсолютного сознания; другими словами, неглубоко ушедший в философские искания человек воспринимает так появление из ничего всех вещей видимого мира. Размышления о подобных материях говорят о погружённости комментатора «Сутры волшебных звучаний» в тонкости буддийского любознательности, но сам термин тоже выбран с подвохом: в даосских текстах это сочетание иероглифов означает великие метаморфозы Дао, порождающие всё живое. Так буддийский или даосский здесь комментарий? Верным ответом, очевидно, бу-

дет: никакой, потому что явно *нирмана* упоминается Пу Сун-лином единственно из желания имитировать высокий наукообразный стиль, приличествующий подобным текстам, что у китайского эрудита той поры непременно вызвало бы улыбку, а для профана так и осталось непонятным.

В подобном же ключе строится повествование и дальше. Для антуража в тексте то встречаются упоминания буддийских чудовищ *Якшей* (夜叉) (так Пу Сун-лин определяет сварливых жён), то воинов с палицей-*ваджрой* (金剛), могучих защитников Учения (так писатель именует притесняемых жёнами-*якшами* мужей) [Там же]. В описании терроризируемых мужей встречаются и аллюзии на «Сутру Лотосового лика» (蓮花面經) [Там же], в то время как сварливые жёны уподобляются демоницам (魔女) из «Шурангама-самадхи-сутры» (大佛頂如來密因修證了義諸菩薩萬行首楞嚴經) и чудовищам *Кумбанда* (鳩盤荼), подчинённым в буддийской мифологии одному из Четырёх Небесных Махараджей — Вирудхаке («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 731].

Стилизация этим отнюдь не ограничивается. В «Дополнении...» то и дело встречаются обороты, вроде «предаться вере» (皈依), само по себе означающее «целиком вручить себя милости Будды», но в контексте повествования обретающее другие инносказательные смыслы [Там же], или «Подношение ароматом и цветами» (香花供養), описанной в Ваджраччхедика-Праздникапарамита-сутре (金剛般若波羅蜜經), также в метафорическом ключе [Там же]. Неоднократно в новелле упоминается «Рычание разъярённого льва» (то есть голос Будды)

(например, «Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 731] или практика «припадания к земле всеми пятью членами», что относит к сюжету из «Шурангама-самадхи-сутры» (大佛頂如來密因修證了義諸菩薩萬行首楞嚴經), где так описывается поведение Ананды во время разговора с Буддой [Там же]; в парадоксальном ключе употребляются специфические термины, вроде *акшаи*, «Неиссякаемого хранилища» (無盡藏), символизирующего бесконечность заслуг Будды («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 734] или «переправы через морок» (渡迷), индоевропейского буддийского пути спасения («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 735]. Ну и, конечно, возникающие то тут, то там «ад крутящихся лезвий» (劍輪) — один из буддийских адов с наточенными клинками для казни грешников [Там же] — или «чистая земля» Будды Амитабхи (阿彌陀佛), именуемая *Сукхавати* (極樂) [Там же]; *бодхиманда* (道場), буддийские «места просветления» («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 736] и «река любви» (愛河) — река чувственных привязанностей, препятствующая достижению просветления [Там же], равно как и ряд других буддийских терминов и мифологических имён, — всё это призвано создать антураж, заявленный в самом начале «Дополнения...» фон для обещанной автором шутки. Шутка же, сравниваемая Пу Сун-лином с «написаниями на листьях пальмиры» (貝葉文) — древними буддийскими текстами — должна наполнить читателя радостью и силами, подобно живительной волшебной жидкости *амрите* (楊枝水), разбрызгиваемой посредством ивовой ветви Авалокитешварой и возвращающей временно усопших к жизни [Там же].

Очевидно, шуточный характер рассматриваемого текста не требовал бы дополнительных пояснений, если бы не ряд обстоятельств. Во-первых, наряду с буддийскими названиями и терминами «Дополнение...» изобилует всевозможными скрытыми и явными цитатами и аллюзиями на классические книги конфуцианского канона, древние стихи и тому подобные тексты, что уже в XIX веке вынуждало книгопечатников наделять его пространством и объёмным комментарием. Так в знаменитом издании 1886 года «Дополнение...» снабжено столь многочисленными примечаниями, что количество основного текста на странице существенно меньше, чем этих истолкований; пропорционально их масштабы соотносятся примерно как 1:5 (10 цзюань Цинкэтинского свода, листы 15—18) [4, т. 5]. Так вот, наибольшее число пояснений там даётся именно на буддийские реалии, и это свидетельствует о том обстоятельстве, что в XIX веке эти вещи не были общепонятными даже в среде китайских эрудитов, на которых и ориентировалось указанное издание. Отсюда можно сделать вывод, что углублённость автора в тему буддизма можно считать весьма существенной и превосходящей средний уровень познаний в данной области среди конфуцианских книжников Старого Китая. Во-вторых, буддийские сюжеты возникают на страницах «Странных историй» далеко не один раз, и связаны они с самыми разными вопросами как философского, так и простонародно-религиозного миропонимания.

Например, герой новеллы «У Цю-юэ» (伍秋月) избавляется от бед только после принятия Прибежища и истового обращения

в буддийскую веру, причём делает он это по совету девушки – ожившего призрака, которая становится впоследствии его супругой («Ляо Чжай чжи и, цзюань 5»), [3, Т. 2, стр. 668—672; перевод — 2, стр. 171—181]. Именно чтение сутр помогает герою другой новеллы — «Зрачки-человечки беседовали» (瞳人語) избавиться от проклятия и последовавшего за ним недуга (Ляо Чжай чжи и, цзюань 1), [3, Т. 1, стр. 10—13; перевод — 5, стр. 63—67], даёт возможность девушке-призраку вернуться к жизни (новелла «Не Сяо-цянь» (聶小倩)), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 2), [3, Т. 1, стр. 160—168; перевод — 5, стр. 325—342], а другим неупокоенным душам — получить хорошее перерождение (новелла «Барышня Линь Четвёртая» (林四娘)), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 2), [3, Т. 1, стр. 160—168; перевод — 5, стр. 541—548]; новелла «Дочь господина Лу» (魯公女), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 3), [3, Т. 1, стр. 294—298; перевод — 6, стр. 19—31]. В новеллах описывается загробный мир, насыщенный спецификой простонародных буддийских представлений: суды, вершащиеся Ямараджами (новелла «Экзаменов злобных управа» (考弊司)), («Ляо Чжай чжи и, цзюань 6»), [3, Т. 2, стр. 822—825; перевод — 2, стр. 497—504], новеллы «Ямараджа» (閻羅), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 3), [3, Т. 1, стр. 329—330; перевод — 6, стр. 99—100] и одноимённая ей (Ляо Чжай чжи и, цзюань 6), [3, Т. 2, стр. 826—828; перевод — 2, стр. 505—506]; целые города мёртвых, населённые неприкаянными душами (новелла «Чжан Чэн» (張誠), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 2), [3, Т. 1, стр. 247—254; перевод — 5, стр. 477—489], новелла «Винный безу-

мец» (酒狂), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 4), [3, Т. 2, стр. 582—587; перевод — 6, стр. 607—616]).

Часто путь к спасению даруется не готовностью следовать буддийским установлениям, а являет собою акт милосердия Бодхисаттвы (обычно — Авалокитешвары); так никто не способен вернуть к жизни Почтенного Тана, чья душа после кончины попадает в руки загробному служителю У-чану (無常), — ни божество учёности Вэнь-чан (文昌), ни сам Конфуций, но только Авалокитешвара возвращает усопшего к жизни на самом излёте «разделяющий седмины» — 49-го дня из отпущенных для загробных мытарств при перерождении (новелла «Почтенный Тан» (湯公)), (Ляо Чжай чжи и, цзюань 3), [3, Т. 1, стр. 326—328; перевод — 6, стр. 91—97]).

Имеются и курьёзные повествования о том, как внешняя экзотичность приводит к мифотворчеству вместо поиска истины в собственном сознании. Такова, например, новелла «Монахи с запада» (西僧), где пришедшие из западных земель паломники желают узреть невероятные буддийские чудеса, которыми должна быть исполнена китайская держава, в то время как сами китайцы слагают подобные же небылицы о землях далёкого Запада. Писатель восклицает: «Кабы случилось, что паломник на запад да столкнулся бы с перебирающим на восток на середине пути, и каждый изложил, что у них там имеется, то непременно, поглядев друг на друга, зашлись бы в смехе, и оба избежали бы, как говорится, пеших да водных скитаний!» (Ляо Чжай чжи и, цзюань 3),

[3, Т. 1, стр. 356—357; перевод — 6, стр. 151—153]).

Как уже говорилось, Пу Сун-лин часто и подробно обращается к классическим буддийским текстам, таким, как «Карма-сутра» (因果經), и «Сутра лотосового лика» (蓮花面經), «Шурангама-самадхи-сутра» (大佛頂如來密因修證了義諸菩薩萬行首楞嚴經), «Ваджраччхедика-Праджняпарамита-сутра» (金剛般若波羅蜜經), «Саддхарма-Пундарики-сутра» (妙法蓮華經), «Чундидэви-дхарани-сутра» (кит. 七俱胝佛母心大准提陀羅尼經) и целому ряду других сочинений махаянского буддизма, что однозначно свидетельствует о глубокой начитанности писателя в духовной литературе буддийской традиции и об интересе к буддизму в целом. Отдельно стоит отметить, что в Цинкэтинском издании 1766 года эти моменты никак не поясняются [см. 15], а уже через сто лет, как было сказано выше, перепечатки снабжаются обширным комментарием.

Всё вышесказанное однозначно свидетельствует о том, что:

1. Буддизм играл важную роль в мировоззрении Пу Сун-лина и оказывал серьёзное влияние на его творческую манеру.
2. Тексты новелл изобилуют отсылками как к ортодоксальной, так и к простонародной буддийской традициям, что даёт обширный материал для изучения влияния обеих на подобного рода новеллистику.
3. Поскольку «Странные истории» были понятны в кругу друзей и единомышленников и не требовали пояснений в изданиях

середины XVIII века, можно предположить, что подобная увлечённость буддизмом среди интеллектуалов того времени была в Китае нередкой.

4. Необходимость обширного комментирования к концу XIX века даёт основание предположить, что уровень увлечённости буддизмом среди китайских книжников к этому времени значительно снижается.
5. Буддизм для Пу Сун-лина представляет собой не только философско-религиозную основу, определяющую мировоззрение многих его героев, но и прекрасный повод для шуток и стилизаций.

Список литературы

1. Ляо Чжай. Рассказы о людях необычайных. Из серии новелл "Ляо-Чжай Чжи-и", Ил. китайск. художников / Пер., предисл. и комментарии акад. В. М. Алексеева. — Москва, Ленинград: Б. и., Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 494 с., 2 вкл. л. крас. ил. ил.
2. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. / Сост. А. Г. Сторожук, отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2025. Т. 3. 604 с., ил.
3. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и. Хуй цзяо хуй чжу хуй пин бэнь («Странные истории из Кабинета Неудачника» с собранными аннотациями, комментариями и ремарками) / Чжан Ю-хэ цзицзяо (составление и сверка Чжан Ю-хэ). 蒲松齡。聊齋誌異。

會校會注會評本 / 張友鶴輯校. — Шанхай:
«Гуцзи чубаньшэ», 2011. Т. 1—4. 1740 с.

4. Пу Сун-лин. Сяньчжу Ляо Чжай чжи и ту юн (Проиллюстрированные и откомментированные «Странные истории из Кабинета Неудачника»). 蒲松齡. 詳註聊齋志異圖詠. Шанхай: Тунвэньшущэ, 1886. Т. 1—8, 1414 с. ил.
5. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника) : Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 томах. / Сторожук, Александр Георгиевич (переводчик, составитель); Маяцкий, Дмитрий Иванович (редактор). – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2022. Т. 1. – 568 с. ил.
6. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника) : Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 томах. / Сторожук, Александр Георгиевич (переводчик, составитель); Маяцкий, Дмитрий Иванович (редактор). – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2023. Т. 2. – 628 с. ил.
7. Пу Сун-лин. Цинкэтин бэнь Ляо Чжай чжи и (Цинкэтинское издание Странных историй из Кабинета Неудачника). 蒲松齡. 青柯亭本聊齋志異. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2020. Т. 1—8, 2144 с.

References

1. Lyao CHzhaj. Rasskazy o lyudyah neobyhajnyh Iz serii novell "Lyao-CHzhaj CHzhi-i",

Il. kitajsk. hudozhnikov / Per., predisl. i komentarii akad. V. M. Alekseeva. — Moskva, Leningrad: B. i., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1937. 494 s., 2 vkl. l. kras. il. il.

2. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika): Polnoe sobranie v 12 czyuanyah. V 7 t. / Sost. A. G. Storozhuk, otv. i nauch. red. D. I. Mayackij, perev. V. M. Alekseeva, A. G. Storozhuka. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2025. Т. 3. 604 s., il.
3. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i. Huj czyao huj chzhu huj pin ben' («Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika» s sobrannymi annotaciyami, kommentariyami i remarkami) / CHzhan YU-he cziczyao (sostavlenie i sverka CHzhan YU-he). 蒲松齡. 聊齋誌異. 會校會注會評本 / 張友鶴輯校. — SHanhaj: «Guczi chuban'she», 2011. Т. 1—4. 1740 s.
4. Pu Sun-lin. Syan'chzhu Lyao CHzhaj chzhi i tu yun (Proillyustrirovannye i otcommentirovannye «Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika»). 蒲松齡. 詳註聊齋志異圖詠. SHanhaj: Tunven'shuczyuj, 1886. Т. 1—8, 1414 s. il.
5. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika) : Polnoe sobranie v 12 czyuanyah. V 7 tomah. / Storozhuk, Aleksandr Georgievich (perevodchik, sostavitel'); Mayackij, Dmitrij Ivanovich (redaktor). – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2022. Т. 1. – 568 s. il.
6. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika) : Polnoe so-

branie v 12 czyuanyah. V 7 tomah. / Storozhuk, Aleksandr Georgievich (perevodchik, sostavitel'); Mayackij, Dmitrij Ivanovich (redaktor). – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2023. T. 2. – 628 s. il.

7. Pu Sun-lin. Cinketin ben' Lyao CHzhaj chzhi i (Cinketinskoe izdanie Strannyh istorij iz Kabineta Neudachnika). 蒲松龄. 青柯亭本聊齋志異. Pekin: Goczya tushuguan' chuban'she, 2020. T. 1—8, 2144 s.

Сведения об авторе

Сторожук Александр Георгиевич,

д. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный
университет,

Кафедра китайской филологии

a.storozhuk@spbu.ru

Information about the Author

Alexander G. Storozhuk

Saint-Petersburg State University, Russia

a.storozhuk@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

A platform for Sino-Russian cultural exchange in the context of intercultural communication: the example of China's first bilingual Sino-Russian podcast "Let's Talk in Russian"

Платформа для китайско-российского культурного обмена в контексте межкультурной коммуникации: пример первого в Китае двуязычного китайско-российского подкаста «Поговорим по-русски» («侃侃俄谈»)

Цзоу Лувэй, Чжоу Синьгу, Мо Сыи, Сюй Синъюань, Шао Цзинжань, Ху Минхан, Чжан Синьи

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,

Шэньчжэнь, Китай

Автор, ответственный за переписку:

Luvej.czzou@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3917-8829>

Zou Luwei, Zhou Xingwu, Mo Siyi, Xu Xinyuan, Shao Jingran, Hu Minghang, Zhang Xingyi

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

Corresponding author:

Luvej.czzou@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3917-8829>

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-86-99](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-86-99)

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется одна из самых распространённых в последние годы форм массового распространения информации и коммуникации в медиамире — подкаст. Инициаторы создания первого в Китае двуязычного китайско-российского подкаста «Поговорим по-русски» на базе Филологического факультета и Управления делами университета МГУ-ППИ анализируют положительные моменты и недостатки запущенного ими в 2023 и 2024 годах проекта с целью совершенствования данной практически ориентированной системной модели межкультурного взаимодействия

ABSTRACT

This article examines one of the most widespread forms of mass information dissemination and communication in the media world in recent years: podcasts. The initiators of China's first bilingual Chinese-Russian podcast, "Let's Talk in Russian," based at the Faculty of Philology and the Secretariat of the Board of Directors of Moscow State University-PPI, analyze the positive aspects and shortcomings of the project they launched in 2023 and 2024 with the aim of improving this practically oriented systemic model of intercultural interaction and learning, as well as developing a methodological rationale for the implementation of similar pro-

и обучения, а также выработки методологического обоснования осуществления подобных проектов на территории Китая. В центре внимания авторов – основная структура и функциональные особенности подкаста (выстраивание многоаспектной архитектуры контента, тематический выбор программ, взаимодействие с многосубъектной целевой аудиторией и пр.), а также эффективность распространения медиапродукта, связанные с этим задачи и способы их решения. Развитие данного проекта подчиняется не только образовательно-просветительским целям, но и направлено на реализацию миссии по поддержанию культурной идентичности и взаимопонимания между Китаем и Россией, что делает актуальным выбор темы исследования.

Ключевые слова. Межкультурная коммуникация, китайско-российский культурный обмен, формы межкультурной коммуникативной практики, МГУ-ППИ, двуязычный китайско-российский подкаст, «Поговорим по-русски»

Размещение дополнительной информации: Данная статья выполнена в рамках Студенческой программы по инновациям и предпринимательству в университете МГУ-ППИ 2024 года «Культурный обмен между Китаем и Россией в контексте международной коммуникации на платформе первого в Китае двуязычного радио "Поговорим по-русски"».

Для цитирования: Цзоу Л., Чжоу С., Мо С., Сюй С., Шао Ц., Ху М. Чжан С. Платформа для китайско-российского культурного обмена в контексте межкультурной коммуникации: пример первого в Китае двуязычного китайско-

jects in China. The authors focus on the basic structure and functional features of the podcast (building a multifaceted content architecture, thematic selection of programs, interaction with a multi-subject target audience, etc.), as well as the effectiveness of media product distribution, related tasks, and ways to solve them. The development of this project is not only subject to educational and informational goals but is also aimed at fulfilling the mission of maintaining cultural identity and mutual understanding between China and Russia, which makes the choice of research topic relevant.

Keywords. Intercultural communication, Chinese-Russian cultural exchange, forms of intercultural communication practice, Moscow State University-PPI, bilingual Chinese-Russian podcast, "Let's Talk in Russian"

Funding / financial support/ acknowledgements: This article is completed under the 2024 Student Innovation and Entrepreneurship Program at Shenzhen MSU-BIT University, titled "Cultural Exchange between China and Russia in the Context of International Communication on the Platform of China's First Bilingual Radio Station 'Let's Talk Russian'"

For citation: Zou L., Zhou X., Mo S., Xu X., Shao J., Hu M., Zhang X. A platform for Sino-Russian cultural exchange in the context of intercultural communication: the example of China's first bilingual Sino-Russian podcast "Let's Talk in Russian". *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P.86-99 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-86-99>

российского подкаста «Поговорим по-русски» («侃侃俄谈»). *Современные востоковедческие исследования* 2025; Том 7 (3). С. 86-99 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-86-99>

Введение

Сегодня на разных уровнях — от самого высокого, внешнеполитического до узкоспециализированного, практического воплощения в конкретных ситуациях — обсуждаются варианты межкультурной коммуникации и взаимодействия между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Лидеры обоих государств давно поддерживают и поощряют многоформатное общение, направленное на расширение знаний друг о друге и выстраиваемое с использованием разнообразных современных возможностей в области медиапространства (Небренчин 2021, 389-392).

Оптимистичным в данных обстоятельствах выглядит появление, помимо распространённых форм и инструментов межкультурной коммуникативной практики обмен документальными и художественными фильмами и создание совместных кинолент, телевизионных программ; проведение медиафорумов; развитие музыкальных медиаплатформ, где представлена разностилевая и разножанровая музыка обоих народов; форумы, конференции и мастер-классы писателей и художников обеих стран (Владимирова Задворная 2017, 38-43; Бай Сяогуан 2022, 42-52), новой платформы культурного обмена — подкаста.

Подкаст уже не совсем новаторский инструмент межкультурной коммуникации. Как пишет А. М. Намятова, «подобные аудиопроекты существуют уже долгое время; этот жанр

возник на основе радиопередач, впервые появившихся в 1920-х годах. Отдельно взятая радиопередача — прообраз современного подкаста». (Намятова 2020, <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/461274383/> (дата обращения: 15.09.2025)).

Основная часть

В нашем университете — МГУ-ППИ (深圳北理莫斯科大学) — после пробного запуска первого двуязычного подкаста «Поговорим по-русски» («侃侃俄谈») инициативной группой и руководством было принято решение о запуске студенческой программы по инновациям и предпринимательству в университете.

Рождение новой для МГУ-ППИ формы общения — двуязычного китайско-русского подкаста — это выход за привычные рамки взаимодействия, формирование нового дискурса — без излишнего официоза, использующего и развивающего языковые компетенции, понятного целевой аудитории, способствующего объективному и всестороннему погружению не только в чужую, но и в собственную идентичность.

Инициаторы внедрения проекта, соглашаясь с А.А. Конкиным, обосновавшим особую природу подкаста «как гибридного формата медиадискурса и поликодового образования» (Конкин 2021, 90-100), задумали объединить в аудиоформате его образовательные возможности как традиционного методического инструмента обучения и характеристики его

как социально-политического, культурного явления.

Исследовательская группа поставила целью, постепенно развивая подкаст, одновременно проводить всесторонний анализ и обобщение получаемых результатов, обсуждать стратегию и возникающие недостатки, чтобы обеспечить теоретическую базу и практические рекомендации для внедрения подобного опыта в других вузах Китая, желающих участвовать в межкультурном обмене.

На первом этапе исследования авторы проекта обобщили задачи, решение которых необходимо для дальнейшей деятельности подкаста и которые впоследствии будут детализированы:

- всемерно способствовать углублению культурного диалога на уровне многосубъектной аудитории и отдельной личности;
- участвовать в формировании эффективного смешанного образовательного пространства с учётом культурной коммуникативно-прагматической специфики;
- помогать широкой аудитории изучать проблемы межкультурной коммуникации и находить новые возможности для их разрешения.

Теоретическое исследование проекта «Поговорим по-русски» проводилось по трём направлениям: основная структура и функциональные особенности подкаста, эффективность распространения подкаста, участие в поддер-

жании культурной идентичности и взаимопонимания между Китаем и Россией.

1. Основная структура и функциональные особенности подкаста

Основные компоненты и отличительные черты подкаста «Поговорим по-русски» можно разделить на шесть пунктов: шаблонное секционное построение, многоаспектная архитектура контента, разнообразие тематического выбора, разнородная (многосубъектная) целевая аудитория, стратегия двуязычного взаимодействия, уникальная модель функционирования.

1.1 Шаблонное секционное построение

Каждый выпуск подкаста «Поговорим по-русски» посвящён определённой теме, при этом описание эпизода включает хронометраж с указанием тематических блоков. Каждый блок раскрывает тему под разными углами зрения. Такая структура обеспечивает логическую последовательность, формируя прогрессию «макротема → микротемы». Это позволяет постепенно углублять понимание контента слушателями — сохраняя гибкость в потреблении, они могут выбирать блоки по интересам. Такой подход сочетает глубину и широту освещения темы.

1.2 Многоспектная архитектура контента

Подкаст часто начинается с разбора китайских стереотипов о России, после чего гости развенчивают предубеждения, воссоздавая подлинный образ страны. При этом последовательно анализируются причины и последствия сформированных предубеждений с учётом временных и региональных аспектов. Помимо интервью с россиянами, раскрывающих реалии

России, в программы включаются взгляды и мнения китайских студентов, обучающихся в России — ещё одной группы непосредственных участников культурного обмена. Часть подкастов посвящаются рассказам российских профессоров об их опыте жизни и работы в Китае: в интервью они отвечают на самые разные вопросы ведущего. Подобный многоаспектный подход обеспечивает объективное и достоверное отражение как специфических особенностей каждой из культур, так и неожиданные интересные моменты их взаимодействия.

1.3 Разнообразие тематического выбора

Темы подкаста «Поговорим по-русски», создаваемого при Филологическом факультете и и Секретариата Советов директоров МГУ-ППИ, не ограничиваются языковыми интересами, они охватывают все аспекты русской культуры: литературу, традиции, историю, образование, искусство, живопись, космонавтику и др. В сюжетном построении подкастов активно используются академические ресурсы университета МГУ-ППИ (г. Шэньчжэнь), сведения о достижениях и особенностях российско-китайского сотрудничества, в том числе по специализированным темам. Подкаст сочетает в себе особую привлекательность для самых разных любознательных слушателей с профессиональной глубиной, интеллектуальной и культурной ценностью.

Будучи уникальным медиапродуктом МГУ-ППИ, с первого сезона подкаст информирует о жизни самого университета (обычно в заключительной части). Второй сезон программы, следуя принципу инноваций, представ-

вил ещё одну новую форму взаимодействия — видеоформат — это экскурсии по г. Шэньчжэнь, которые проводили российские студенты, обучающиеся в Китае.

1.4 Многосубъектная целевая аудитория

Аудитория «Поговорим по-русски» состоит из экспертов по русской культуре, изучающих русский язык и литературу, любителей российской культуры и представителей широкой публики. Для владеющих русским языком подкаст служит удобной и увлекательной учебной платформой. Для интересующихся культурой России или международными отношениями без знания языка он открывает доступ к её культурному своеобразию.

1.5 Стратегия двуязычного взаимодействия

Контент подкаста подаётся через вопросы и ответы с переменным использованием китайского и русского языка. Учитывая разнородность аудитории, языковое переключение осуществляется достаточно гибко и естественно. При объяснении русских культурных реалий (термины, устойчивые выражения) сначала приглашённые профессора дают пояснение на русском, затем следует детализация на китайском, что обеспечивает точность и доступность восприятия. В описаниях выпусков для самостоятельного изучения размещаются текстовые расшифровки на китайском языке. Подача материала строится по схеме: ведущий задаёт интригующий вопрос → профессора дают содержательные и нередко остроумные ответы. Такой формат усиливает кросс-культурный резонанс.

1.6 Уникальная модель функционирования

МГУ-ППИ как центр российских академических ресурсов обеспечивает интеллектуальную поддержку, гарантируя высокий уровень профессионализма и глубину программы. Газета «Шэньчжэнь Ваньбао» (Shenzhen Evening News — «深圳晚报») как традиционное авторитетное издание предоставляет подкасту «Поговорим по-русски» свои медийные ресурсы и каналы распространения, укрепляя тем самым доверие и влияние проекта. Платформа Himalaya (喜马拉雅) с её огромным охватом аудитории также предлагает техническую поддержку и широкие возможности продвижения программы, обеспечивая точное попадание в целевую многосубъектную аудиторию. Всё

вместе формирует синергетический эффект — «Экспертиза + Медиа + Технологии».

2. Эффективность распространения подкаста

Исследовательская группа собрала данные о подкасте по состоянию на 15 сентября 2025 года: был проведён анализ количества просмотров на платформах, отзывов слушателей и охвата в социальных сетях, на этой основе сделаны выводы об эффективности распространения подкаста.¹

2.1 Просмотры на подкаст-платформах

Аналитические данные показали, что среди радиопередач, выпущенных в 2023 и 2024 годах, особенно популярными оказались выпуски на туристическую и кулинарную тематику —

¹ Ссылки на все подкасты, по которым можно увидеть количество прослушиваний:

Первый сезон: Vol. 1: https://xima.tv/1_mF6B1pw?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 2: https://xima.tv/1_RCy5S4?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 3: https://xima.tv/1_Ev4k1ca?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 4: https://xima.tv/1_l2UXwZ?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 5: https://xima.tv/1_Gz0Q1bn?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 6: https://xima.tv/1_V0bAfj?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 7: https://xima.tv/1_W7yv1A2?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 8: https://xima.tv/1_4Nv4cp?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 9: https://xima.tv/1_8Hs3Jv?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 10: https://xima.tv/1_TzqtW7?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 11: https://xima.tv/1_5AwGXc?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Второй сезон: Vol. 1: https://xima.tv/1_04nzEf?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 2: https://xima.tv/1_gZ3wPj?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 3: https://xima.tv/1_4w9VDH?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 4: https://xima.tv/1_IKA4B4?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 5: https://xima.tv/1_Viqng3?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 6: https://xima.tv/1_5wRBD8?sonic=0 (Дата обращения: 15.09.2025)

каждый из них набрал более 100 000 прослушиваний. Выпуски по другой тематике также стабильно набирали от 25 000 до 85 000 прослушиваний, что свидетельствует о высоком качестве контента и широкой поддержке со стороны заинтересованной аудитории.

На основании полученных исследовательских данных можно сделать вывод, что темы с наибольшей популярностью — это «Достопримечательности России» и «Русская кухня». Китайская аудитория проявляет особый интерес к российской природе и гастрономической культуре (русской и культуре других народов, проживающих на территории РФ). Менее популярными темами оказались «Русская живопись» и «Русская культура», возможно, из-за их узкой направленности или менее привлекательной подачи, что, несомненно, должно послужить ориентиром для выбора тем в будущем.

2.2 Обратная связь от слушателей

Систематизация и анализ отзывов слушательской аудитории позволили сделать вывод: влияние подкаста проявляется в четырёх основных аспектах — транслирование знаний, формирование эмоционального отклика, выбор формы подачи контента и предложения по улучшению программы.

2.3 Отражение в социальных сетях и СМИ

Анализ новостных публикаций, связанных с контентом подкаста «Поговорим по-русски», был перепечатан и освещён многими СМИ: суммарный охват составил более 12 млн просмотров. На текущий момент общее количество прослушиваний превысило 1 млн.

3. Повышение культурной идентичности и взаимопонимания между Китаем и Россией

Исследовательская группа обобщила вклад подкаста в повышение культурной идентичности и взаимопонимания между Китаем и Россией по следующим трём аспектам: культурная реконструкция, эмоциональный резонанс и ценностное признание.

3.1 Культурная реконструкция

Программа «Поговорим по-русски» («侃侃俄谈») придерживается «духа эмпиризма», используя жизненные нарративы с целью развенчивания стереотипов. В выпуске «Развенчиваем стереотипы! Правда ли, что русские держат медведей дома?» («打破刻板印象!俄罗斯人真的养熊吗?») русские люди от первого лица разоблачают абсурдные мифы о «домашних медведях» и россиян «одержимости водкой». В то же самое время подкаст под разными углами зрения реконструирует особенности исконной русской культуры. Программа «Россия на

Vol. 7: <https://www.ximalaya.com/sound/809850640> (Дата обращения: 15.09..2025)

Vol. 8: <https://m.ximalaya.com/sound/809687782> (Дата обращения: 15.09.2025)

Видео-спецпроект: <https://m.ximalaya.com/sound/864797882> (Дата обращения: 15.09.2025)

Vol. 9: <https://m.ximalaya.com/sound/809861968> (Дата обращения: 15.09..2025)

Видео-спецпроект: <https://m.ximalaya.com/sound/872685247> (Дата обращения: 15.09..2025)

кончике языка» («舌尖上的俄罗斯») рассказала о традиционной культуре питания «из трёх блюд» на русском столе. Подкаст «Поговорим о русских обычаях и этикете» («谈谈俄罗斯习俗礼节») представил культуру этикета русского народа, подробнее остановившись на таком его качестве, как скромность. Передачи «Великолепное искусство русской живописи» («辉煌的俄罗斯绘画艺术») и «Русский колорит в музыке и танце» («音乐舞蹈中的俄罗斯风情») познакомили со значимыми достижениями художественной культуры России.

3.2 Эмоциональный резонанс

Авторы подкастов стремятся к установлению прочной эмоциональной связи с аудиторией и вовлечению её в обсуждение предлагаемых тем, для чего используются разные формы интерактивного взаимодействия, интервью с экспертами и личные истории. В программе профессор из России сравнил китайские и русские пельмени, а китайский преподаватель поделился своими впечатлениями от посещения столовой МГУ. Такие личные истории сокращают культурную дистанцию, помогают преодолевать излишнюю официальность и формальность обсуждения той или иной темы.

3.3 Ценностное признание

Показывая культурные различия между Китаем и Россией, программа одновременно стремится к более глубокому исследованию общих культурных явлений двух стран, позволяя культурологическому пониманию выйти за рамки поверхностного и достичь резонанса ценностей. Программа проводит глубокий

сравнительный анализ — от выявления общей устремлённости к гармоничному порядку русской архитектуры, китайских ритуалов и музыки («Большое путешествие в эстетику русской архитектуры» — «俄式建筑美学大赏») через сходство между российскими образовательными концепциями и китайской традицией обучения в соответствии со способностями («Разговор о российском образовании на примере золотых медалей на международных олимпиадах» — «从国际奥赛的32枚金牌谈俄罗斯教育») до глубокой заботы о судьбе человечества, нашедшей отражение в проблематике романа Ф.М. Достоевского «Преступления и наказания» и китайском идеале «Великого единения Поднебесной» (天下大同) («Сияющие звезды русской литературы» — «群星璀璨的俄罗斯文学», «Взгляд через тысячелетия — поговорим об истории России» — «千年回望——谈谈俄罗斯历史»). Именно раскрытие этих общих точек, по мнению авторов проекта, способствует углублению взаимопонимания и уважения между народами двух стран.

Инициативная группа проанализировала текущее состояние подкастов в условиях современного состояния интернет-пространства и обобщила проблемы, с которыми сталкиваются платформы подкастов, объединив их в три основных пункта: языковые барьеры кросс-культурной коммуникации, механизмы преодоления когнитивных искажений, стратегии повышения эффективности распространения.

Языковые барьеры кросс-культурной коммуникации

Искажение и утрата культурных образов

в процессе языкового перевода является основным препятствием для кросс-культурного распространения подкастов. Для преодоления данного препятствия мы пришли к выводу: кросс-языковая адаптация профессиональных терминов и стратегии объяснения культурно-зарядных слов требуют решения через создание мультимодальной коммуникационной матрицы «аудио + субтитры + графика и текст» и корпуса данных китайско-русских собственных названий в сфере культуры.

Механизмы преодоления когнитивных искажений

Такие факторы, как различия в подходах к исторической памяти и конфликты в ценностных установках, способны довольно легко породить культурное недопонимание. Планирование контента подкастов должно следовать принципу «двойного видения»: не только сохранять уровень профессионализма культурной интерпретации, но и обращать внимание на когнитивную приемлемость его аудиторией.

Стратегии повышения эффективности распространения

В условиях растущей конкуренции в медиасегменте брендинг подкастов требует создания многоуровневой коммуникационной экосистемы. Исследовательская группа после осмысления полученного опыта в создании подкаста сформулировала рекомендации по реализации стратегии интегрированного распространения «контент + социальные сети», а также по осуществлению фрагментированного распространения через известные платформы коротких видеороликов — с целью форми-

рования многоуровневой коммуникационной матрицы.

Наиболее сложной в ходе реализации проекта проблемой для авторов оказался недостаток подробных данных о подкасте, что затруднило проведение полноценного исследования. По нашему мнению, в первую очередь это связано как с недоработками самого подкаста «Поговорим по-русски», так и способов и инструментов его распространения. Исходя из общей ситуации с подкастами и учитывая выводы авторитетных экспертов в этой области (Конкин 2021, 90-100; Вэй Цзинцю Ван Хаосян 2025, 62-71), наша группа провела целевой анализ подкаста «Поговорим по-русски» и сформулировала следующие проблемы и рекомендации.

Проблемы, сдерживающие развитие проекта:

1. Недостатки каналов распространения и стратегии продвижения

а) Недостаточная реклама подкаста.

Несмотря на то, что количество просмотров достигло миллиона, подкаст по-прежнему малоизвестен в студенческой аудитории. Большинство студентов слышали только название подкаста, но никогда не слушали его выпуски. Низкое количество подписчиков и обсуждений отражает тот факт, что одним подкастом сложно удержать долгосрочный интерес слушателей и их желание взаимодействовать. Такая коммуникационная «слабость» в итоге приводит к недостаточно полным и подробным данным, что сказывается в дальнейшем на оптимизации содержания и формы.

б) Каналы распространения слишком сконцентрированы и зависят от подкаст-платформ

и традиционных медиаканалов. Практически не используются возможности коротких видео и их размещение на социальных платформах TikTok, The Little Red Book, что ограничивает охват молодёжной аудитории, распространение и влияние контента.

в) Недостаточные усилия по созданию бренда подкаста, несовершенство экосистемы распространения информации приводят к неполному раскрытию потенциала подкаста, невозможности эффективно повысить его конкурентоспособность, привлечь не только новую аудиторию, но и ресурсы, необходимые для устойчивого развития проекта.

2. Подкастовый контент страдает от недостаточной адаптивности, «интересности» и разнообразия тем.

а) Некоторые разделы, такие как литература и история, ориентированы на передачу специализированных знаний, имеют высокую информационную плотность и сложность содержания. Такая недостаточная релевантность контента определённой части слушательской аудитории не способствует стабильному её расширению и удержанию постоянного интереса у обычных слушателей.

б) Некоторые темы, связанные с повседневной жизнью, не могут удовлетворить потребности углубленно изучающих русский язык, что затрудняет эффективное погружение в содержание контента тех или иных групп аудитории.

в) Выбор тем для подкастов страдает недостаточной направленностью внимания в обратную сторону — распространением китайской культуры в российском медиа-

пространстве.

3. Недостаточное взаимодействие с аудиторией и чувство вовлечённости

Формат взаимодействия в подкасте остаётся однообразным, преимущественно односторонним — вопросы ведущего к участнику программы; в нём отсутствуют такие разнообразные и богатые элементы взаимодействия, как вопросы слушателей в эфире, опросы слушательской аудитории, интерактивные дискуссии, участие в передаче и мероприятиях, связанных с ней, что затрудняет формирование тесного сообщества слушателей, не позволяет в полной мере мобилизовать их активность и инициативу.

Целевые рекомендации, разработанные инициативной группой проекта и направленные на повышение его эффективности:

1. Расширение каналов распространения информации и усиление стратегии продвижения за счёт:

- создания матрицы новых медиа, используя в полной мере преимущества платформ для коротких видео и социальных сетей, что включает в себя записи лаконичных фрагментов, закулисных съёмок, интересных вопросов и ответов, а также другие форматы контента. Помимо этого, целесообразно создавать дополнительный контент подкаста и широко его распространять для повышения доступности и популярности подкаста на различных платформах и привлечения внимания как можно большего числа молодых пользователей;

- активизации усилий по продвижению контента в WeChat и на популярных общедоступных социальных платформах, таких как TikTok, The Little Red Book, создания официального аккаунта и регулярной публикации контента, связанного с подкастом. Одновременно необходимо напоминать аудитории о необходимости подписаться на подкаст и посещать раздел комментариев — аудитория должна чувствовать, что её мнение по-настоящему ценно для авторов проекта. Кроме того, необходимо наладить активное сотрудничество с известными создателями коротких видеороликов для расширения сферы распространения подкаста и дальнейшего повышения популярности подкаста с помощью своего влияния;
- налаживания связей и плодотворного сотрудничества с другими вузами в стране и за рубежом в целях продвижения подкаста, а также за счёт рекомендации студентам использовать подкаст в качестве дополнительного учебного ресурса — всё это направлено на повышение известности и влияния подкаста в сфере образования, привлечение студентов вузов, заинтересованных в расширении своих знаний.

2. Оптимизация содержания контента и его позиционирования в глазах аудитории, для чего необходимо:

- углублять работу над содержанием передач, сбалансировать его глубину, привлекательность, информативность, уникальность и качество. Высокий уровень про-

фессионализма необходимо сочетать с широким использованием различных повествовательных приёмов (эксперименты с композицией программы, добавление ярких деталей, игровые приёмы и пр.), образным описанием сцен из жизни и лёгким юмористическим стилем; творчески подходить к серьёзным традиционным темам, таким как литература и история, работать над повышением доступности содержания и его воздействием на широкую аудиторию;

- точнее сегментировать аудиторию и создавать дифференцированный контент для разных групп. Для изучающих русский язык в подкасты добавлен раздел «Языковой уголок», где анализируются часто встречающиеся слова и грамматические конструкции очередного выпуска; для любителей культуры запущена серия глубоких диалогов, в которых подробно анализируются те или иные культурные явления; для обычных слушателей усиливается повествовательный характер изложения информации, чтобы они могли в непринужденной атмосфере проникнуться очарованием культуры. Таким образом, авторы проекта надеются удовлетворять потребности многосубъектной целевой аудитории, обеспечивать точное предоставление контента и эффективность охвата;

- в последующих выпусках решено добавить темы, посвящённые экспорту китайской культуры, и представить особенно-сти деятельности МГУ-ППИ.

3. Усиление взаимодействия с аудиторией

Ещё более интенсивно и целенаправленно разрабатывать и внедрять в передачи разнообразные интерактивные элементы, такие как голосование слушателей, вопросы и ответы в режиме онлайн, комментарии — с целью повышения уровня вовлечённости аудитории и поощрения каждого слушателя к заинтересованному участию в дискуссии. Своевременно реагировать на комментарии слушателей, что также позволит в полной мере мобилизовать их активность и инициативу, даст почувствовать, что их участие — важная составляющая существования и продвижения подкаста.

Заключение

Стремление к достижению эффективности межкультурной коммуникации в последние годы расширяет поиски новых способов, инструментов и форм культурного диалога, среди которых получивший массовое одобрение в медиамире подкаст. Решение создать первый в Китае двуязычный китайско-российский подкаст «Поговорим по-русски» на базе Филологического факультета и Секретариата Советов директоров МГУ-ППИ потребовало от авторов проекта не только смелости первого шага, но и ответственности за последующие шаги, что привело к осмыслению своих удач и недостатков.

Инициативная группа провела всесторонний анализ создаваемого медиапродукта, сделала определённые выводы по выстраиванию архитектуры, тематическому выбору и распространению контента, выработала практические рекомендации как для собственного развития, так и для осуществления подобных проектов в других вузах Китая. Авторы инновационного

и предпринимательского проекта стремятся к эффективному решению задачи по успешной реализации китайско-российских межкультурных коммуникаций, максимально используя возможности современной платформы культурного обмена — подкаста.

Список литературы

1. Небренчин С.М. Состояние и перспективы российско-китайских межкультурных коммуникаций. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2021; № 4-1. С. 389-392.
2. Владимирова Д.А., Задворная Е.С. Межкультурный диалог России и Китая: культурная политика и репрезентация идентичности. *Вестник КазГУКИ*. 2017; № 3. С. 38-43.
3. Бай Сяогуан. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы. *Власть и управление на Востоке России*. 2022. С. 42-52.
4. Намятова А.М. Использование подкастов в качестве средства межкультурной коммуникации и образовательного инструмента на примере подкаста "Немецкая Россия". *Материалы Международного молодёжного научного форума "Ломоносов-2020"*. 2020. <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/461274383/> (дата обращения: 15.09.2025)
5. Конкин А.А. Феномен подкаста в системе репрезентации межкультурных и социально-политических явлений. *Вестник ЗабГУ*. 2021; Т. 27(6). С. 90-100.
6. Вэй Цзинцю.(隗静秋), Ван Хаосян. (王昊祥)

Почему люди предпочитают «медленные» и «длинные» подкасты: исследование привычек прослушивания подкастов общего характера. (何以钟情“慢”“长”播客: 泛知识类播客用户的收听实践研究) *Будущее коммуникации*. 2025; Т.32(3). С. 62-71. (на кит.яз.)

References

1. Nebrenchin S.M. The state and prospects of Russian-Chinese intercultural communications. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. 2021, no. 4-1, pp. 389-392. (In Russ.)
2. Vladimirova D.A., Zadvornaia E.S. Intercultural dialogue between Russia and China: cultural policy and representation of identity. *Vestnik KazGU*. 2017, no. 3, pp. 38-43. (In Russ.)
3. Bai Xiaoguang. Sino-Russian Humanitarian Cooperation: Status, Problems, and Prospects. *Power and Governance in Eastern Russia*. 2022, pp. 42-52. (In Russ.)
4. Namyatova A.M. The use of podcasts as a means of intercultural communication and an educational tool, using the example of the podcast "German Russia." *Materials from the International Youth Scientific Forum "Lomonosov-2020"*. 2020. <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/461274383/> (accessed: 15.09.2025) (In Russ.)
5. Konkin A.A. The phenomenon of podcasts in the representation of intercultural and socio-political phenomena. *Vestnik ZabGU*. 2021, vol. 27(6), pp. 90-100. (In Russ.)
6. Wei Jingqiu, Wang Haoxiang. Why People Prefer "Slow" and "Long" Podcasts: A Study of General Podcast Listening Habits. *The Future of Communication*. 2025, vol. 32(3), pp.

62-71. (In Chinese)

Сведения об авторах

Цзоу Лувэй,

Кандидат филологических наук, преподаватель

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н
Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1.

Lujej.czzou@mail.ru

Чжоу Синъю,

Кандидат филологических наук, преподаватель

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н
Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1.

6420210003@smbu.edu.cn

Мо Сыи,

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н
Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1.

kmosxxi@163.com

Сюй Синъюань,

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н
Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1.

1148020478@qq.com

Шао Цзинжань,

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н
Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1.

2468169843@qq.com

Ху Минхан,

МГУ-ППИ

КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н.

Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзи-

дасюэюань, д. 1

3632418586@qq.com

Чжан Синьи,

МГУ-ППИ

КНР, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-н.

Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзи-

дасюэюань, д. 1

1704397269@qq.com

Information about the Authors

Zou Luwei

Lecturer

Shenzhen MSU-BIT University

PRC, Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng, Gojidadaxueyuan Street, No. 1

Luvej.czzou@mail.ru

Zhou Xingwu

Lecturer

Shenzhen MSU-BIT University

PRC, Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng, Gojidadaxueyuan Street, No. 1

6420210003@smbu.edu.cn

Mo Siyi

Shenzhen MSU-BIT University

PRC, Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng, Gojidadaxueyuan Street, No. 1

kmosxxi@163.com

Xu Xinyuan

Shenzhen MSU-BIT University

PRC, Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng, Gojidadaxueyuan Street, No. 1

ueyuan Street, No. 1

1148020478@qq.com

Shao Jingzhan

Shenzhen MSU-BIT University

PRC, Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng, Gojidadaxueyuan Street, No. 1

2468169843@qq.com

Hu Minghang

Shenzhen MSU-BIT University PRC,

Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng,

Gojidadaxueyuan Street, No. 1

3632418586@qq.com

Zhang Xingyi

Shenzhen MSU-BIT University

PRC, Guangdong Province, Shenzhen City,

Longgang District, Dayunxincheng, Gojidadaxueyuan Street, No. 1

1704397269@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Sino-pakistani relations in the sphere of military-technical cooperation in the second half of the 20th and early 21st centuries

Китайско-пакистанские отношения в сфере военно-технического сотрудничества во второй половине XX-начале XXI вв.

Эпштейн Виталий Анатольевич¹,

Исламова Эльвина Равиловна²

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Москва, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

epshteinv@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>

² <https://orcid.org/0009-0009-5160-1969>

Vitaly A. Epshtein¹, Elvina R. Islamova²

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

Corresponding author:

epshteinv@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>

² <https://orcid.org/0009-0009-5160-1969>

УДК 327.8 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-100-113](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-100-113)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается эволюция китайско-пакистанского военно-технического сотрудничества (ВТС) во второй половине XX-начале XXI вв.: от зарождения сотрудничества и формирования политико-дипломатической базы в 1960-е гг. до расширения взаимодействия в 1970-1990 гг., а также перехода к масштабным совместным проектам в XXI в. Цель работы — выявить основные этапы и логику развития ВТС между КНР и Пакистаном, а также его ограничения. Источниковая база охватывает российские, китайские, пакистанские и иные материалы на русском, английском и китайском языках, включая официальные документы, академические исследования

ABSTRACT

The paper presents the evolution of Sino-Pakistani military-technical cooperation (MTC) in the second half of the 20th and early 21st centuries: from its inception and the establishment of a political-diplomatic foundation in the 1960s, through the expansion of interaction in the 1970s–1990s, to the transition toward large-scale joint projects in the 21st century. The aim is to identify the main stages and internal logic of the development of MTC between China and Pakistan, as well as its limitations. The source base includes Russian, Chinese, Pakistani, and other materials in Russian, English, and Chinese, encompassing official documents, academic studies, and analytical reports from leading international research

и аналитические отчеты ведущих международных центров. Применены методы анализа, сравнения, обобщения и классификации, историко-хронологический и системный подход. Продемонстрирован переход от эпизодических поставок и военной помощи к институционализированному партнерству и кооперации более полного цикла в XXI в.: совместная разработка и локализация систем вооружения, модернизация и развертывание новых боевых систем. Экспертные оценки фиксируют углубление технологической и операционной зависимости Пакистана от Китая в военной сфере. Выявлены структурные ограничения: технологическая асимметрия и зависимость Пакистана от критически важных компонентов, финансовая уязвимость значимых оборонных программ, концентрация импорта у одного поставщика, риски цепочек поставок и послепродажной поддержки. ВТС стало основой стратегического взаимодействия двух стран, обеспечивая ускоренную модернизацию ВС Пакистана вкупе с усилением технологической зависимости от ВПК КНР.

Ключевые слова. Китай, Пакистан, вооружение, военно-техническое сотрудничество, совместные оборонные проекты, стратегическое партнерство, региональная безопасность.

Для цитирования: Эпштейн В.А., Исламова Э.Р. Китайско-пакистанские отношения в сфере военно-технического сотрудничества во второй половине XX-начале XXI вв. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 100–113 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-100-113>

centers. The study applies methods of analysis, comparison, generalization, and classification, along with historical-chronological and systemic approaches. The findings reveal a shift from episodic arms deliveries and military assistance to an institutionalized partnership and full-cycle cooperation in the 21st century, including joint development and localization of weapons systems, modernization programs, and the deployment of new military systems. Expert assessments underline Pakistan's growing technological and operational dependence on China in the military sphere. At the same time, several structural constraints are identified: technological asymmetry and dependence on critical components, financial vulnerability of major defense programs, concentration of imports from a single supplier, and risks related to supply chains and after-sales support. Overall, military-technical cooperation has become a cornerstone of the strategic partnership between China and Pakistan, ensuring the accelerated modernization of Pakistan's armed forces while reinforcing their technological dependence on China's defense industry.

Keywords: China, Pakistan, armaments, military-technical cooperation, joint defense projects, strategic partnership, regional security.

For citation: Epshtein V.A., Islamova E.R. Sino-pakistani relations in the sphere of military-technical cooperation in the second half of the 20th and early 21st centuries. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P.100-113 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-100-113>

На фоне усиливающейся нестабильности международных отношений и обострения региональных конфликтов устойчивые двусторонние союзы приобретают возрастающее значение как фактор поддержания региональной стабильности. Примером подобного рода союзнических отношений является стратегическое партнерство Китайской Народной Республики и Республики Пакистан, которое с середины XX в. активно развивается в сфере безопасности и ВТС. Его основой стало совпадение региональных интересов, оказавшееся более значимым нежели идеологические противоречия периода «холодной войны».

Уже в начале 1960-х гг., оставаясь формальным союзником США, Пакистан начал демонстрировать дружелюбие в отношении Пекина. Исламабад поддерживал признание КНР в ООН (Белокреницкий, Москаленко 2008, 231) и пошел на урегулирование пограничного спора: в 1963 г. было подписано соглашение о демаркации границы, согласно которому Исламабад «временно» передал Китаю небольшой участок спорной территории Шакгамской долины в Кашмире. Обоюдные визиты политического руководства в 1964-1965 гг. закрепили политическую ось «Исламабад-Пекин». В ходе второй индо-пакистанской войны 1965 г. Китай оказал Пакистану значительную дипломатическую поддержку, в результате чего на фоне американского эмбарго на поставки оружия в Исламабад, Пекин приобрел репутацию союзника. В 1966 г., после посещения Пекина пакистанской военной делегацией, китайская сторона восполнила военное снаряжение и технику, утраченные Исламабадом в ходе конфликта.

С тех пор Пекин занял нишу главного поставщика вооружений для пакистанской армии и утвердился в общественном мнении как «истинный друг» в противовес ненадежному Западу. В эти же годы зародилось и секретное сотрудничество в ядерной сфере: именно в 1966 г. Исламабад начал переговоры о получении китайской помощи в создании собственного ядерного потенциала (Small 2015).

Во время Третьей индо-пакистанской войны 1971 г. Пекин вновь занял пропакистанскую позицию и несмотря на сдерживающий фактор возможной советской интервенции, использовал площадку ООН для продвижения резолюций, отражавших интересы Исламабада. В августе 1972 г. КНР впервые применила право вето в Совете Безопасности, заблокировав проект резолюции о приеме Бангладеш в ООН, что стало важным проявлением дипломатической поддержки Пакистана. В эти же годы Исламабад сыграл роль посредника в тайной дипломатии, способствуя визиту государственного секретаря США Генри Киссинджера в Пекин, что стало важным этапом в сближении Китая и США. В 1980-е гг. координация усилий продолжилась в Афганистане: Китай и Пакистан поддерживали моджахедов, выступавших против советского вмешательства.

Проведение Индией ядерного испытания в 1974 г. подтолкнуло Исламабад к ускоренному развитию ядерной программы. Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто заявил: «Если Индия создаст свою атомную бомбу, значит, и нам придется сделать свою, даже если ради этого нам придется сидеть на хлебе и воде или вовсе умирать от голода» (Лазарева,

Ахтямова, Рахматуллина 2024). В ряде западных исследований указывается, что в 1982 г. Китай оказал Пакистану содействие в создании ядерного оружия, включая передачу 10 кг высокообогащенного урана и технической документации для проектирования боевой части ядерных ракет (Small 2015). В 1986 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области мирного атома, которое де-факто включало оборонные аспекты. Китай передал Пакистану проект ядерного заряда мощностью до 25 кило тонн и помог в создании инфраструктуры по обогащению урана (Масленникова 2016).

Параллельно усиливалось ВТС в сфере обычных вооружений. В 1970-х гг. сумма китайских поставок достигла \$600 млн и включала 500 танков Т-59, 300 самолетов F-6 и 25 боевых кораблей различного класса. Китайская сторона принимала участие в строительстве оборонных предприятий в Таксиле, возведении металлургического комплекса в Карачи (Белокреницкий, Москаленко 2008, 272), финансировала и другие проекты пакистанского ВПК. В 1980-е гг. начались совместные разработки бронетехники, пакистанские офицеры начали проходить подготовку в военных академиях НОАК, что способствовало унификации стандартов и углублению военного взаимодействия (Казанин 2017, 17).

Дополнением к ВТС стала реализация знакового инфраструктурного проекта — Каракорумского шоссе, которое обеспечивало логистическую связь Синьцзяна с северным Пакистаном. В период войны в Афганистане (1979-1989) оно активно использовалось для пере-

броски вооружений моджахедам (Белокреницкий 2016, 253), а позднее стало ключевой артерией Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

В 1990 г., после введения США санкций в отношении Пакистана (поправка Пресслера) за реализацию военной ядерной программы, Китай окончательно закрепился в качестве ключевого поставщика вооружений и военной техники (ВиВТ) (Белокреницкий, Москаленко 2008, 347), продолжая поддерживать Пакистан в ООН по кашмирскому вопросу и избегая критики его ядерного проекта.

В 1999 г. стартовал проект по разработке истребителя третьего поколения JF-17 Thunder — одного из важнейших символов двустороннего военно-технического партнерства (Ali 2024), в котором расходы и конструкторская работа делились поровну между сторонами в рамках сотрудничества авиастроительной корпорации Chengdu Aircraft Corporation (Китай) и Pakistan Aeronautical Complex (PAC) Kamra (Пакистан). Каждая из сторон вложила по \$75 млн из общего бюджета в \$150 млн (GlobalSecurity.org n.d.). Истребитель предназначался для замены устаревших Mirage III/V и F-7, составлявших основу пакистанских ВВС. Первый полет JF-17 состоялся в 2003 г., а в 2007 г. первая партия серийных JF-17 была официально введена в состав ВВС Пакистана

Таким образом, ключевыми направлениями ВТС стали: поставки вооружений, развитие пакистанского ВПК, совместные проекты и стратегическая инфраструктура. Сформированные еще в 1960-е гг. основы китайско-

пакистанского взаимодействия в сфере безопасности получили развитие в 1970-1980 гг., а к 1990-м гг. трансформировались в устойчивое стратегическое партнерство.

Наряду с внутренней динамикой двустороннего взаимодействия и особой роли Индии, значительное влияние на формирование китайско-пакистанского партнерства оказывали мировые сверхдержавы — СССР и США. Их роль была критически важной, так как именно они формировали рамки региональной безопасности и во многом определяли выбор стратегических приоритетов Пакистана и Китая.

К началу XXI в. китайско-пакистанское взаимодействие в сфере безопасности вышло за рамки модели «поставщик-покупатель» и приобрело черты кооперации, охватывающей полный цикл — от совместной разработки и локализации производства до интеграции в эксплуатацию и подготовки кадров, что проявилось в дальнейшем развитии сферы ВТС.

Говоря про взаимодействие в авиационной сфере необходимо отметить, что в апреле 2025 г. ВВС Пакистана впервые продемонстрировали JF-17 Block III с ракетой класса «воздух-воздух» большой дальности PL-15E, что подтвердило расширение возможностей пакистанской истребительной авиации (Army Recognition 2025a). Локализованное производство JF-17 на РАС Камга способствовало формированию ограниченных национальных компетенций в области авиастроения. Отдельным направлением стало приобретение Пакистаном многоцелевых китайских истребителей поколения «4++» J-10C, которые в количестве шести

машин были приняты на вооружение ВВС Пакистана 11 марта 2022 г. В сентябре того же года поступила вторая партия, и к началу 2024 г. в составе ВВС Пакистана насчитывалось не менее 20 самолетов данного типа (Quwa 2024). Первоначально планировалось формирование эскадрильи численностью в 25 самолетов с опционом на дополнительные 11 (DefenseMirror.com Bureau 2023), однако по состоянию на сентябрь 2025 г. официальных подтверждений нет. Приобретение современных боевых машин, оснащенных китайскими экспортными модификациями ракет ближнего (PL-10) и дальнего (PL-15) радиуса действия, а также бортовой РЛС с активной фазированной антенной решеткой, изменило статус пакистанских ВВС в регионе (Shukla 2025).

Ключевым совместным проектом в сфере бронетехники стал ОБТ «Аль-Халид», разработанный в 1980-1990-х гг. на основе китайского Туре 90-2М. Он был принят на вооружение в Пакистане в 2001 г. Современная модификация «Аль-Халид 2», в КНР известен как MBT-2000 (VT-1A), (Казанин 2017, 17-18) создана при участии пакистанской Heavy Industries Taxila (HIT) и китайской корпорации NORINCO. В 2021 г. Пакистан дополнил парк ОБТ закупками VT-4 (NORINCO) (Dominguez, Cranny-Evans 2021), а также развернул программу перевооружения артиллерии, заключив в 2019 г. контракт на поставку 236 колесных САУ SH-15 (155-мм), часть из которых к 2025 г. уже была возвращена в районах, прилегающих к линии контроля с Индией (Army Recognition 2025b).

Знаковым событием стало развертывание с осени 2021 г. вокруг Карачи и Равалпинди

китайских ЗРК большой дальности HQ-9/P, что позволило Пакистану заявить о готовности стратегического сдерживания вероятного противника (Quwa 2021).

ВТС двух стран касалось и взаимодействия на море. Контракт 2005 г. (по некоторым данным официально подписан в апреле-мае 2006 г. (Quwa 2020) предусматривал строительство четырех фрегатов F-22P типа «Zulfigar», три из которых построены в Китае, а четвертый — на модернизированной судовой верфи в г. Карачи (Karachi Shipyard & Engineering Works) с передачей технологий. В 2017-2018 гг. был заключен контракт на поставку четырех фрегатов проекта 054A/P водоизмещением 4000 тонн, два были переданы в 2022 г. (Xuanzun 2023), другие — в мае 2023 г. (Ibrahim 2023).

Наиболее значимым контрактом стало соглашение 2015 г. с китайской компанией CSOC на строительство восьми дизель-электрических подводных лодок проекта S20P (экспортная версия китайского 039А «Юань» (Казанин 2017, 69), с разделением строительства 4+4 между верфями КНР и Пакистана. Эта программа получила обозначение «Hangor-class». В апреле 2024 г. на верфи Wu-chang в Ухане состоялся спуск на воду первой субмарины (Naval News 2024), в марте 2025 г. — второй (AP News 2025), а в августе 2025 г. — третьей (Khan 2025a), что свидетельствует о планомерной реализации проекта. Параллельно на верфи в Карачи (Karachi Shipyard & Engineering Works) были проведены мероприятия по закладке корпусов пакистанской партии. По оценке аналитиков, программа Hangor-

class существенно укрепит ВМС Пакистана и будет рассматриваться как один из основных элементов морской стратегии сдерживания (Khan 2025b).

Таким образом, ВТС двух стран охватывает всю номенклатуру основных платформ: от истребителей и танков до кораблей и подводных лодок. По данным SIPRI, в 2020-2024 гг. Пакистан занимал пятое место среди импортеров вооружений (4,6% мирового импорта), увеличив закупки на 61% относительно 2015-2019 гг.; доля Китая в этом импорте выросла с примерно 54% в 2009-2013 гг. (SIPRI 2014) до 74% в период 2015-2019 гг., а затем до 81% в 2020-2024 гг. (SIPRI 2025). Эти показатели закрепляют устойчивую зависимость Исламабада от Пекина по линии ВТС и служат количественным подтверждением трансформации двустороннего партнерства в «пороговый альянс» (SIPRI 2025).

На дипломатическом уровне отношения между странами последовательно характеризуются как «всепогодные», «железные» и «стратегические». Совместные заявления последних лет подчеркивают приоритетность этих связей для обеих сторон (Министерство иностранных дел КНР 2025). Руководство КНР называет Пакистан «краеугольным камнем» региональной стабильности, а Исламабад подчеркивает постоянство и взаимную поддержку даже в условиях смены правительств.

Несмотря на высокий уровень стратегического взаимодействия, китайско-пакистанское ВТС сталкивается с рядом ограничений:

Во-первых, технологическая асимметрия.

Несмотря на заявления о «совместных разработках», Пакистан получает ограниченный доступ к критическим технологиям, что препятствует развитию национального ВПК и делает страну зависимой от китайских поставок и сервисного сопровождения. Примером выступает программа JF-17 Thunder, реализуя которую Пакистан с 2008 г. осуществляет финальную сборку и производит до 58% конструкции (фюзеляж, крылья, стабилизаторы). Однако, как отмечают аналитики, ключевые компоненты — силовая установка (двигатели RD-93/93MA), радиолокационные станции и значительная часть авионики — остаются в зоне контроля КНР (Lalwani 2023). В результате Пакистан, при формальном паритете, остается зависимым от китайских поставок, что делает JF-17 символом ограниченности доступа к критическим технологиям.

Во-вторых, нарастающая финансовая зависимость. Реализация ряда крупных оборонных программ с китайским участием — прежде всего контракт на восемь подводных лодок Hangor (оценочно \$4-5 млрд) — происходит на фоне ограниченных внутренних ресурсов Пакистана и опоры на внешнее финансирование, включая китайские займы и поддержку МВФ. По данным Всемирного банка, совокупный внешний долг Пакистана на конец 2023 г. составил около \$130,85 млрд, при этом Китай остается крупнейшим кредитором: на него приходится примерно 22% внешнего долга (~\$28,8 млрд) — больше, чем на любого иного отдельного кредитора (World Bank 2024). На фоне долговой нагрузки Пакистан вынужден обратиться за новым пакетом помощи МВФ. В сен-

тябре 2024 г. МВФ утвердил для Пакистана 37-месячную программу расширенного кредитования на специальные права заимствования (СДР) 5,32 млрд (~\$7 млрд), подчеркнув критическую необходимость финансовой поддержки со стороны двусторонних партнеров. Базовое финансирование 2025 г. опирается на пролонгацию краткосрочного внешнего долга на \$16,8 млрд и около \$2,5 млрд новых обязательств, в том числе от Китая (IMF 2024). В мае 2025 г. по итогам первого пересмотра утвержден дополнительный пакет в размере 760 млн СДР (~\$1 млрд) и подтверждены обязательства двусторонних партнеров продолжать пролонгацию на срок программы (IMF 2025). В совокупности это фактически увязывает крупные закупки по ВТС с доступом Пакистана к внешним средствам, усиливая финансовую связанность ВТС с КНР.

В-третьих, концентрация импорта. Доля Китая в импорте вооружений Пакистана в 2020-2024 гг. достигла пиковых значений, закрепив зависимость от одного поставщика. Подобная структура закупок снижает диверсификацию и переговорную гибкость, повышает издержки переключения на альтернативные платформы.

В-четвертых, риски разрыва цепочек поставок со стороны третьих стран. Самолет JF-17 модификации Block III опирается на российскую линейку двигателей RD-93; при этом зависимость от российских двигателей делает проект уязвимым перед внешними правовыми и политическими ограничениями. Механизм возникновения риска двухуровневый:

– Внешнее вето. Поставка/реэкспорт двигателей были обусловлены получением

согласия со стороны России и уже становились предметом диалога;

- Внешние санкции. Сделки, которые США сочтут значимыми и которые связаны с организациями российского ВПК, подпадают под раздел 231 закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), что осложняет банковские платежи, страхование и перевозку узлов/запчастей — даже если конечная платформа поступает из Китая. Это означает, что устойчивость парка JF-17 в Пакистане зависит не только от параметров двусторонней кооперации с КНР, но и от внешних ограничений.

В-пятых, нарекания к послепродажному обслуживанию. Пакистанские военные отмечают системные сбои в эксплуатации и сервисе поставленной из КНР техники. На фрегатах класса F-22P были выявлены дефекты оптико-электронных прицельных устройств ЗРК FM-90N, проявлявшиеся в невозможности устойчивого захвата целей, зафиксированы отказы корабельной РЛС SR60 и т.д., в результате чего корабли дольше простаивали в ремонте и не были готовы к выполнению боевых задач.

Таким образом, во второй половине XX в. китайско-пакистанское взаимодействие в оборонной сфере прошло путь от эпизодических поставок до институционализированного взаимодействия, превратившись к началу XXI в. во всестороннее военно-техническое сотрудничество и партнерство, которое сохраняется и развивается в условиях целого ряда ограничений.

Список литературы

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. Москва: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2008. 564 с.
2. Small A. *The China–Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics*. London: Hurst & Company, 2015. 288 p. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/YzoGevNXfwUdZ25BPt6Kr-GynEForan3CmLHQQcsu46QPEZKriYrT22Xh2DdoeFedLUQld1mFgsGP_8j1B0qpyPUA51EspmJknv7dIEhNbnQmUlmh/The_China-Pakistan_Axis_Asia_s_New_Geopolitics_by_Andrew_Small.pdf (дата обращения: 18.05.2025).
3. Лазарева В. Д., Ахтямова А. М., Рахматулина Р. Ш. Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия – Пакистан – Китай в Кашмирском конфликте. Россия в глобальном мире. 2024. № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhno-aziatskiy-strategicheskiy-treugolnik-indiya-pakistan-kitay-v-kashmirskom-konflikte> (дата обращения: 18.05.2025).
4. Масленникова Н. В. Сотрудничество между Пакистаном и Китаем в сфере ядерных технологий. Восточная аналитика. 2016; № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-mezhdu-pakistanom-i-kitaem-v-sfere-yadernyh-tehnologi> (дата обращения: 18.05.2025).
5. Казанин М. В. *Китай–Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века*. Москва: Институт Ближнего Востока, 2017. 228 с.

6. Белокреницкий В. Я. *Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток: избранные публикации 2008–2016 гг.* Москва: Институт востоковедения РАН, 2016. 712 с.
7. Ali N. *Pakistan's Deepening Strategic Reliance on China*. 2024. <https://mei.edu/publications/pakistans-deepening-strategic-reliance-china> (дата обращения: 06.05.2025).
8. *JF-17 Program Overview*. GlobalSecurity.org. n.d. <https://www.globalsecurity.org/military/world/pakistan/jf-17-program.htm> (дата обращения: 18.05.2025).
9. Pakistan's First Combat Use of Chinese PL-15E Air-to-Air Missiles Confirmed after Debris Found in India. Army Recognition. 2025a. <https://armyrecognition.com/news/aerospace-news/2025/pakistans-first-combat-use-of-chinese-pl-15e-air-to-air-missiles-confirmed-after-debris-found-in-india> (дата обращения: 11.09.2025).
10. Report: Pakistan's Air Warfare Plans for the Decade. Quwa. 2024. <https://quwa.org/quwa-premium-excerpt/report-pakistans-air-warfare-plans-for-the-decade-2/> (дата обращения: 11.09.2025).
11. DefenseMirror.com Bureau. *First Deployment of Pakistani J-10CE Jet in Exercise with China*. DefenseMirror. 2023. https://defensemirror.com/news/34882/First_Deployment_of_Pakistani_J_10CE_Jet_in_Exercise_with_China (дата обращения: 11.09.2025).
12. Shukla A. *The 100-Hour War: India versus Pakistan*. The Diplomat. 2025. <https://thediplomat.com/2025/06/the-100-hour-war-india-versus-pakistan/> (дата обращения: 11.09.2025).
13. Dominguez G., Cranny-Evans S. *Pakistan Army Holds Induction Ceremony for VT4 MBT*. Janes. 2021. <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/land/pakistan-army-holds-induction-ceremony-for-vt4-mbt> (дата обращения: 11.09.2025).
14. *Pakistan Deploys Chinese SH-15 155mm Howitzers near India Border against a Backdrop of Regional Tensions*. Army Recognition. 2025b. <https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/pakistan-deploys-chinese-sh-15-155mm-howitzers-near-india-border-against-a-backdrop-of-regional-tensions> (дата обращения: 11.09.2025).
15. *Pakistan Army Inducts HQ-9/P Long-Range Surface-to-Air Missile System*. Quwa. 2021. <https://quwa.org/quwa-premium-excerpt/pakistan-army-inducts-hq-9-p-long-range-surface-to-air-missile-system-2/> (дата обращения: 11.09.2025).
16. *Pakistan Navy Ships: Zulfiqar-Class F-22P Frigate*. Quwa. 2020. <https://quwa.org/daily-news/pakistan-navy-ships-zulfiqar-class-f-22p-frigate/> (дата обращения: 29.08.2025).
17. Xuanzun L. *Exclusive: China delivers two Type 054A/P frigates to the Pakistan Navy, wraps up four-ship deal*. Global Times. 2023. <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1290458.shtml> (дата обращения: 18.05.2025).

18. Ibrahim A. *Type-054A/P Frigate: Pakistan Navy's Top Tier Surface Combatant*. Centre for Strategic and Contemporary Research. 2023. <https://cscr.pk/explore/themes/defense-security/type-054a-p-frigate-pakistan-navys-top-tier-surface-combatant/> (дата обращения: 11.05.2025).
19. *Pakistan Navy Launches First Hangor-Class Submarine in China*. Naval News. 2024. <https://www.navalnews.com/naval-news/2024/04/pakistan-navy-launches-first-hangor-class-submarine-in-china/> (дата обращения: 11.09.2025).
20. *China to Deliver First of Eight Submarines to Pakistan in 2024*. AP News. 2025. <https://apnews.com/article/china-pakistan-submarine-india-7fae50c6bf14aa15f9bea1ccd4a5b278> (дата обращения: 11.09.2025).
21. Khan B. *Wuchang Shipyard Launches Third Hangor-Class Submarine for Pakistan Navy*. Quwa. 2025a. <https://quwa.org/pakistan-navy-news/wuchang-shipyard-launches-third-hangor-class-submarine-for-pakistan-navy-08-18-2025/> (дата обращения: 11.09.2025).
22. Khan B. *Extending Deterrence: How the Hangor-Class Reshapes Pakistan's Maritime A2/AD Posture*. Quwa. 2025b. <https://quwa.org/pakistan-navy-news/extending-deterrence-how-the-hangor-class-reshapes-pakistans-maritime-a2-ad-posture/> (дата обращения: 11.09.2025).
23. SIPRI. *Trends in International Arms Transfers*, 2013. SIPRI. 2014. <https://www.sipri.org/publications/2014/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2013> (дата обращения: 27.08.2025).
24. SIPRI. *Trends in International Arms Transfers*, 2024. SIPRI. 2025. <https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2024> (дата обращения: 27.08.2025).
25. Совместное заявление между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан. Министерство иностранных дел КНР (中华人民共和国外交部). 2025. https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202502/t20250206_11550130.shtml (дата обращения: 13.04.2025). (на кит.яз.)
26. Lalwani S. *A Threshold Alliance: The China-Pakistan Military Relationship*. United States Institute of Peace. 2023. <https://www.usip.org/publications/2023/03/threshold-alliance-china-pakistan-military-relationship> (дата обращения: 06.05.2025).
27. World Bank. *International Debt Statistics: Products*. World Bank. 2024. <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/idr/products> (дата обращения: 11.09.2025).
28. International Monetary Fund (IMF). *Pakistan: 2024 Article IV Consultation*. IMF. 2024. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/CR/2024/English/1pakea2024003-print-pdf.ashx> (дата обращения: 11.09.2025).

29. International Monetary Fund (IMF). *Pakistan: 2025 Article IV Consultation*. IMF. 2025. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/CR/2025/English/1pakea2025001-print-pdf.ashx> (дата обращения: 11.09.2025).

References

1. Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. The 20th Century*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, Kraft+, 2008, 564 p. (In Russ.)
2. Small A. *The China–Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics*. London: Hurst & Company, 2015. 288 p. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/YzoGevNXfwUdZ25BPt6Kr-GynEForan3CmLHQqcsu46QPEZKriYrT22Xh2DdoeFedLUQld1mFgsGP_8j1B0qpyPUA51EspmJknv7dIEhNbnQmUlmh/The_China-Pakistan_Axis_Asia_s_New_Geopolitics_by_Andrew_Small.pdf (дата обращения: 18.05.2025).
3. Lazareva V. D., Akhtyamova A. M., Rakhmatullina R. Sh. South Asian Strategic Triangle: India – Pakistan – China in the Kashmir Conflict. *Russia in the Global World*. 2024. No. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhno-aziatskiy-strategicheskiy-treugolnik-indiya-pakistan-kitay-v-kashmirskom-konflikte> (accessed: 18.05.2025). (In Russ.)
4. Maslennikova N. V. Cooperation between Pakistan and China in the Field of Nuclear Technologies. *Vostochnaya analitika [Oriental Analytics]*. 2016, no. 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-mezhdu-pakistanom-i-kitaem-v-sfere-yadernyh-tehnologii> (accessed: 18.05.2025). (In Russ.)
5. Kazanin M. V. *China–Pakistan: Military-Technical and Economic Cooperation in the Early 21st Century*. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka, 2017, 228 p. (In Russ.)
6. Belokrenitsky V. Ya. *Pakistan, South Asia, the Islamic World, the East: Selected Publications 2008–2016*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2016, 253 p. (In Russ.)
7. Ali N. *Pakistan's Deepening Strategic Reliance on China*. 2024. <https://mei.edu/publications/pakistans-deepening-strategic-reliance-china> (accessed: 06.05.2025).
8. *JF-17 Program Overview*. GlobalSecurity.org. n.d. <https://www.globalsecurity.org/military/world/pakistan/jf-17-program.htm> (accessed: 18.05.2025).
9. *Pakistan's First Combat Use of Chinese PL-15E Air-to-Air Missiles Confirmed after Debris Found in India*. Army Recognition. 2025a. <https://armyrecognition.com/news/aerospace-news/2025/pakistans-first-combat-use-of-chinese-pl-15e-air-to-air-missiles-confirmed-after-debris-found-in-india> (accessed: 11.09.2025).
10. *Report: Pakistan's Air Warfare Plans for the Decade*. Quwa. 2024. <https://quwa.org/quwa-premium-excerpt/report-pakistans-air-warfare-plans-for-the-decade-2/> (accessed: 11.09.2025).
11. DefenseMirror.com Bureau. *First Deployment of Pakistani J-10CE Jet in Exercise with China*.

- DefenseMirror. 2023. https://defensemirror.com/news/34882/First_Deployment_of_Pakistani_J_10CE_Jet_in_Exercise_with_China (accessed: 11.09.2025).
12. Shukla A. *The 100-Hour War: India versus Pakistan*. The Diplomat. 2025. <https://thediplomat.com/2025/06/the-100-hour-war-india-versus-pakistan/> (accessed: 11.09.2025).
13. Dominguez G., Cranny-Evans S. *Pakistan Army Holds Induction Ceremony for VT4 MBT*. Janes. 2021. <https://www.janes.com/osint-insights/defence-news/land/pakistan-army-holds-induction-ceremony-for-vt4-mbt> (accessed: 11.09.2025).
14. *Pakistan Deploys Chinese SH-15 155mm Howitzers near India Border against a Backdrop of Regional Tensions*. Army Recognition. 2025b. <https://armyrecognition.com/news/army-news/2025/pakistan-deploys-chinese-sh-15-155mm-howitzers-near-india-border-against-a-backdrop-of-regional-tensions> (accessed: 11.09.2025).
15. *Pakistan Army Inducts HQ-9/P Long-Range Surface-to-Air Missile System*. Quwa. 2021. <https://quwa.org/quwa-premium-excerpt/pakistan-army-inducts-hq-9-p-long-range-surface-to-air-missile-system-2/> (accessed: 11.09.2025).
16. *Pakistan Navy Ships: Zulfiqar-Class F-22P Frigate*. Quwa. 2020. <https://quwa.org/daily-news/pakistan-navy-ships-zulfiqar-class-f-22p-frigate/> (accessed: 29.08.2025).
17. Xuanzun L. *Exclusive: China delivers two Type 054A/P frigates to the Pakistan Navy, wraps up four-ship deal*. Global Times. 2023. <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1290458.shtml> (accessed: 18.05.2025).
18. Ibrahim A. *Type-054A/P Frigate: Pakistan Navy's Top Tier Surface Combatant*. Centre for Strategic and Contemporary Research. 2023. <https://cscr.pk/explore/themes/defense-security/type-054a-p-frigate-pakistan-navys-top-tier-surface-combatant/> (accessed: 11.05.2025).
19. *Pakistan Navy Launches First Hangor-Class Submarine in China*. Naval News. 2024. <https://www.navalnews.com/naval-news/2024/04/pakistan-navy-launches-first-hangor-class-submarine-in-china/> (accessed: 11.09.2025).
20. *China to Deliver First of Eight Submarines to Pakistan in 2024*. AP News. 2025. <https://apnews.com/article/china-pakistan-submarine-india-7fae50c6bf14aa15f9bea1ccd4a5b278> (accessed: 11.09.2025).
21. Khan B. *Wuchang Shipyard Launches Third Hangor-Class Submarine for Pakistan Navy*. Quwa. 2025a. <https://quwa.org/pakistan-navy-news/wuchang-shipyard-launches-third-hangor-class-submarine-for-pakistan-navy-08-18-2025/> (accessed: 11.09.2025).
22. Khan B. *Extending Deterrence: How the Hangor-Class Reshapes Pakistan's Maritime A2/AD Posture*. Quwa. 2025b. <https://>

- quwa.org/pakistan-navy-news/extending-deterrence-how-the-hangor-class-reshapes-pakistans-maritime-a2-ad-posture/ (accessed: 11.09.2025).
23. SIPRI. *Trends in International Arms Transfers, 2013*. SIPRI. 2014. <https://www.sipri.org/publications/2014/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2013> (accessed: 27.08.2025).
24. SIPRI. *Trends in International Arms Transfers, 2024*. SIPRI. 2025. <https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2024> (accessed: 27.08.2025).
25. *Joint Statement between the People's Republic of China and the Islamic Republic of Pakistan. Ministry of Foreign Affairs of the PRC*. 2025. https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202502/t20250206_11550130.shtml (accessed: 13.04.2025).
26. Lalwani S. *A Threshold Alliance: The China-Pakistan Military Relationship*. United States Institute of Peace. 2023. <https://www.usip.org/publications/2023/03/threshold-alliance-china-pakistan-military-relationship> (accessed: 06.05.2025).
27. World Bank. *International Debt Statistics: Products*. World Bank. 2024. <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/idr/products> (accessed: 11.09.2025).
28. International Monetary Fund (IMF). *Pakistan: 2024 Article IV Consultation*. IMF. 2024. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/CR/2024/English/1pakea2024003-print-pdf.ashx> (accessed: 11.09.2025).
29. International Monetary Fund (IMF). *Pakistan: 2025 Article IV Consultation*. IMF. 2025. <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/CR/2025/English/1pakea2025001-print-pdf.ashx> (accessed: 11.09.2025).

Сведения об авторах

Эпштейн Виталий Анатольевич,

канд. социолог. наук, доцент

Кафедра мировой экономики и международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

119571, город Москва, пр-кт Вернадского, д. 82 стр. 1

epshteinv@gmail.com

Исламова Эльвина Равилевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

119571, город Москва, пр-кт Вернадского, д. 82 стр. 1

elvina20.06.03@yandex.ru

Information about the Authors

Epshtein Vitaly Anatolyevich,

Candidate of Sociology, Associate Professor
Department of World Economy and International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82, Bld. 1, Prospekt Vernadskogo, Moscow,
119571, Russia

epshteinv@gmail.com

Islamova Elvina Ravilevna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82, Bld. 1, Prospekt Vernadskogo, Moscow,
119571, Russia

elvina20.06.03@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Ancorige — a prelude to the new «Yalta»?

Анкоридж — прелюдия новой «Ялты»?

Лычагин Александр Иванович

*Нижегородский государственный научно-
исследовательский университет
им.Н.И. Лобачевского, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
kaf.vostok@mail.ru*

Aleksandr I. Lychagin

*Nizhny Novgorod State Scientific Research University
named after N.I. Lobachevsky, Russia*

*Corresponding author:
kaf.vostok@mail.ru*

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-114-121](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-114-121)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается новая реальность, возникающая в условиях трансформации однополярного мира в многополярный, в том числе, в контексте украинского кризиса. Делается попытка понять и проанализировать истинные мотивы президента США Д. Трампа, анонсировавшего принципиально новый, в сравнении с политикой Д. Байдена, внешнеполитический курс, в особенности в его российском воплощении. Автор анализирует политику президента В.В. Путина в контексте отстаивания интересов России. Наиболее сложным представляется понимание цели и задач Китайской Народной Республики на мировой арене.

Ключевые слова: Россия, Китайская

ABSTRACT

The article examines the new reality emerging in the context of the transformation of the unipolar world into a multipolar one, including in the context of the Ukrainian crisis. An attempt is being made to understand and analyze the true motives of U.S. President Donald Trump, who announced a fundamentally new foreign policy course in comparison with D. Biden's policy, especially in its Russian incarnation. The author analyzes the policy of President Vladimir Putin in the context of upholding the interests of Russia. Understanding the goals and objectives of the People's Republic of China on the world stage is the most difficult.

Keywords: Russia, People's Republic of China, United States, European Union, NATO, Ukraine,

Народная Республика, США, Европейский Союз, НАТО, Украина, кризис, противодействие, сотрудничество.

Для цитирования: Лычагин А.И. Анкоридж — прелюдия новой «Ялты»? *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 114–121 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-114-121>

12 января 1950 года государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Дин Ачесон на заседании Национального пресс-клуба в Вашингтоне заявил, что Тайвань и Корея находятся за пределами оборонительного периметра США.[1]. 23 июня того же года упомянутый руководитель американского Foreign-Office вновь публично заверил соотечественников и все мировое сообщество, что внешнеполитический курс его страны в Восточной Азии останется прежним и Америка не будет вмешиваться в ситуацию на Формозе (о. Тайвань).[2]

Однако, двое суток спустя политический расклад изменился и достаточно кардинально. 25 июня северокорейские войска пересекли 38-ю параллель и вторглись в Южную Корею. 15 сентября того же года американские морские пехотинцы, под флагом Организации Объединенных Наций, заручившись соответствующим мандатом последней (Советский Союз, в знак протеста отсутствию Китайской Народной Республики в качестве ассоциированного члена ООН, демонстративно бойкотировал свое участие в заседании Генеральной Ассамблеи) высадились в корейском Инчхоне.

crisis, counteraction, cooperation.

For citation: Lychagin A.I. Ancorige — a prelude to the new «Yalta»? *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P.114-121 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-114-121>

Председатель КНР Мао Цзедун не заставил себя долго ждать и, заручившись политической и материальной поддержкой СССР, (товарищ Сталин И.В., несмотря на все уговоры Мао, воздержался от прямого участия СССР в упомянутом конфликте, ограничившись поставками корейским и китайским коммунистам современного вооружения. Исключение составили советские летчики-истребители, которые под вымышленными именами сражались в корейском небе с американскими пилотами) 18 сентября 1950 года их трехсоттысячная группировка, форсировав пограничную реку Ялу, атаковала американские части. Таким образом, Корейский полуостров, США и Китайская Народная Республика стали непосредственными, а Советский Союз — опосредованным участником новой войны, которая хотя и «не тянула» на роль Третьей мировой, но декларируемый Ялтой и Потсдамом новый мировой порядок дал трещину.

Последовавшие за Корейской войной войны во французском Индокитае, Вьетнамская война и многие другие меньших калибров еще более дезавуировали Ялтинско-Потсдамский

мир. Вместе с тем следует констатировать, что главные военно-политические оппоненты — Советский Союз и Соединенные Штаты не вступали в открытое военное противоборство, и сохраняли договорный статус-кво в Европе.

Так, Северо-Атлантический блок воздержался от военного вмешательства в подавление вначале Советским Союзом в 1953 году в Германской Демократической Республике, а затем объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора аналогичных антикоммунистических выступлений в Венгрии и Чехословакии в 1956-м и 1968-м годах. Далее были: Куба, Чили, Ангола, Афганистан, Аргентина и много еще чего. СССР и США, и их сателлиты поставляли оружие, направляли инструкторов своим политическим симпатизантам, отстаивали их правоту с трибуны ООН, но не противодействовали противной стороне непосредственным военным участием.

События на Украине вполне укладываются в эту схему. Другое дело, что распад не только Варшавского блока, но и СССР существенно осложнил отстаивание Россией своих национальных интересов. Примером тому являются не только откровенно русофобские нарративы нынешней внешней политики Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии, но и закамуфлированные позиции Азербайджана и Армении, внезапно заключивших декларацию о неприменении силы в двусторонних отношениях под эгидой США. Что касается последней, то президент Д. Трамп, попросту говоря, бесцеремонно залез в «чужой огород». В веками возделываемый «кремлевский огород». Казалось бы, традиционная фронда в адрес Кремля. Но зачем так по-

ступать в преддверии встречи на высшем уровне 15 августа? Красная дорожка и встреча В.В. Путина Дональдом Трампом непосредственно на аэродроме Анкориджа, чего Трамп никогда не делал ранее, встречая любого другого гостя, совместная поездка в броневомobile «Зверь», что нарушает дипломатический протокол, как-то не коррелируются с демонстративным вторжением в многовековую зону интересов России.

Примечательно, что в тот же день первый вице-президент (премьер-министр) Ирана Мохаммад Реза Ареф посетил своего российского коллегу. Судя по скудным сообщениям прессы, разговор был, в общем-то, ни о чем. Расширение сотрудничества и тому подобное. За все хорошее, против всего плохого, т.е. скрытый посыл в адрес США и коллективного Запада о вероятном сотрудничестве сторон в области ядерных технологий двойного назначения. Что это? Ответ Дональду Трампу? Заметим, что в это самое время президент Путин В.В. (по мнению президента Д. Трампа и вице-президента Джэй Ди Вэнса, «хороший человек, заботящийся об интересах России») уже летел в Анкоридж. Как-то нелогично получается. Наступать на многолетнюю «больную мозоль» Соединенных Штатов (Не будем забывать и о захвате американского посольства в Иране в 1979 году и взятии в заложники дипломатов, равно как и о нынешней ядерной программе Ирана, исламском фундаментализме, правах человека и т.п.) в самом преддверии важнейшей, прежде всего для В.В. Путина, встречи.

Представляется другая картина. Прежде всего, мировые средства массовой информации

подают тему переговоров Трамп-Путин таким образом, что создается уверенность в том, что именно украинский кризис является наиглавнейшим в дискурсе сторон. Своего рода реперной точкой. Что, конечно же, совсем не так. Государственный департамент США, как в каденции Джозефа Байдена, так и Дональда Трампа обеспокоен прежде всего слишком тесным сотрудничеством России и Китая. Об этом неоднократно говорили и сами вышеназванные президенты, и главы внешнеполитического ведомства. Господа Энтони Блинкен и Марко Рубио. А в свое время именно этой проблемой был сильно озадачен Ричард Никсон и Генри Киссенджер, что и повлекло за собой ротацию Китайской Народной и Китайской республик в Организации Объединенных Наций в 1971 году. (Кстати приснопамятный Анкоридж известен и встречей там Э.Блинкена и министра иностранных дел Китая Ван И 2021 году.) Далее, очевидно, следуют: Арктика, российские недра, космическое сотрудничество, атомная программа Ирана, арабо-израильский конфликт российско-индийские отношения, разработка российских полезных ископаемых. и далее по списку. (Возможно, после темы Китая, очередность таковых выглядит существенно иначе). Двусторонние и многосторонние переговоры на упомянутые темы в рамках саммита Шанхайской Организации Сотрудничества 31 августа – 2 сентября сего года, — наглядное тому подтверждение.

Конечно же, является простым совпадением тот факт, что главы и представители 26 государств прибыли в КНР, демонстрируя свою лояльность не только Китаю, но и России,

и ровно такое же число стран «коалиции желающих» оказались по «другую сторону баррикад». Знаковое совпадение. А президент США остается над схваткой. Пользуясь меткой метафорой бывшего заместителя председателя правительства РФ Альфреда Коха: «Трамп смотрит на звезды в телескоп, а Зеленский в микроскоп».[3] Очевидно, что «смотрит в микроскоп» не только В.А. Зеленский, но и те политики, которые фонтанируют несбыточными обещаниями направить свои воинские контингенты на Украину, не желая смириться с тем, что граждане Европейского Союза не желают рисковать своими жизнями никогда, и ни при каких обстоятельствах.

Возвращаясь к российско – американским отношениям, то по мнению В.В. Путина, в таковых забрезжил «свет в конце тоннеля» [4]. Вот потому и красная ковровая дорожка у трапа самолета, и подчеркнутая дипломатическая куртуазность принимающей стороны. Украинский кризис явно «не притча во языцех» в российско-американских отношениях. Куда важнее, по мнению президента Путина В.В. «сохранить темп наших восстанавливающихся отношений» [5]. Более того, создается устойчивое впечатление, что президент Трамп уже не раз пожалел, что включил этот славянский конфликт в перечень своих предвыборных обещаний и последующих усилий. Украинская тема существенно мешает президенту США в контексте отношений с Россией.

Несмотря на эту помеху, совершенно очевидно, что президенты Д. Трамп и В.В. Путин если и не о всем, то почти обо всем договорились заранее. Собственно, так оно всегда и происходит.

Лидеры любых стран, встречаясь, мало что обсуждают по существу, и уж тем более, спорят. Это происходит не публично. Исключением явилась встреча президента самой могущественной страны Д. Трампа и представителя некоей, по меткому выражению В.В. Маяковского, «географической новости» [6] (поэт писал о Польше, но это мало что меняет) В.А. Зеленского, чьи президентские полномочия давно закончились. Опять же, обращаясь к классике, упомянутому персонажу в интересах своей страны следовало «молчать и слушать, молчать и слушать» [7] много старшего и по возрасту, и по политическому весу президента Соединенных Штатов.

Очевидно, что украинцев постигло горькое разочарование. Безусловно, не желая воевать с Россией, они пожелали, в большинстве своем, стать частью Западной Европы. Исходя, конечно же, из сугубо меркантильных соображений. Но и за призрачное принятие в Евросоюз надо платить. Чтобы стать ассоциированным членом Европейского Союза, нужно поступиться своим нейтральным статусом, (что происходит, впрочем, далеко не всегда. Турция 33 года является членом НАТО, но ее так и не приняли в Евросоюз. И этот пример не единичен.) прописанном в Декларации о независимости Украины, принятой на референдуме 1 декабря 1991 года. Таким образом, внесенное в Конституцию Украины положение о вступлении в НАТО прямо противоречит упомянутой Декларации о независимости, являющейся неотъемлемой частью Конституции.

Здесь важно отметить следующее обстоятельство. Предпринятые администрацией пре-

зидента В.А. Зеленского шаги, направленные на вступление в упомянутый антироссийский военный блок, привели к специальной военной операции России, которая вскоре вылилась в войну РФ и Украины. Совершенно очевидно, что без обязательства неприсоединения к военным блокам Украина не обрела бы суверенности. В равной степени это касается и отказа Украины от ядерного оружия. Коллективный Запад приветствовал, конечно же, сепаратизм советских республик, стараясь максимально ослабить главного геополитического противника, но не допускал расползания ядерной угрозы.

Вместе с тем не вызывает сомнений и то обстоятельство, что и лидеры Западной Европы, проигнорировавшие речь В.В. Путина в Мюнхене в 2007 году, и спровоцировавшие Украину на враждебные России намерения, отдавали себе отчет в невозможности ее принятия в Северо-Атлантический блок. В 2008 году президент Франции и канцлер Германии прямо заявили об этом. Тогдашний президент США Джордж Буш-младший (нелишне заметить — республиканец) выступал с диаметрально противоречивыми заявлениями на этот счет, в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры. Оно и понятно. По словам Д. Трампа, Украина была буфером между Западной Европой и Россией. Это что касается НАТО. Вопрос вступления Украины в Евросоюз, конечно же, менее болезнен для России, и менее опасен для стран Западной Европы в контексте потенциальной реакции со стороны РФ. Сегодня принятие в Евросоюз ожидают Балканские страны, Молдова и приснопамятная Украина.

Т.е. государства – потенциальные финансово-экономические реципиенты, в силу их существенного экономического отставания от западноевропейских стран.

Утверждение ряда западных лидеров, что расходы ЕС на Украины — не помощь, а часть собственных военных расходов, (более чем на 100 % по требованию Д. Трампа возросших) мало что меняет. Канцлер Германии Ф. Мерц, премьер-министр Франции Ф. Байру и ряд других высокопоставленных лиц публично заявили, что вверенные им государства более не могут являться социальными. Проблемы с бюджетом, вызванные украинским кризисом, прежде всего, не позволяют финансировать социальные программы.

Речь идет, прежде всего, о таковых в отношении неграждан. В особенности, в отношении т.н. нелегальных мигрантов, — не самой законопослушной части общества. Еще более массовые и радикальные бунты последних не заставят себя долго ждать. Провокация с Украиной дорого обходится и еще обойдется Западу.

Вернемся к российско-американским отношениям. Очевидно, что Д. Трамп во всем или почти во всем согласился с позицией В.В. Путина по Украине. Представляется, что и наш президент, в свою очередь, пошел навстречу коллеге по целому ряду вышеупомянутых тем. Самым проблематичным из них для Соединенных Штатов является перманентно углубляющееся сотрудничество России и Китая. Сложно представить, что стороны пришли к пониманию в этом вопросе. Ослабление отношений с КНР явно не в интересах России, хотя бы уже пото-

му, что президент Д. Трамп покинет Белый Дом в недалекой перспективе, и внешняя политика Соединенных Штатов может измениться до неузнаваемости, а товарищ Си наверняка не ограничится третьим сроком. Равно как и наш президент пришел всерьез и надолго.

Примечательно, что ни в российских, ни в зарубежных средствах массовой информации, ни к применительно к встрече президентов России и США 15 августа, ни в контексте незамедлительно последовавшей за этим встрече ведущих представителей государств Европейского Союза и господина В.А. Зеленского с президентом Д. Трампом три дня спустя, никак не упоминалась Китайская Народная Республика. Тем более, что первопричина кризиса в российско-украинских отношениях, и последовавшее за этим вооруженное отстаивание Россией своей безопасности, состоит в потенциальном расширении Северо-Атлантического блока. На восток, разумеется. Что принципиально неприемлемо для КНР. Будь то AUKUS («Индо-Тихоокеанский НАТО», — по мнению упомянутого министра иностранных дел Китая Ван И [8]) или НАТО в оригинале. Всякое приближение любой военной инфраструктуры к границам некоей территории сокращает полетное время ракет к таковой. Уже поэтому не Китай может безучастно наблюдать за происходящим на Украине. Нелишне вспомнить, что относительно недавно и Грузия грезил вступлением в НАТО будучи еще ближе к КНР. Дурной пример может быть заразителен. Китай вынужден пусть и опосредованно, через помощь России, противодействовать подобным намерениям.

Один из наиболее активных примеров такового противодействия — официально признанное участие вооруженных сил Корейской Народно-Демократической Республики (пусть и ограниченным контингентом) в российско-украинской войне на стороне РФ. Это, безусловно, послание противнику не только самой Северной Кореи, сколько Китая.

В целом, политика Китая, в общих чертах, представляется как достижение баланса в отношениях с Соединенными Штатами Америки, Европейским Союзом и Российской Федерацией. Не отказаться от многовекторного сотрудничества с Россией, но и не расширять его качественно и количественно настолько, чтобы существенно обострить отношения как с США, так и с Западной Европой.

А это весьма непростая задача.

Список литературы

1. Война в Корее. 1950–1953: сборник материалов / под редакцией С. Лотоцкого. — Санкт-Петербург: ООО "Издательство "Полигон", 2000. — с. 16.
2. Там же.
3. Кох, А. Р. Текст записи [Электронный ресурс] // AlfredKochBaern: Telegram-канал. — 2024. — 15 октября. — URL: <https://t.me/AlfredKochBaern/2411> (дата обращения: 29.10.2025).
4. Путин, В. В. [Выступление в эфире телеканала «Россия-24»]. 2025. 22 августа [Электронный ресурс] // Россия-24. — URL: <https://smotrim.ru/russia24> (дата обращения: 29.10.2025).
5. Там же.
6. Маяковский, В. В. Стихи о советском паспорте / В. В. Маяковский // Избранные произведения : в 2 т. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 1. — С. 205–207.
7. Булгаков, М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков. — Москва: АСТ, 2022. — 256 с. — (Эксклюзивная классика). — ISBN 978-5-17-148407-2. 8.CNN.23.05.2022.

References

1. Vojna v Koree. 1950–1953: sbornik materialov / pod redakciej S. Lotockogo. — Sankt-Peterburg: ООО "Izdatel'stvo "Poligon", 2000. —s. 16.
2. Tam zhe.
3. Koh, A. R. Tekst zapisi [Elektronnyj resurs] // AlfredKochBaern: Telegram-kanal. — 2024. — 15 oktyabrya. — URL: <https://t.me/AlfredKochBaern/2411> (data obrashcheniya: 29.10.2025).
4. Putin, V. V. [Vystuplenie v efire telekanala «Rossiya-24»]. 2025. 22 avgusta [Elektronnyj resurs] // Rossiya-24. — URL: <https://smotrim.ru/russia24> (data obrashcheniya: 29.10.2025).
5. Tam zhe.
6. Mayakovskij, V. V. Stihi o sovetskom pasporte / V. V. Mayakovskij // Izbrannye proizvedeniya : v 2 t. — Moskva : Hudozhestvennaya literatura, 1982. — T. 1. — S. 205–207.
7. Bulgakov, M. A. Sobach'e serdce / M. A. Bulgakov. — Moskva: AST, 2022. — 256 s. —

(Eksklyuzivnaya klassika). — ISBN 978-5-17
-148407-2. 8.SNN.23.05.2022.

Сведения об авторе

Лычагин Александр Иванович,

доктор исторических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой восточных языков
и лингвокультурологии Института между-
народных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного уни-
верситета им. Н.И. Лобачевского,
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина 23
E-mail: kaf.vostok@mail.ru

Information about the author

Aleksandr I. Lychagin,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of
the Department of Oriental Languages and Lin-
guoculturology Institute of International Rela-
tions and World History of N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod State University 23 Gaga-
rin Ave., 603022 Nizhny Novgorod,
Russia
E-mail: kaf.vostok@mail.ru,

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

The reflection of Chinese culture in medical proverbs (from P. A. Kornievsky's collection)

Отражение китайской культуры в медицинских пословицах (из коллекции П.А. Корниевского)

София Андреевна Силакова-Макарова

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

Казанский федеральный университет,

Казань, Россия

silakova.sa@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7931-6432>

Sofiya A. Silakova-Makarova

St.-Petersburg State University,

St.-Petersburg, Russia

Kazan Federal University, Kazan, Russia

silakova.sa@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7931-6432>

УДК 94; 39; 811'58 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-122-128](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-122-128)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос влияния китайской культуры на формирование пословиц о медицине, собранных в коллекции русского медика, работавшего в середине XIX в. в Пекине, Петра Алексеевича Корниевского. В представленных пословицах, посвященных поддержанию здоровья, способам лечения болезней, строению тела и течению процессов в организме, отражены основные медицинские, культурные и философские установки китайцев. Научная актуальность связана с недостаточной изученностью данной темы в российском китаеведении. Научная новизна заключается в уникальности использованного источника — неопубликованном черновом варианте статьи П.А. Корниевского — и его введении в научный оборот.

ABSTRACT

The article examines the influence of Chinese culture on the formation of medical proverbs collected by the Russian physician Pyotr Alekseevich Kornevsky, who worked in Beijing in the mid-19th century. The presented proverbs, devoted to maintaining health, methods of treating diseases, body structure and the course of processes in the body, reflect the main medical, cultural and philosophical attitudes of the Chinese. Scientific relevance is associated with insufficient study of this topic in Russian Sinology. Scientific novelty lies in the uniqueness of the source used — an unpublished draft version of the article by P.A. Kornevsky - and its introduction into scientific circulation.

Ключевые слова: Китай; китайская традиционная медицина; культура; пословица; традиция; здоровье

Для цитирования: Силакова-Макарова С.А. Отражение китайской культуры в медицинских пословицах (из коллекции П.А. Корниевского). *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 122–128 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-122-128>

История постоянной работы российских врачей в Китае относится к 1821 г., когда в состав X Пекинской духовной миссии (1821-1830 гг.) архимандрита Петра (Каменского) был включен первый медик О.П. Войцеховский (Скачков 1977, С. 129; Самойлов 2022, С. 35-37). Практика включения в состав Миссии медика оказалась весьма выгодной, поэтому медики входили в состав X-XIV миссий, а после 1860 г. должность врача была перенесена в открывшееся российское посольство в Пекине. Работа российских, как и других европейских медиков, включала в себя не только заботу о больных из числа миссионеров, дипломатических и торговых представителей своих стран и религиозной паствы, но и изучение китайской традиционной медицины (Силакова 2019, С. 65; Дацышен 2012).

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) хранится черновой автограф статьи «Китайские медицинские пословицы», написанный медиком XIV Православной миссии в Пекине (1858-1864 гг.) Петром Алексеевичем Корниевским (Корниевский, 48 л.). Документ представляет собой коллекцию из 126 пословиц на китайском языке,

Keywords: China; Chinese traditional medicine; culture; proverb; tradition; health

For citation: Silakova-Makarova S.A. The reflection of Chinese Culture in medical proverbs (from P. A. Kornievsky's collection). *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№3). P. 122-128 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-122-128>

записанных в столбцы слева направо и сверху вниз, ниже к ним подписаны пояснения, чтение и переводы на русский язык. Все вышеперечисленные статьи относятся к вопросам лечения болезней и проведения профилактики, здорового образа жизни, отношения больного и медика к осуществлению лечения, а также к поверьям, касающимся здоровья. К сожалению, П.А. Корниевский не указывает точные источники, откуда была собрана данная коллекция, однако вероятно, что пословицы были собраны не только из китайских медицинских трактатов, но и из общения с китайскими медиками и лекарями, чью работу он описывал в своих трудах (Корниевский 1877, С. 85-103; Корниевский 1862-1863; Силакова-Макарова 2024, С. 139-142).

При работе с документом нами были отобраны несколько групп наиболее интересных пословиц, способных отразить различные аспекты китайской медицины и народных поверий о здоровье: о привычках китайцев, связанных со здоровьем и лечением; о питании; об устройстве человеческого организма и протекании болезней. Для облегчения понимания

далее в тексте будет приведен упрощенный вариант иероглифов в китайских крылатых выражениях, однако их перевод на русский язык был сохранен в исполнении П.А. Корниевского.

Многие российские медики, работавшие в Пекине, неоднократно отмечали любовь китайцев к различным медицинским процедурам (Силакова-Макарова 2025, С. 41-45; Нагорных 2018, С. 20)). Эта чрезмерность часто приводила к нехорошим последствиям, и зачастую намного безопаснее для человека было не злоупотреблять обращениями к различным лекарям, каждый из которых часто советовал те процедуры, в которых был мастером он сам:

(№34) 有病不治是中医 — «Есть больные, для которых совершенное воздержание от лечения составляет порядочное лечение» (Корниевский, Л. 19 об.).

Несмотря на любовь китайцев к лечению, один из аспектов поддержания здоровья часто игнорировался. Диетические ограничения при той или иной болезни чаще всего не соблюдались, что было непривычным для европейских медиков:

(№10) 治病容易养病难 — «Лечиться очень легко, однако выполнять правила диеты очень сложно». Медик писал: «Ни к кому лучше всех не может относиться эта пословица, как к китайцам, которые лечиться очень любят, но соблюдать диетические правила очень не любят и не могут» (Корниевский, Л. 5 об.).

(№26) 病人不忌口坏了大夫的手 — «Больной, не соблюдающий диетических пред-

писаний медика, портит то, что делает рука его» (Корниевский, Л. 13 об.).

Существовали пословицы, призывавшие заботиться о здоровье заранее, до наступления болезней:

(№119) 五年六月七日八时 — «50-летний должен думать, что будет с ним на следующий год, 60-летний — в следующем месяце, 70-летний — завтра, 80-летний — в следующий час» (Корниевский, Л. 38).

Считалось, что сам медик, несмотря ни на что, должен был бороться за здоровье и жизнь больного. Даже в ситуациях, когда больной был при смерти, необходимо было искать способы облегчить ему страдания. Однако в реальности многие медики не несли ответственность даже за эффективность выписанного лечения (Силакова-Макарова 2025, С. 43; Силакова-Макарова 2023, С. 189-193).

(№35) 死马儿当活马儿治 — «И умершую лошадь надобно пробовать лечить как бы живую. — Медик, несмотря на самые отчаянные состояния больного, не должен отчаиваться, а стараться чем-нибудь помочь больному» (Корниевский, Л. 19 об.).

Тем не менее часто в пословицах встречаются мотивы судьбы, когда человеку предписано умереть, несмотря на все лечение и его заботу о своем здоровье:

(№7) 治的了病治不了命 — «Можно совладать с болезнью, но не совладать с судьбой» (Корниевский, Л. 5).

П.А. Корниевский приводит примеры пословиц о признаках болезней или смерти. Так, признаки водянки отличались для мужчин и для женщин, а перед наступлением смерти больного врачи обращали внимание на движение крови в организме:

(№57) 男怕穿靴女怕戴帽 — «Мужчина должен бояться надеть сапоги, а женщина — шапку. Т.е. при водянке опасно, когда у мужчины опухают ноги, а у женщин лицо и голова» (Корниевский, Л. 23).

(№49) 血止嗽不止终须必是死 — «Когда кровь при кровохарканье остановилась, а кашель нет, больной непременно умирает» (при туберкулезе) (Корниевский, Л. 21).

Также в пословицах отражались популярные концепции и поверья китайской традиционной медицины:

(№99) 远吐不如近吐近吐不如不吐 — «Сплевание слюны на дальнее расстояние хуже плевание вблизи себя, а плевание вблизи себя хуже совершенной воздержанности от плевание» (Корниевский, Л. 33 об.-34). Считалось, что слюна является жидкостью почек, и проглатывание слюны помогает укрепить их. Соответственно, сплевывание может навредить почкам, а плевики на дальнее расстояние также вызывает усилие легких, что крайне негативно отражается на организме.

(№91) 神仙都怕脑后风 — «Сами духи боятся того, чтобы ветер не подул бы в затылок» (Корниевский, Л. 31 об.). Согласно понятиям китайской анатомии, место соединения костей черепа и первых шейных позвонков было

особенно уязвимо к воздействию ветра, который мог вызвать у человека насморк, головную боль и жар.

(№121) 男子之血贵如金, 女子之血贱如水 — «Кровь мужчины так дорога, как золото; кровь женщины так дешева, как вода» (Корниевский, Л. 39). В китайской медицине кровохарканье считалось опасным у мужчин и намного менее опасным у женщин, так как предполагалось, что в мужском теле мало крови, но много воздуха (气), в то время как у женщин в теле мало воздуха, но много крови.

(№84) 小儿能担七分病 — «Ребенок может перенести 7 из 10 болезней» (Корниевский, Л. 28 об.). В Китае считалось, что в теле ребенка достаточно воздуха (气) и крови, они находятся в балансе, а организм намного крепче организма взрослого, поэтому многие болезни ребенок переносит, не замечая их, играя и бегая.

(№53) 月子里的媳妇熬不过八十岁的公公 — «Женщина в послеродовом состоянии (до истечения одной луны) не стоит 80-летнего мужчины» (Корниевский, Л. 22). Считалось, что во время родов женщина потеряла много крови, внутреннего воздуха и внутреннего жара (热). Чтобы восстановиться, ей необходимо беречь свои силы так же, как это необходимо делать пожилым людям.

Китайские медицинские пословицы отражают традиционные взгляды китайских врачей и простого населения на вопросы здоровья, лечения, строения человеческого тела, во многом отличающиеся от мнения европейской медицины по тем же вопросам. Именно поэтому данная тема являлась предметом интереса

европейских и русских врачей, служивших в Китае в XIX-начале XX в.

Согласно собранным и переведенным П.А. Корниевским медицинским пословицам можно составить портрет китайского больного и врача. Китайцы довольно часто обращались за помощью к различного рода лекарям, однако принятые в Европе понятия о соблюдении диеты с пищевыми ограничениями не были популярны, а любовь к лечению часто приводила к злоупотреблению лекарственными средствами, прописанными различными врачами. Китайские врачи обращались к иным способам постановки диагнозов, часто опираясь на понятия о движении крови, внутреннем воздухе и внутреннем жаре, уязвимостях организма перед внешним воздействием.

Список литературы

1. Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. М., 1977. 503 с.
2. Самойлов Н. А. Десятая Пекинская Духовная миссия и ее роль в российско-китайских культурных связях. *Клио*, №5 (185), 2022. С. 33-40
3. Силакова С. А. Деятельность врачей при Русской духовной миссии и изучение традиционной медицины Китая. *Современные востоковедческие исследования*. 2019. Т.1. №3. С. 64-72
4. Дацышен В.Г. Архимандрит Пётр (Каменский) и становление русско-китайского взаимодействия в сфере медицины. *Сибирское медицинское обозре-*
5. *ние*. Т. 78, № 6, 2012. <https://cyberleninka.ru/article/n/arhimandrit-petr-kamenskiy-i-stanovlenie-russko-kitayskogo-vzaimodeystviya-v-sfere-meditsiny> (дата обращения: 08.09.2025).
6. Корниевский П.А. *Китайские медицинские пословицы*. Статья. Черновой автограф. ОР РНБ, ф. 376. Д. 14, 48 л.
7. Корниевский П.А. *Материалы для истории китайской медицины д-ра П.А. Корниевского*. Тифлис: Типогр. Меликова, 1877, 112 с.
8. Корниевский П.А. *Китайский медицинский приказ. Протоколы заседания Общества русских врачей*. СПб, 1862-1863. С. 35-54
9. Силакова-Макарова С. А. Пекин XIX в. в медицинских и топографических заметках П.А. Корниевского. *Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XVII Международной научно-практической конференции*, 2024. С. 139-142
10. Силакова-Макарова С. А. Состояние аптечного дела в Китае второй половины XIX века (по материалам работ российских врачей). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2025. Т. 47, № 4. С. 41-45
11. Нагорных О.С. Система организации аптек в Китае XIX века по свидетельствам русских врачей. *Медицинский альманах*, 2018, №2 (53) . С. 16-18
12. Силакова-Макарова С. А. П.А. Корниевский о китайских медиках XIX в. *Россия —*

Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XVI Международной научно-практической конференции. Казань: Издательство АН РТ, 2023. С. 189-193

References

1. Skachkov P.E. *Essays on the History of Russian Sinology.* Moscow, 1977. 503 p. (In Russ.)
2. Samoilov N.A. The Tenth Beijing Spiritual Mission and its Role in Russian-Chinese Cultural Relations. *Clio*, No. 5 (185), 2022. P. 33-40 (In Russ.)
3. Silakova S.A. Activities of Doctors at the Russian Spiritual Mission and the Study of Traditional Chinese Medicine. *Sovremennye vos-tokovedcheskie issledovaniya*. 2019. Vol. 1. No. 3. P. 64-72 (In Russ.)
4. Datsyshen V.G. Archimandrite Peter (Kamensky) and the Formation of Russian-Chinese Interaction in the Field of Medicine. *Sibirskoye medicinskoe obozrenie*. T. 78, No. 6, 2012. <https://cyberleninka.ru/article/n/arhimandrit-petr-kamenskiy-i-stanovlenie-russko-kitayskogo-vzaimodeystviya-v-sfere-medsiny> (date of access: 09/08/2025). (In Russ.)
5. Kornievskiy P.A. *Chinese medical proverbs.* Article. OR RNB, f. 376. D. 14, 48 p. (In Russ.)
6. Kornievskiy P.A. *Materials for the history of Chinese medicine by Dr. P.A. Kornievskiy.* Tiflis: Typogr. Melikov, 1877, 112 p. (In Russ.)
7. Kornievskiy P.A. Chinese medical order. *Protokoly zasedaniya Obshchestva russkih vrachej*. St. Petersburg, 1862-1863. P. 35-54 (In Russ.)
8. Silakova-Makarova S.A. Beijing of the XIX century in medical and topographic notes of P.A. Kornevsky. *Rossiya - Kitaj: istoriya i kul'tura: sbornik statej i dokladov uchastnikov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 2024. P. 139-142 (In Russ.)
9. Silakova-Makarova S.A. The state of pharmacy business in China in the second half of the 19th century (based on the works of Russian doctors). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025. Vol. 47, No. 4. P. 41-45 (In Russ.)
10. Nagornykh O.S. The system of organization of pharmacies in China of the 19th century according to the testimony of Russian doctors. *Medicinskij al'manah*, 2018, No. 2 (53). P. 16-18 (In Russ.)
11. Silakova-Makarova S.A. P.A. Kornevsky on Chinese doctors of the 19th century. *Rossiya - Kitaj: istoriya i kul'tura: sbornik statej i dokladov uchastnikov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 2023. P. 189-193 (In Russ.)

Сведения об авторе

Силакова-Макарова Софья Андреевна

соискатель ученой степени

Санкт-Петербургский государственный

университет; старший преподаватель

Казанский федеральный университет

silakova.sa@mail.ru

Information about the author

Silakova-Makarova Sofiya

candidate of sciences applicant

St.-Petersburg State University;

senior lecturer

Kazan Federal University

silakova.sa@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

**The jesuit library in Beijing: a free gift
or an entrusted property?**

**Библиотека иезуитов в Пекине: подарок или
ответственное хранение?**

**Арсланова Алсу Айратовна¹,
Успенский Владимир Леонидович²**

¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет

²Санкт-Петербургский государственный
университет

Автор, ответственный за переписку:
v.uspenskiy@spbu.ru

**Alsu A. Arslanova,
Vladimir L. Uspensky**

¹Казанский (Приволжский) федеральный
университет

²Санкт-Петербургский государственный
университет

Автор, ответственный за переписку:
v.uspenskiy@spbu.ru

УДК 294.321 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-129-136](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-129-136)

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен прояснению вопроса: библиотека иезуитов, находившаяся в Пекине с XVII в., в 30-е гг. XIX в. была подарена Российской духовной миссии в Китае или передана ей на хранение? В 1860 г., когда католическим миссионерам было разрешено вернуться в Китай, эта библиотека была им возвращена. Этот факт считается подтверждением того, что библиотека находилась на хранении в Российской миссии. Однако выдающиеся русские востоковеды О.М. Ковалевский и В.П. Васильев оставили свидетельства того, что библиотека была католиками подарена. Поэтому целый ряд книг на европейских и китайском языках были отправлены в Россию еще при жизни последнего католического епископа Перейры. Сейчас эти книги со штампами Ордена иезуитов хранятся

ABSTRACT

The present paper is an investigation into the question of whether the Jesuit Library, which has existed in Beijing since the seventeenth century, was donated or, alternatively, passed to the Russian Ecclesiastical Mission in the 1830s as an entrusted property. When Roman Catholic missionaries were allowed to return to China in 1860 this library was returned to them. This evidence is regarded by some as a confirmation that the library was only entrusted temporarily to the Russian Mission for safekeeping. However, the renowned Russian orientalists, J.Kowalewski and V.Vasilyev, who witnessed these events, left testimonies that the library was presented to the Russian Ecclesiastical Mission as a gift by the Roman Catholics. As a logical outcome of the ownership of the contents of the library some books in Chinese and in

в библиотеках Казанского и Санкт-Петербургского университетов.

Ключевые слова: иезуиты, Пекин, миссионеры, библиотеки,

Для цитирования: Арсланова А.А., Успенский В.Л. Библиотека иезуитов в Пекине: подарок или ответственное хранение? *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 129-136 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-129-136>

Католическая миссия в Китае, которая берет свое начало в конце XVII в., добилась в последующие века ощутимых успехов как в пропаганде христианства, так и в установлении влияния на жизнь Китая. Движущей силой миссии были представители Ордена иезуитов (Общества Иисуса), которые были не только проповедниками, но и специалистами в различных науках: астрономии, математике, географии, медицине. Познакомив китайцев с достижениями европейской науки, иезуиты сумели добиться значительного авторитета даже у правителей Китая.

Однако не следует считать, что положение иезуитов в Китае всегда было устойчивым и беспроблемным. Догматы христианства входили в противоречие с традиционными китайскими верованиями и представлениями (особенно это касается культа предков). Поэтому время от времени властями предпринимались действия, направленные на ограничение деятельности католических миссионеров.

European languages were sent to Russia even during the lifetime of Archbishop Pereira – the last bishop of Beijing. Now these books which bear the seal stamps of the Society of Jesus are kept in the libraries of Kazan and Saint Petersburg Universities.

Keywords: Jesuits, Beijing, missionaries, libraries.

For citation: Arslanova A.A., Uspensky V.L. The jesuit library in Beijing: a free gift or an entrusted property? *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (3). P. 129-136 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-129-136>

Наконец, императоры Цзяцин (гг. правл. 1797–1820) и его преемник император Даогуан (гг. правл. 1821–1850) решили положить конец католической миссии в Китае. Все четыре католических храма Пекина были закрыты: Ситан 西堂 в 1811 г., Дунтан 東堂 в 1812 г., Бэйтан 北堂 в 1820 г. и Наньтан 南堂 в 1838 г. В 1814 г. был издан императорский указ о запрете христианства и высылке католических миссионеров; в 1821 г. этот указ был подтвержден. В Пекине смог остаться только его последний епископ португалец Гаэтано Пирес Перейра (Gaetano Pirès Pereira; 1763–1838), поскольку китайские власти решили проявить уважение к его преклонному возрасту.

За два столетия у католической миссии накопились огромные богатства, которые заключались не только в деньгах, но и зданиях и земельных участках. Имущество, находившееся в Пекине и его окрестностях, было передано Российской православной духовной миссии в Китае, которая вела свою историю с 1685 г.

Взаимоотношения между православной и католической миссиями не всегда были гладкими. Еще в 1698 г., узнав о постройке русской церкви в Пекине, Петр I дал следующую инструкцию: «И то дело зело изрядно; только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также иезуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют» [5, с. 37]. Однако сотрудники русской миссии отнесли к епископу Перейре весьма гуманно, обеспечив ему достойное проживание и погребение.

Среди переданного католиками имущества была и богатейшая библиотека, в которой имелись книги на европейских и китайском языках. Эта библиотека была каталогизирована в 40-е гг. XIX в. студентом миссии и в будущем крупным дипломатом И.А. Гошкевичем (1814–1875). В 1860 г., когда после «опиумных войн» католические миссионеры смогли вернуться в Китай, русский посланник Н.П. Игнатьев возвратил им эту библиотеку [5, с. 149].

Однако со статусом этой библиотеки возникают вопросы, поскольку не сохранилось никаких документов о ее передаче. Китайская исследовательница Лю Жомэй 柳若梅 проанализировала свидетельства католических миссионеров и русские материалы, хранящиеся в Архиве МИД РФ. Из этого исследования можно сделать вывод, что библиотека была передана католиками только на хранение, и что епископ Перейра «поручил присмотр за этими книгами»

русской миссии [3, с. 141]. 43 книги на европейских языках (в т.ч. 9 инкунабул) были в 1849 изъяты и отправлены в библиотеку Пулковской обсерватории [3, с. 146–147].¹

Однако сохранились свидетельства великих отечественных востоковедов О.М. Ковалевского и его ученика В.П. Васильева, современников и очевидцев тех событий. Они утверждали, что библиотека была *подарена* католиками русской миссии.

О.М. Ковалевский находился в Пекине с ноября 1830 по июль 1831 гг. Необходимо отметить, что сам Ковалевский был католиком и принимал активное участие в жизни католической общины Казани [4, с. 388]. Поэтому, всё, что было связано с историей и положением католичества в Китае, вызывало у него большой интерес. Во время своего пребывания в Пекине он постоянно общался с епископом Перейрой, от которого получил много ценной информации. Процитируем некоторые дневниковые записи Ковалевского.

«Во время гонения русские явились защитниками осиротевших католиков в Китае; они сохранили храм и здания миссионерские от расхищения; утешали епископа и его паству. Библиотека огромная *пожертвована* [курсив наш – А.А., В.У.] нашей Миссии, и самая большая часть имений в земли и лавках дешево оной продана или уступлена под условием. Сии тесные обстоятельства европейцев более сблизили их с русскими, от знакомства коих прежде

¹ Авторы не располагают информацией о судьбе этих книг. По-видимому, эти книги вошли в «Фонд Струве», названный так по имени первого директора Пулковской обсерватории академика В.Я. Струве (1793–1864). 5 февраля 1997 г. библиотека сильно пострадала от пожара. По сообщениям СМИ, инкунабулы хранились отдельно и не пострадали.

бегали» [2, с. 121-122].

Из этого свидетельства Ковалевского следует, что все прочие виды своей собственности католики продали русской миссии, а библиотеку передали безвозмездно. Более того, в разных местах своих дневников Ковалевский писал, что он брал книги и рукописи иезуитской библиотеки и вывез их в Россию [7, с. 147-148]. В записи от 9 ноября 1831 г. Ковалевский перечислил список книг на европейских языках, которые он приготовил к отправке в Казанский университет [2, с. 249-250; 7, с. 147-148]:²

1. *Informatio pro veritate contra iniquiorem famam sparsam per Sinas cum calumnia PP. Societ. Jesu, et detrimento Missionis comunicata Missionariis in imperio Sinensi anno 1717.*

«Информация, опровергающая несправедливые слухи, распространявшиеся по всему Китаю с клеветой на Общество Иисуса и наносившие ущерб миссии. Доведена до сведения миссионеров в Китайской империи». 1717 год.

Эта книга является исключительно редкой, т.к. была напечатана в Пекине ксилографическим способом и вскоре была внесена в папский «Индекс запрещенных книг». Ее автором является иезуит Я.К. Штумпф (Stumpf; 1655-1720).

2. *Brevis relatio eorum, quae spectant ad declarationem Sinarum Imperatoris Kam-Hi circa Caeli, Confucii et Avorum cultum, datam anno 1700. Accedunt Primatum Doctissimorumque Virorum et antiquissimae Traditionis testimonia, opera PP. Soc. Jesu Pekini pro Evangelii propagatione laborantium.*

«Краткое изложение того, что касается указа китайского императора Канси относительно поклонения Небу, Конфуцию и Предкам, данной в 1700 году. Приложены свидетельства примасов и наиболее ученых людей, а также древнейшего Предания, дела Отцов Общества Иисуса в Пекине, трудившихся ради распространения Евангелия».

3. *Epochae celebrioris, Astronomis, Historicis, Chronologis, Chataiorum, Syro-Graecorum, Arabum, Persarum, Chorasmiorum usitatae: ex traditione Ulug Beigi cum comment. Joh. Gravici, Londini 1650.* 4°

Персидский текст и комментированный латинский перевод знаменитых астрономических таблиц внука Амира Тимура, правителя Мавераннахра султана Мухаммад Тарагая Улугбека — «Зидж-и джадид-и султани» («Новые султанские таблицы»).

Chorasmiae et Mavaralnahrae h.e. regionum extra fluvium Oxum description, ex tabulis Abulfedae Ismaelis Principis Hamah. Londini 1650. 4° (Описание Хорасана и Мавераннахра, то есть областей за рекой Окс, из таблиц Абульфеда Исмаила, правителя Хама)

Раздел из географического справочника XIV в. «Таквим ал-Булдан» («Упорядочение стран») Абу-л-Фиды Исма'ила ал-Малика ал-Му'аййада.

«эти две книги переплетены в одну».

² Названия книг приведены в той форме, в которой они написаны самим Ковалевским.

4. *Viaggi di Moscovia degli anni 1633, 1634, 1635 e 1636. libri tre cavati dal Tedesco*, in Viterbo 1658. in 4° maiori.

«Путешествия по Московии в 1633, 1634, 1635 и 1636 годах». Перевод на латинский язык труда Адама Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию В 1633, 1636 И 1638 годах составленное секретарем посольством Адамом Олеарием».

5. *Thomae a Kempis de imitatione Christi libri quatuor de latino in arabicum versi a P.F. Coelestino a S. Liduina Carmelita Discalceato*. Roma. 1763. 8°

Фома Кемпийский (1379–1471). «О подражании Христу». Перевод с латинского на арабский. Рим. 1763.

6. *Compendiosa narratione dello Stato della Missione Cinese, cominciando dall'anno 1581 fino al 1669 offerta in Roma, dal P. Prospero Intorcetta*. Roma 1672. 8° min.

«Краткий отчёт о состоянии Китайской миссии с 1581 по 1669 год, составленный в Риме отцом Просперо Инторчеттой». Рим, 1672. 8 мин.

7. *Abdallae Beidavaei historia Sinensis, persice e gemino manuscripto edita, latine quoque red-dita ab Andrea Mullero*. Jenae 1689. 4°

Перевод на латинский язык 8-й главы («Китай») исторического сочинения «Сад ученых» Абу Сулеймана Бенакети (ум. 1330).

Все эти книги достигли Казани и были зарегистрированы в «Документальном каталоге Императорского Казанского университета»

12 мая 1832 г. с пометкой: «Преподнесены в дар Г[осподином] кандидатом Ковалевским». На этих книгах имеются печати библиотеки Ордена иезуитов и Императорского Казанского университета. Эти книги благополучно сохранились до нашего времени.

Поскольку Ковалевский вывез из Пекина книги материалы из библиотеки иезуитов еще при жизни епископа Перейры, то нет никаких сомнений, что возражений по этому поводу со стороны последнего католического иерарха не возникало. Известно, что Ковалевский собирался писать историю католичества в Китае и собрал в Пекине большое количество материалов. Однако значительная часть его книг и рукописей сгорела в Варшаве в 1864 г. при подавлении польского восстания. Видимо, среди них были и книги из библиотеки иезуитов.

В 1840 г. в Пекин отправился ученик Ковалевского будущий академик В.П. Васильев, который пробыл там почти десять лет. Он собрал богатую коллекцию книг на различных восточных языках. В большой статье, посвященной этим книгам, он писал: «последние католические миссионеры, уезжая навсегда из Пекина, передали все духовное имущество свое в руки миссии и подарили [курсив наш — А.А., В.У.] миссионерам превосходное собрание как европейских, так и китайских книг, даже со шкафами» [1, с. 321]. Эта статья была переведена на французский язык и опубликована в Петербурге. В переводе библиотека иезуитов названа «подарком» (cadeau), что исключает какие-либо иные истолкования слов Васильева [8, с. 581].

Кроме того, в указанной статье Васильева содержится следующая любопытная информация. В 1837 г. в Казанском университете была открыта кафедра китайского языка, «и тогдашний преподаватель о. архимандрит Даниил уступил Казанскому университету все свои книги (за 4000 р[ублей] асс[игнациями]); с этого времени должно положить настоящее начало собрания китайских книг. Библиотека о. Даниила состояла большею частью из классических и философских книг, а более всего из книг христианского содержания и изданных или переведенных как нашими духовными лицами миссии, так и католическими проповедниками» [1, с. 321]. Васильев предположил, именно из книг, хранившихся в подаренной библиотеке иезуитов, «и составил о. Даниил свою коллекцию» [1, с. 322]. В 1855 г. коллекция книг на восточных языках была перевезена в Петербург, и ныне хранится в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. К сожалению, полный каталог старинных китайских книг отсутствует, однако было обнаружено некоторое количество книг с печатью Ордена иезуитов [6, с. 76–77].

На основе вышеперечисленных материалов и свидетельств можно сделать следующие выводы:

1. Библиотека иезуитов была подарена русской духовной миссии;

2. Сотрудники миссии имели возможность брать в личное пользование и вывозить в Россию интересующие их книги и рукописные материалы из библиотеки иезуитов.

Определить точное количество книг, которые находились в этой библиотеке, не представляется возможным, т.к., по-видимому, вывозимые в Россию книги не регистрировались. Инвентаризация библиотеки была проведена лишь через 20 лет после ее передачи русской духовной миссии.

Список литературы

1. Васильев В.П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский Вестник. – 1857. – Т. 11. № 7. С. 305–343.
2. Ковалевский О.М. Dziennik zatrudnień. 1830–1831. Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 10. Опись 5. Ед. хр. 843а.
3. Лю Ж. Изыскания о каталоге книг библиотеки Северного собора (Бэйтан) из собрания архива Министерства иностранных дел РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2019. – Т. 11. Вып. 2. – С. 140–151.
4. Мазгаров А.М. (ред.). Татарстан: Иллюстрированная энциклопедия. Казань, 2013.
5. Скачков П.Е. Очерки истории русского киритаеведения. М., 1977.
6. Успенский В.Л. (ред.). Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. СПб., 2014.
7. Uspensky V. Józef Kowalewski's Studies on the History of Catholicism in China // Rocznik orientalistyczny. – 2019. – T.72. Fasc. 2. – P. 134–151.

8. Wassiliew. Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la bibliothèque de l'université de Saint-Pétersbourg // Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. – 1856. – Т. 11. 6e livraison. P. 562–607.

References

1. Vasil'ev V.P. Zapiska o vostochnyh knigah v S.-Peterburgskom universitete // Russkij Vestnik. – 1857. – Т. 11. № 7. S. 305–343.
2. Kovalevskij O.M. Dziennik zatrudnień. 1830–1831. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan. Fond 10. Opis' 5. Ed. hr. 843a.
3. Lyu ZH. Izyskaniya o kataloge knig biblioteki Severnogo sobora (Bejtan) iz sobraniya arhiva Ministerstva inostrannyh del RF // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. – 2019. – Т. 11. Вып. 2. – S. 140–151.
4. Mazgarov A.M. (red.). Tatarstan: Illyustrirovannaya enciklopediya. Kazan', 2013.
5. Skachkov P.E. Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya. M., 1977.
6. Uspenskij V.L. (red.). Rukopisi i ksilografy na vostochnyh yazykah v Nauchnoj biblioteke im. M.Gor'kogo SPbGU. SPb., 2014.
7. Uspensky V. Józef Kowalewski's Studies on the History of Catholicism in China // Rocznik orientalistyczny. – 2019. – Т.72. Fasc. 2. – P. 134–151.

8. Wassiliew. Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la bibliothèque de l'université de Saint-Pétersbourg // Mélanges asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. – 1856. – Т. 11. 6e livraison. P. 562–607.

Сведения об авторах

Арсланова Алсу Айратовна

к.и.н., ведущий библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Казанского (Приволжского) федерального университета,
отдел рукописей и редких книг
alsuarslanova044@mail.ru

Успенский Владимир Леонидович

д. и. н., профессор
Кафедра монголоведения и тибетологии
Санкт-Петербургский государственный университет
v.uspenskiy@spbu.ru

Information about the authors

Alsu A. Arslanova

PhD in History, Leading Bibliographer of the Department
of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library
named after N. I. Lobachevsky Kazan (Volga Region) Federal University
alsuarslanova044@mail.ru

Vladimir L. Uspensky

Ph.D. in History, Professor

Department of Mongolian and Tibetan Studies

Saint Petersburg State University

v.uspenskiy@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

The confrontation between China and the United States over the Pacific Islands

Противостояние Китая и США за острова Тихого океана

**Аликберова Альфия Рафисовна,
Балакин Дмитрий Александрович**

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет*

*Автор, ответственный за переписку:
alfiakasimova@gmail.com*

**Alfiya R. Alikberova,
Dmitry A. Balakin**

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

*Corresponding author:
alfiakasimova@gmail.com*

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-137-145](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-137-145)

АННОТАЦИЯ

Представленная работа посвящена островным государствам Тихого океана, представляющие одну из ключевых зон китайско-американского противостояния. Актуальность данной темы обусловлена доминирующей позицией США в мире, а также растущей ролью в системе международных отношений КНР, способной кардинально переключить геополитический баланс в регионе. В последнее десятилетие стабильность в Тихоокеанском регионе постепенно ухудшалась из-за усиления противостояния ключевых игроков в этом регионе. Китай выдвигает обвинения союзникам и партнерам США в милитаризации островов и стремлении к региональной гегемонии, а Соединенные Штаты, пытаются «разыграть карту» Тихоокеанского региона с целью сдерживания роста

ABSTRACT

The presented work is devoted to the island states of the Pacific Ocean, representing one of the key zones of the Sino-American confrontation. The relevance of this topic is due to the dominant position of the United States in the world, as well as the growing role of China in the system of international relations, which can radically reshape the geopolitical balance in the region. Over the past decade, stability in the Pacific region has gradually deteriorated due to the increasing confrontation between key players in the region. China accuses US allies and partners of militarizing the islands and striving for regional hegemony, while the United States is trying to "play the card" of the Pacific region in order to curb China's growth as a maritime power. All sides have reasons to maintain and expand their military and economic presence on

Китая как морской державы. У всех сторон есть причины сохранять и расширять свое военное и экономическое присутствие на островах Тихого океана и одной из основных причин — контроль над морскими транспортными коммуникациями. В ходе исследования проанализирована поведение, тактические шаги во взаимодействии с Китаем и США, способные повлиять на баланс сил в регионе.

Ключевые слова: китайско-американское противостояние, островные государства, Тихий океан, Китай, США.

Для цитирования: Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Противостояние Китая и США за острова Тихого океана. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 137-145 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-137-145>

Акватория Тихого океана представляет собой крупнейший водоём на планете, играя важнейшую роль в формировании глобальной политики. Его обширные просторы и стратегическое расположение на протяжении веков делали его центром экономической, военной и политической деятельности. Характеризуя тихоокеанский регион, можно выделить несколько особенностей, которые представляют собой базисные точки опоры.

Во-первых: темпы экономического роста государств тихоокеанского региона, которые превышают среднемировые. Во-вторых: торговые связи, позволяя государствам интегрироваться в мировую экономику расширяя рынки сбыта произведенной продукции и увеличивая

the Pacific islands, and one of the main reasons is control over maritime transport communications. The study analyzes the behavior and tactical steps in cooperation with China and the United States that can affect the balance of power in the region.

Keywords: Sino-American confrontation, island states, Pacific Ocean, China, USA.

For citation: Alikberova A.R., Balakin D.A. The confrontation between China and the United States over the Pacific Islands. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (3). P. 137-145 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-137-145>

благосостояние населения. В-третьих: формирование источников роста. На примере Китая, Японии, Индонезии и других азиатских стран можно наблюдать новые подходы, идеи, способствующие созданию новых точек роста экономики через использования внутренних ресурсов и увеличения доли затрат на НИОКР. В-четвертых: коалиционный потенциал. Современное развитие демонстрирует импульс к стремлению создания региональных блоков с целью усиления взаимодействия и сотрудничество для противостояния более крупным игрокам.

В Тихом океане проходят множество морских торговых путей, позволяя развивать трансграничные взаимодействия между различными государствами. Занимая ключевое

для мировой торговли, эти пути оказывают значительное влияние на расстановку сил в регионе. Усиление конкуренции между ведущими государствами в ключевых узловых точках, позволяет не только контролировать транспортные артерии, но и формировать новые рынки, что в условиях жесткой глобальной конкуренции и тотальных ограничений представляют собой ключ к устойчивому развитию государства.

Акватория Тихого океана богата природными ресурсами. Сочетание использования ресурсного и транспортного фактора стало причиной активных действий КНР и США за усилением влияния над этим регионом. Эксплуатация этих ресурсов приводит к возникновению локальных конфликтов. Усилилось напряжение между тихоокеанскими странами из-за контроля над биологическими ресурсами в первую очередь это касается рыбного промысла, также поиск новых источников нефти и газа приводят к обострению территориальных споров.

КНР и США рассматривают усиление влияния на островные государства Тихого океана в качестве своих стратегических интересов в южной части Тихого океана, используя все имеющиеся в своем арсенале инструменты «мягкой силы», а также инфраструктурные проекты, в частности Китай в рамках инициативы «Один пояс, один путь» аккумулирует необходимые ресурсы для систематических усилий к повышению своего присутствия на островах. Однако в настоящий момент ни одна из

сторон не добилась решающего превосходства. Одна из причин статус-кво заключается в прагматичной политике тихоокеанских стран. Данная политика направлена на поиск приемлемого баланса в отношениях с крупными игроками играя на их противоречиях получая максимальную выгоду и приемлемый результат стремясь при этом сохранить свою субъективность и стабильность.

Однако в усиливающемся китайско-американском противостоянии можно выделить ряд факторов, которые могут иметь противоположные, но в тоже время взаимосвязанные грани, своего рода две стороны одной медали для островных государств, особенно когда в ход идут различные механизмы оказания внешнего давления.

В период президентства Джо Байдена стратегия в регионе определялась созданием военно-политический блоков с региональными государствами. Основной целью, которую преследовала американская стратегия, состояла в чтобы минимизировать растущие влияние КНР в данном регионе.

Одним из основных краеугольных камней в китайско-американском противостоянии в южной части Тихого океана является Тайваньская «проблема». Тайвань является одной из главных точек напряжения.

Крупно масштабные учения КНР в ответ на провокационный визит спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси на Тайвань в августе 2022г.¹, привел к новому витку

¹ Визит Нэнси Пелоси на Тайвань. [Электронный ресурс] /РБК. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62e91a819a794747582ae47b> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

противостояния в двусторонних отношениях.

КНР и США в основном придерживаются политики сдерживания и эскалации, вовлекаясь в конфронтационный цикл действий и реакций, создавая дилемму безопасности, которая потенциально приводит к дестабилизации, поскольку она создает негативную спираль возрастающей враждебности и недоверия в действиях друг друга. В результате вопрос доверия занимает центральное место в китайско-американских отношениях.

В сложившейся ситуации Китай приложит все усилия для реализации принципа «одного Китая». Тем временем Соединённые Штаты не видят причин пересматривать свою риторику в адрес Пекина.

С целью снижения градуса напряжения в вопросе Тайваня и Китая, и США должны осознать опасность своего поведения и продемонстрировать готовность к инициативам по обеспечению безопасности, направленным на устранение недоверия и сдержанности другой стороны. Такие инициативы должны быть сосредоточены на восстановлении политического взаимопонимания, которое позволило обеспечить прозрачные и понятные действия, а также признание США суверенитета Китая над островом, поддерживая принцип «одного Китая», а Пекин должен убедить мировое сообщество к отказу обращения силовыми методами для решения вопроса статуса Тайваня. По сути, Тайвань — это политический вопрос, который необходимо поддерживать в стабильном состоянии или решать в первую очередь с помощью надёжных поли-

тических и дипломатических мер, включая заверения и сдерживающие сигналы.

Как для Тайваня, так и для небольших островных государств Тихоокеанского региона растущее соперничество между Соединёнными Штатами и Китаем открывает как значительные возможности, так и риски, вынуждены ориентироваться в сложной геополитической обстановке, балансируя между экономическими связями с Китаем и партнёрством в сфере безопасности с Соединёнными Штатами.

В мае 2017 г., после государственного визита премьер-министра Фиджи в КНР, Фиджи закрыло своё представительство на Тайване, которое было открыто в 1997 году. В ноябре 2017 года, в рамках турне по Тихоокеанскому региону президента Тайваня Цай Инвэнь посетил Палау. В ответ Китай, запретил туристическим группам посещать Палау, пытаясь оказать давление на Палау. В сентябре 2019 г. правительство Соломоновых островов разорвало дипломатические отношения с Тайванем и признало КНР.

Островные государства сталкиваются с постоянным проявлением интереса со стороны Китая и США, во многом обусловленных их стратегическим расположением в Тихом океане. Инвестиционные проекты Китая, направленные на развитие ключевых инфраструктурных объектов, приводит к риску финансовой зависимости от КНР и потери контроля над собственными ресурсами.

Государства Тихоокеанского региона обращаются к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), ведущую

роль в котором играет Китай. По состоянию на февраль 2024 г. Банк одобрил финансирование 256 проектов на общую сумму 50,91 млрд долл. США². Помимо торгово-экономических инструментов, активно действует инструменты мягкой силы. Расширение контактов между гражданами Китая и странами южной части Тихого океана вызывает беспокойство у США. Китайский туризм становится всё более важным источником дохода для островных государств южной части Тихого океана. Увеличение числа китайских иммигрантов в странах южной части Тихого океана, особенно в Австралии, вызывает опасения, что Китай может вмешаться во внутреннюю политику этих стран, установив экономические связи с прокитайскими силами внутри стран.

В ответ на расширение присутствия Китая Соединённые Штаты вновь обратили внимание на острова Тихого океана, возобновив работу посольств и предложив экономическую помощь для противодействия китайскому влиянию. Хотя США стремятся сохранить своё влияние с помощью программ гуманитарной помощи, партнёрских

отношений в сфере безопасности и стратегического взаимодействия, однако уровень финансового и торгового сотрудничества значительно уступает количеству и масштабом китайских проектов.

В апреле 2022г, Соломоновы Острова подписали соглашение о безопасности с Китаем³. Данное соглашение вызвало серьёзные опасения со стороны США, на предмет размещения морской базы КНР, которую можно будет использовать для блокирования морских торговых коммуникаций в южной части Тихого океана. Серьёзность опасений было продемонстрировано срочным визитом спустя несколько дней координатора Совета национальной безопасности США по Индо-Тихоокеанскому региону Курта Кэмпбелла⁴ с целью оказания давления на Соломоновы Острова в части отказа от подписания договора с КНР.

Ещё одно столкновение интересов на Соломоновых Островах происходит в экономической сфере. Если рассматривать через призму матрицы рисков, то торгово-экономическую сферу можно отнести к источнику низких и незначительных рисков,

²Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. [Электронный ресурс] / МИД РФ. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1936859/ (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

³Solomon Islands-China security cooperation signed. [Электронный ресурс] /Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/solomon-islands-china-security-cooperation-signed/> Дата обращения: 20.10.2025 г.)

³Solomon Islands – United States bilateral talks a success: us committed to do more. [Электронный ресурс] / Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/2022/04/> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

⁴Solomon Islands – United States bilateral talks a success: us committed to do more. [Электронный ресурс] / Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/2022/04/> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

но при этом высокой долей вероятности возникновения. Экспертно-аналитический центр США Института Брукингса, в своих аналитических статьях все больше описывают негативную для США динамику соотношения экономических, научно-технических, военно-стратегических и политических потенциалов КНР и США⁵.

В марте 2023 года Соломоновы Острова объявили, что китайская компания China Civil Engineering Construction выиграла тендер на 170 млн.долл⁶ на модернизацию международного порта в столице Хониаре в рамках проекта финансируемого Азиатским банком развития, что является крупной победой КНР, стремящийся получить крупный инфраструктурный объект в южной части Тихого океана.

Интересы двух стран также сталкиваются на острове Фиджи. В феврале 2022г., госсекретарь США Энтони Блинкен посетил Фиджи, где провел переговоры с исполняющим обязанности премьер-министра Фиджи Айязом Сайед-Хайюмом⁷. Госсекретарь США Энтони Блинкен — самый высокопоставленный американский чиновник, посетивший Фиджи почти за четыре десятиле-

тия. Выбор Фиджи подчёркивает стратегически важное положение этой страны в регионе. Визит госсекретаря США совпал обнародованием президентом США Джо Байденем стратегию США в отношении регионов Тихого и Индийского океанов, направленную на укрепление военных союзов и партнёрских отношений против России и Китая в Азии и на международном уровне.

Во время визита госсекретаря США в столицу Фиджи — Тонгу прибыл флот китайских военных кораблей для доставки гуманитарной помощи пострадавшим от цунами. В январе 2023г., США завершили модернизацию военно-морской базы на острове Гуам, где размещаются более пяти тысяч военных и специалистов⁸. В конце 2024г., США завершили работы по строительству перрона для стоянки военных самолётов, рулѐжную дорожку и стационарных комплексов по хранению топлива. В марте 2023г., США продлили договора о свободной ассоциации с Федеративными Штатами Микронезии, Республикой Маршалловы Острова, Республикой Палау. Согласно договорам о свободной ассоциации,

⁵ Brookings Institution History. [Электронный ресурс] /Brookings. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/about-us/brookings-institution-history> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

⁶ Government commits to USD 170 million creating more employment opportunities. [Электронный ресурс] / Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/government-commits-to-usd-170-million-creating-more-employment-opportunities/> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

⁷ US secretary of state visits Fiji, escalating confrontation with China. [Электронный ресурс] /World Socialist. – Режим доступа: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/02/15/fiji-f15.html> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

⁸ US Reactivates a New 'Forward Base' In Guam As Japan-Funded Project Aims To Check PLA. [Электронный ресурс] /Eurasian Times. – Режим доступа: <https://www.eurasiantimes.com/more-firepower-against-china-us-forward-base-in-guam/> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

Вашингтон обеспечивает финансовую поддержку тихоокеанским странам. В обмен государства предоставляют доступ для размещения военно-морских баз США, с правом блокирования доступа в эти страны для любых сторонних военных сил без согласия США.

На Маршалловых островах располагается военный контингент США, где расположен испытательный полигон баллистических ракет имени Рональда Рейгана. В Республике Палау завершили размещения высокоточную радиолокационную систему стоимостью 197 млн.долл., предназначенной для обнаружения воздушных и наземных целей.

Несмотря на конфронтационный характер отношений между Пекином и Вашингтоном, существуют точки соприкосновения для формирования условий краткосрочного сотрудничества в таких областях, как изменение климата и охраны окружающей среды, вопросы здравоохранения и контроль за нераспространением ядерного оружия. Участие в диалоге по этим вопросам может стать основой для объединения усилий направленных на решении этих проблем.

В конечном счёте, стабильный и процветающий Тихоокеанский регион требует приверженности диалогу, взаимного уважения и соблюдения международных норм. Сможет ли это видение реализоваться в условиях растущей напряжённости, остаётся открытым вопросом, но это цель, к которой стоит стремиться.

Список литературы

1. Визит Нэнси Пелоси на Тайвань. [Электронный ресурс] /РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62e91a819a794747582ae47b> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
2. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. [Электронный ресурс] / МИД РФ. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1936859/ (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
3. Solomon Islands-China security cooperation signed. [Электронный ресурс] /Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/solomon-islands-china-security-cooperation-signed/> Дата обращения: 20.10.2025 г.)
4. Solomon Islands – United States bilateral talks a success: us committed to do more. [Электронный ресурс] / Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/2022/04/> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
5. Brookings Institution History. [Электронный ресурс] /Brookings. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/about-us/brookings-institution-history> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
6. Government commits to USD 170 million creating more employment opportunities. [Электронный ресурс] / Solomon Islands Government. – Режим доступа: <https://solomons.gov.sb/government-commits-to-usd-170-million-creating-more-employment>

- opportunities/ (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
7. US secretary of state visits Fiji, escalating confrontation with China. [Электронный ресурс] /World Socialist. — Режим доступа: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/02/15/fiji-f15.html> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
8. US Reactivates a New 'Forward Base' In Guam As Japan-Funded Project Aims To Check PLA. [Электронный ресурс] / Eurasian Times. — Режим доступа: <https://www.eurasiantimes.com/more-firepower-against-china-us-forward-base-in-guam/> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)
4. Solomon Islands — United States bilateral talks a success: us committed to do more. [Elektronnyj resurs] / Solomon Islands Government. — Rezhim dostupa: <https://solomons.gov.sb/2022/04/> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
5. Brookings Institution History. [Elektronnyj resurs] /Brookings. — Rezhim dostupa: <https://www.brookings.edu/about-us/brookings-institution-history> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
6. Government commits to USD 170 million creating more employment opportunities. [Elektronnyj resurs] / Solomon Islands Government. — Rezhim dostupa: <https://solomons.gov.sb/government-commits-to-usd-170-million-creating-more-employment-opportunities/> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
1. Vizit Nensi Pelosi na Tajvan'. [Elektronnyj resurs] /RBK. — Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62e91a819a794747582ae47b> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
2. Aziatskij bank infrastrukturyh investicij. [Elektronnyj resurs] / MID RF. — Rezhim dostupa: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1936859/ (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
3. Solomon Islands-China security cooperation signed. [Elektronnyj resurs] /Solomon Islands Government. — Rezhim dostupa: <https://solomons.gov.sb/solomon-islands-china-security-cooperation-signed/> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
7. US secretary of state visits Fiji, escalating confrontation with China. [Elektronnyj resurs] / World Socialist. — Rezhim dostupa: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/02/15/fiji-f15.html> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)
8. US Reactivates a New 'Forward Base' In Guam As Japan-Funded Project Aims To Check PLA. [Elektronnyj resurs] /Eurasian Times. — Rezhim dostupa: <https://www.eurasiantimes.com/more-firepower-against-china-us-forward-base-in-guam/> (Дата obrashcheniya: 20.10.2025 g.)

References

Сведения об авторах

Аликберова Альфия Рафисовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ

E-mail: alfiakasimova@gmail.com

Балакин Дмитрий Александрович,

старший преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ

Information about the authors

Alfiya R. Alikberova,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of the KFU

E-mail: alfiakasimova@gmail.com

Dmitry A. Balakin,

Senior Lecturer at the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies at the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of the KFU

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Daizu ethnic group of Yunnan province in the studies of the Chinese historian Fang Guoyu (1903-1983)

Народ дайцзу провинции Юньнань в исследованиях историка Фан Гоюя (1903-1983)

Завидовская Екатерина Александровна,

Институт Китая и современной Азии РАН,

Брянский государственный университет

Автор, ответственный за переписку:

katushaza@yahoo.com

Ekaterina A. Zavidovskaya

Institute of China and Modern Asia of the RAS,

Bryansk State University

Corresponding author:

katushaza@yahoo.com

УДК 821.581+929 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-146-153](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-146-153)

АННОТАЦИЯ

С 1936 по 1957 год китайский историограф Фан Гоюй (1903-1983), представитель народности наси и житель провинции Юньнань, вел сбор и обработку китайских исторических источников с целью исследования тайских народов Юньнани в эпоху Юань. Он посвятил всю жизнь подготовке многотомного «Собрания материалов по истории Юньнани» (Юньнань шилiao цункань 雲南史料叢刊, 1990-1998). Работа по исследованию этнической истории народов, населявших Юньнань, не может не учитывать результаты исследований Фан Гоюя. Важный вклад исследователя заключался не только в тщательном и исчерпывающем анализе источников на китайском и других языках, но также в выбранной оптике, когда история тайских народов рассматривается больше как независимый от китайской

ABSTRACT

In 1936-1957 Chinese historiographer Fang Guoyu (1903-1983), a representative of the Naxi ethnic group and a native of Yunnan province, had been collecting and studying Chinese historical sources in order to investigate the history of Tai peoples on Yunnan during the Yuan dynasty. Moreover, he spent his whole life compiling the multivolume work "The Collection of the Yunnan Historical Sources" (Yunnan shiliaocongkan 雲南史料叢刊, 1990-1998). Any researcher of the ethnic history of the peoples inhabiting Yunnan should keep in mind the results of Fang Guoyu's work. His contribution is not limited to the overall and accurate analysis of the sources in Chinese and other languages, even more important in the optics that he chose to study the Tai groups, seen as developing their own small polities in the borderland of present day China, Myanmar, Laos, Vietnam, Thai-

истории процесс формирования малых государств в пограничье современных Китая, Мьянмы, Лаоса, Вьетнама и Таиланда и их взаимодействие с соседними народами, куда входили бирманцы, ицзу, ханьцы и другие этнические группы. Данный подход можно считать новаторским для китайской историографии первой половины XX в., характерной чертой которой была «китаеццентричность».

Ключевые слова: Юньнань, Мьянма, Чэнла, дайцзу, тайцы, Фан Гоюй.

Для цитирования: Завидовская Е.А. Народ дайцзу провинции Юньнань в исследованиях историка Фан Гоюя (1903-1983). *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 146-153 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-146-153>

В своих предыдущих исследованиях, основанных на материалах «альбомов об инородцах» провинции Юньнань из собрания НБ СПбГУ, мы обращались к проблеме этнической истории центральных, южных и юго-западных областей данной провинции, населенных неханьскими народами (Завидовская 2024, 2024а, 2024б, 2023). Историограф Фан Гоюй (方國瑜, 1903-1983, фото.1) посвятил всю жизнь сбору и систематизации источников по истории провинции Юньнань, так в 1938 г. он принимал участие в написании таких трудов, как «Вновь отредактированное общее описание Юньнани» (*Синьцзуань юньнань тунчжи* 新纂雲南通志) и «Собрание материалов по округу Юнчанфу» (*Юнчанфу вэньчжэн* 永昌府文徵). Трудом всей его жизни стало многотомное «Собрание

land independently from China, and having interacted with the neighboring peoples such as the Han Chinese, the Yizu, the Burmese etc. Such approach may be considered innovative for the early XX century Chinese history-writing with its strong inclination for “Sinocentrism”.

Keywords: Yunnan, Myanmar, Chenla, Daizu, the Tai, Fang Guoyu.

For citation: Zavidovskaya E.A. Daizu ethnic group of Yunnan province in the studies of the Chinese historian fang Guoyu (1903-1983). *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (3). P. 146-153 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-146-153>

материалов по истории Юньнани» (*Юньнань шиляо цункань* 雲南史料叢刊), работа над которым шла с 1963 по 2001 год, «Собрание» было переиздано в 2023 г. Также Фан Гоюй с 1938 г. был основателем и редактором журнала «Юго-западное пограничье» (*Синань бяньцзян* 西南边疆), ставшего флагманом нового направления — исследований фронта.

В 3 том «Собрания» вошло сочинение Фан Гоюя «Хронология исторических материалов о дайцзу провинции Юньнань при Юань» (*Юань дай юньнань синшэн дайцзу шиляо бяньняньши* 元代雲南行省傣族史料編年史, 1958), материалы для которого он собирал в 1943-1946 г. Для написания данной работы Фан Гоюй привлекал китайские и тайские источники, а также труды французских и английских исследователей

данного региона. В основном это работы колониального периода, часть из которых могла к настоящему времени устареть. На наш взгляд, взгляды ученого об этапах формирования тайских государств необходимо учитывать, если мы исследуем этническую историю региона с опорой на китайские источники. Ниже осветим основные тезисы его работы о тайцах в связи с историей Юньнани.

Рис.1. Историк Фан Гоюй

Первые разделы упомянутого труда Фан Гоюя преследуют цель очертить историю региона на юге и юго-западе Юньнани и севере современных Лаоса и Таиланда. Он ведет исто-

рию тайцев от единой древней общности, называемой древним государством Шань 掸, располагавшейся на территории современной области Шан в Мьянме. В древности территория, населенная шаньцами, охватывала север Юньнани, Лаоса, Таиланда, северо-запад Мьянмы. В первом тысячелетии н.э. под давлением кхмерского государства Чэнла (кит. Чжэньла 真拉) с юга и бирманского государства Пью (кит. Пяого 驃國) с запада объединение шанских (тайских) народов разделилось на две группы, которые впоследствии развивались независимо друг от друга: сложилась зона проживания «больших дай» (северных тайцев) к западу от течения реки Нуцзян 怒江 (за пределами Китая называется Салуин) и зона «малых дай» (южных тайцев) к востоку от Нуцзян. «Малые тай» в течение 400 лет (ок.757 – 1088) попадали в зависимость от мощных кхмерских государств Чэнла и Камбуджадеша, но постепенно обретали силы для отпора кхмерам, с 1257 года начало усиливаться одно из первых централизованных государств тайцев на территории Индокитая — королевство Сукотай, основанное в 1238 г. Впоследствии на территории Сукотай сформировалось другое тайское государство с центром в городе Аюття (1350–1767), северная часть которого — Чэли¹ располагалась на самом юге Юньнани (Завидовская 2024, Москалев 2021, 56). Это политическое образование возникло не месте пришедшего в упадок государства Ланнаттай (кит. Ланьна 蘭納), ослабшего под напором бирманцев.

¹ Регион Чэли 車里 в настоящее время более известен как Сишунбаньна 西雙版納 (тайск. Сипсонг Панна).

По данным Фан Гоюя, один из первых правителей государства Наньчжао 南詔 (738-902) Гэ Лофэн (閣羅鳳 712-779) в ходе экспансии на юг (в исследуемый нами регион) воздвигал первые укрепленные пункты для контроля над границей, современные их названия — Вэйюань 威遠, Чжэньюавнь 镇沅, Сымао 思茅, Пуэр 普洱. Это были земли «малых тай». Там располагалось губернаторство Кайнань-цзедуши 開南節度使, подчиненное царству Наньчжао, затем его преемнику Дали 大理 (937-1253). Вследствие тесных связей с северным соседом тайцы активнее переселялись в более северные области и занимали долины рек (Фан Гоюй 1998, 13).

Говоря о взаимодействии тайских народов с рядом государств, расположенных к югу, такими как Чэнла, Пью (и Паган), Аннам, с Наньчжао (и Дали) к северу, Фан Гоюй отмечает, что связи с Наньчжао были более тесными вследствие более высокого уровня развития этого государства. Наньчжао вело коммуникацию с соседними государствами Индокитая при посредничестве тайцев (Фан Гоюй 1998, 17). В эпоху Юань охват территорий, которые подчинялись этой династии через посредство «комиссий по умиротворению» *сюаньвэйсы* 宣慰司, значительно выходил за пределы нынешних границ КНР. Но после завоеваний бирманского государства Таунгу (сер. XVI–сер. XVIII вв.) большинство тайских государств в верховьях рек Меконг и Салуин подчинились правителю Байиннауну (годы правл. 1551–1581), став вассалами Бирмы. В 1766-1769 гг. шли китайско-бирманские войны, в целом конец XVIII в. был ознаменован тем, что северный

регион «малых тайцев», представлявших из себя союз государств, отошел под власть разных государств: Цзинмай 景邁 отошел к Сиаму, Лаово 老挝 к Вьетнаму, Мэнлянь 孟良 — в Бирме, в границах Юньнани остался только регион Чэли 车里. Существовавшее там государство Фан Гоюй называет Цзинлун 景龍.

Что касается т.н. «больших» (северных) тайцев, то Фан Гоюй связывает их с шанцами, в настоящее время их потомки проживают в автономном уезде Дэхун 德紅自治縣, этот народ находился в тесном взаимодействии с бирманцами, в Китае они стали именоваться *дай-на* 傣那 (южные тай зовутся *дай-лэ* 傣泐). В своем исследовании идентичности тайцев Дэхуна с запада Юньнани Сантасомбат Йос называет их «тай-яай» (Tai Yai), в западных исследованиях их именуют «шан». Около XI в. тай-яай проживали вдоль нынешней юньнаньско-бирманской границы, будучи в то время под контролем царства Паган. Китайские источники связывают формирование государства тай-яай с покорением монголами государства Дали, монголы пытались захватить также государство тай-яай под названием Муонг Мау (Yos 2001, 5). Среди шанцев бытует легенда о могучем правителе Чао Суа Хан Фа, который в первой половине XIV в. объединил все союзы тай-яай, покорил царства северного Таиланда (Чианграй, Чёенгтун, Чиангсаен, Лампанг, Лампхун). В 1355 г. он был признан династией Юань правителем Лучуань 麓川 (Муонг Моу), возглавившим все тайские племенные союзы региона. В 1442–1448 гг. войска Мин положили конец независимости Муонг Мау (Лучуань), в XVI в. политические союзы к востоку от

Ирвади стали государством Шан под контролем Бирмы, части Муонг Мау к востоку от Ирвади стали частью провинции Юньнань (Yos 2001, 5-6). В ксилографическом издании «Изображений данников правящей династии Цин» (шифр Ху1.348 из собрания НБ СПбГУ, Рис.1) обращает на себя внимание изображение женщины и мужчины *пьяо* 嫪, которое мы трактуем как облик представителя тай-яай (шанцев), населявших пограничье Бирмы и Юньнани.

Рис. 2. Женщина *пьяо* с юго-западных границ области Юнчанфу (永昌府西南界嫪人婦). Иллюстрация № 49 из «Изображения данников правящей династии Цин». Ху1.348. НБ СПбГУ

Вторая часть работы Фан Гоюя представляет собой анализ китайских этнонимов, обозначавших тайцев в китайских источниках от Хань до Цин, анализ многих из этих источников, касающихся тайских народов, был также нами представлен в недавней публикации (Завидовская 2024).

Интерес представляет еще один неопубликованный и неоконченный труд Фан Гоюя «Набросок краткой истории *дайцзу*» (*Дайцзу цзяньши цаогао* 傣族簡史草稿), датируемый 1960-1970 гг.. Во второй главе «Историческое развитие общества тайцев» автор отталкивается от самых ранних китайских источников («Исторические записки» Сыма Цяня), которые подтверждают, что народ *шань* 掸 издревле взаимодействовал с Китаем, являясь связующим звеном между Китаем и Индией, что значительно его обогатило [Ян Чуньфан 2015]. Далее в разделе о более позднем периоде Цин автор отмечает, что установление системы туземного управления *тусы* 土司 с экономической точки зрения было выгодно наследственным землевладельцам, а внедренная позже система присылаемых китайских чиновников благоприятствовала более мелким землевладельцам. Предпринятые Цинами меры по внедрению присылаемых из центра чиновников, назначению туземных тайских чиновников, расширению воинского контингента не только укрепили связи тайцев с местным социумом, но и обеспечивали лучшую оборону региона. Труд Фан Гоюя также подробно освещает проблему взаимодействия тайцев с соседними неханьскими народами – *пужэнь* 濮人, *хани* 哈尼, *лагу* 拉祜, *цзинпо* 景頗, *ачан* 阿昌, *яо* 瑶 и *пэй* 彝,

которыми с разрешения Китая управляли тайские туземные чиновники *тусы*. Здесь не обошлось без конфликтов, но сложилась система экономического взаимодействия выгодная всем сторонам. Взаимодействие с соседними странами также носило не только мирный характер, так бирманцы отвоевали часть тайских земель на западе Юньнани, тайское государство Сиам (кит. Синло 暹羅) осуществляло грабительские набеги на Сишуанбаньна.

Важные данные сообщает Фан Гоюй о четырех группах тайцев, проживавших в Юньнани, две группы уже были упомянуты выше: *дай-на*, *дай-лэ*, *дай-я* 傣雅, *дай-ла* 傣拉. О *Дай-я* проживают в Синьпин-И-Дайсклом автономном уезде (新平彝族傣族自治县) Юньнани.

Исследовавшая неопубликованный труд Ян Чуньфан отмечает, что Фан Гоюй преследовал цель показать целостность ареала тайской культуры, охватывавшего север Индокитайского полуострова и юг Юньнани. Работа подчеркивает ошибочность изучения тайцев только в пределах Китая, так как были единым народом, оказавшимся разделенным между разными государствами. В рукописи «Набросок краткой истории *дайцзу*» Фан Гоюй уделил большое внимание вопросу определения принадлежности тайского языка к той или иной языковой семье как фактора, объединяющего эту общность, проживавшую смешанно с другими народами. (Ян Чуньфан 2015).

В завершение отметим, что исследования Фан Гоюя, публиковавшиеся уже при КНР, делают акцент на этничности, а не тайской государственности, сохранявшейся в Синшуанба-

ньна до 1953 г. Китайские источники и историки едины в нежелании акцентировать факт слабого контроля китайской империи над этими труднодоступными окраинами.

Список литературы

1. Фан Гоюй гл. ред 方國瑜主編. Собрание материалов по истории Юньнани (雲南史料叢刊). Том 3. Куньмин: Юньнань дасюэ чубаньшэ 雲南大學出版社, 1998.
2. Yos Santasombat. *Lak Chang: A Reconstruction of Tai Identity in Daikong*. Canberra: Pan Danus Books, 2001.

Периодические печатные издания:

3. Завидовская Е.А. Обзор исторических источников по югу и юго-западу провинции Юньнань. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Т. 6 (3). С. 150-166
4. Завидовская Е.А. Общие сведения о китайских о китайских источниках по истории южных областей провинции Юннан. *Россия – Китай: история и культура: сб. статей и докладов участников XVII Международной научно-практической конференции (Казань, 13–16 ноября 2024 г.)*. Отв. ред. Р.Р. Мухаметзянов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2024а. С. 57-61.
5. Завидовская Е. А. Сведения о народах Юньнани в цинских «альбомах о варварах Дянь» и в материалах от периода Тан до Цин. *Восточный курьер*. 2024б, Вып. №1, С. 170-183.

6. Завидовская Е. А. Проблема систематизации данных об аборигенных народах провинции Юньнань из альбомов XIX в. в собрании научной библиотеки СПбГУ. *Россия — Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XVI Международной научно-практической конференции*. Казань: Издательство АН РТ, 2023. С.61-68.
7. Москалев П.Э. Об истории китайско-сиамских отношений в XIII — первой половине XV вв. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2021, Т. 1 (№50). С. 262– 270.
8. Ян Чуньфан (楊春芳). Обзор «Наброска краткой истории дайцзу» Фан Гоюя (方國瑜《傣族簡史草稿》概論). *Синань гуцзи яньцзю* (西南古籍研究). 2015, № 9. С 87-92. http://https://www.sohu.com/a/124982300_488316 (дата обращения: 24.09.2025).
3. Yang Chunfang. Review of the “Draft of the Short Daizu History” by Fang Guoyu. *Xinanguji yanjiu*. 2015, № 9. Pp. 87- 92. http://https://www.sohu.com/a/124982300_488316 (дата обращения: 24.09.2025) (In Chin.).
4. Yos Santasombat. *Lak Chang: A Reconstruction of Tai Identity in Daikong*. Canberra: Pan Danus Books, 2001.
5. Zavidovskaya E.A. Review of the Historical Sources On the South and Southwest of Yunnan Province. *Modern Oriental Studies*. 2024; Vol. 6 (3). Pp. 150-166 (In Rus.).
6. Zavidovskaya E.A. Review of the Chinese Sources On The History of the Southern Regions of Yunnan Province. *Russia-China: History and Culture: Collection of Papers of the XVII Scientific Conference (Kazan, Nov.13-16, 2024)*. Ed. P.P.Muhkametdianov. Kazan, 2024a. Pp. 57-61 (In Rus.).
7. Zavidovskaya E.A. Information on Ethnic Groups of Yunnan from Qing “Albums with Dian Barbarians” and Other Sources from Tang to Qing Periods. *Oriental Courier*. 2024b, Issue. №1, Pp. 170-183 (In Rus.).
8. Zavidovskaya E.A. Challenges in Systematization of the Data on Indigenous Ethnic Groups of Yunnan Province Mentioned in the Handwritten XIX Century Albums From the Collection of the Oriental Department of the Scientific Library of Saint- Petersburg State University. *Russia-China: History and Culture: Collection of Papers of the XVI Scientific Conference*. Kazan, 2023. Pp. 61-68 (In Rus.).

References

1. Fang Guoyu ed. *Collection of Materials on the History of Yunnan*. Vol 3. Kunming: Yunnan daxue chubanshe, 1998/ (In Chin).
2. Moskalev P.E. On the History of the Sino-Siamese Relations in the XIII — first half XV centuries. *Southeast Asia: Current Issues of the Development*. 2021, Vol. I (№ 50). Pp. 262 – 270 (In Rus.).
3. Yang Chunfang. Review of the “Draft of the Short Daizu History” by Fang Guoyu. *Xinanguji yanjiu*. 2015, № 9. Pp. 87- 92. http://https://www.sohu.com/a/124982300_488316 (дата обращения: 24.09.2025) (In Chin.).
4. Yos Santasombat. *Lak Chang: A Reconstruction of Tai Identity in Daikong*. Canberra: Pan Danus Books, 2001.
5. Zavidovskaya E.A. Review of the Historical Sources On the South and Southwest of Yunnan Province. *Modern Oriental Studies*. 2024; Vol. 6 (3). Pp. 150-166 (In Rus.).
6. Zavidovskaya E.A. Review of the Chinese Sources On The History of the Southern Regions of Yunnan Province. *Russia-China: History and Culture: Collection of Papers of the XVII Scientific Conference (Kazan, Nov.13-16, 2024)*. Ed. P.P.Muhkametdianov. Kazan, 2024a. Pp. 57-61 (In Rus.).
7. Zavidovskaya E.A. Information on Ethnic Groups of Yunnan from Qing “Albums with Dian Barbarians” and Other Sources from Tang to Qing Periods. *Oriental Courier*. 2024b, Issue. №1, Pp. 170-183 (In Rus.).
8. Zavidovskaya E.A. Challenges in Systematization of the Data on Indigenous Ethnic Groups of Yunnan Province Mentioned in the Handwritten XIX Century Albums From the Collection of the Oriental Department of the Scientific Library of Saint- Petersburg State University. *Russia-China: History and Culture: Collection of Papers of the XVI Scientific Conference*. Kazan, 2023. Pp. 61-68 (In Rus.).

Сведения об авторе

*Завидовская Екатерина
Александровна,*

К.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт Китая и Современной Азии РАН
Москва, Россия,
katushaza@yahoo.com

Information about the Author

Ekaterina A. Zavidovskaya

Candidate of Philology, Lead researcher
Institute of China and Contemporary Asia
RAS, Moscow, Russia

e-mail katushaza@yahoo.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

From dragoman to interpreter and translator: a brief history of the development of an ancient profession in China

От толмача к переводчику: краткая история развития древней профессии в Китае

Семенова Татьяна Григорьевна

Высшие курсы иностранных языков

МИД России

tgsemenova@bk.ru

Tatyana G. Semenova

Higher Courses of Foreign Languages of the MFA

of the Russian Federation

tgsemenova@bk.ru

УДК 8.81 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-154-163](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-154-163)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается зарождение и развитие переводческой профессии в Китае с древнейших времен до нового времени. Выделяются три кульминационных подъема переводческой деятельности, связанных с расширением политических, культурных и экономических связей Китая как с сопредельными, так и с отдаленными государствами. Прослеживается эволюционное развитие профессии переводчика с первых письменных упоминаний о ней в древнем источнике эпохи Чжоу (XI–III вв. до н. э) «Чжоу Ли» «Установлениях династии Чжоу» вплоть до начала реформаторского движения в Китае в первой трети XX в.

Ключевые слова: толмач, «сянсюй», «шэжэнь», «фаньи», переводчик, «тунши», одна из древнейших профессий, коммуникация.

Для цитирования: Семенова Т.Г. От толмача к переводчику: краткая история развития

ABSTRACT

The article discusses the origin and development of translation profession in China from ancient times to modern times. There are three major periods of translation activity associated with the expansion of China's political, cultural and economic ties with both neighboring and distant countries. The evolutionary development of the profession of an Interpreter (Dragoman) is traced from the first written references to it in the ancient source of the era of Zhou (XI–III centuries BC) “Zhou Lee” “The establishments of the Zhou dynasty” until the beginning of the reform movement in China in the first third of the 20th century.

Keywords: interpretation, “Xiangxu”, “sheren”, “fanyi”, Interpreter (Dragoman), translator, “tongshi”, one of the oldest professions, communication

For citation: Semenova T.G. From dragoman to interpreter and translator: a brief history of the

древней профессии в Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 154-163 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-154-163>

Переводчик — это одна из древнейших профессий на земле, это специалист, который соединяет и помогает понять друг друга представителям различных культур, говорящих на разных языках.

К теме перевода как профессии, истории перевода в Китае, личности переводчиков не раз обращались исследователи как в самом Китае, так и за рубежом. Самый фундаментальный труд 马祖毅: «中国翻译通史» (全五卷) — «Всеобщая история перевода в Китае» (5 томов) — академический труд, составленный ученым и писателем, членом «Ассоциации китайских писателей» Ма Цзуи совместно с другими учеными и опубликованный издательством Hubei Education Press в 2006 году. В 2009 году издательством Нанькайского университета была издана книга: 王秉钦、王颀: 《20世纪中国翻译思想史》 — Ван Бинцин, Ван Цзе «История переводческой мысли в Китае в XX веке». Она входит в серию «Обязательная к прочтению серия для студентов-переводчиков колледжей и университетов». Немало и статей на эту тему: 孙乐: 中国译者地位变迁历程及其原因 — Сунь Лэ: «Изменение статуса китайских переводчиков и его причины», помещенная в электронном журнале № 263 Факультета иностранных языков, Тяньцзиньского технологического университета. 高文平: «翻译»的前世今生: 周代称“象胥”汉为“舌人” — Гао Вэньпин «Прошлое

development of an ancient profession in China. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (3). P. 154-163 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-154-163>

и настоящее «перевода»: «Сянсюй» в эпоху Чжоу, «Шэжэнь» в эпоху Хань», 4 мая 2010 г., размещенная на сайте информационного агентства Китая (中国新闻网). 合通中洋, «中国历史上知名的翻译家们, 为文化交流做出怎样的贡献», 2021 — «Соединяя Китай и Запад: какой вклад внесли известные переводчики в истории Китая в культурные обмены», статья написанная группой ученых-исследователей истории и литературы, состоящая из нескольких докторов исторических наук и молодых ученых — представителей Шаньдунского университета. [7,8,9,10,11]

Статья на английском языке профессора Чжун Вэйхэ, декана факультета английского языка Гуандунского университета иностранных исследований. Weihe Zhong: «An Overview of Translation in China: Practice and Theory», 2003.- Чжун Вэйхэ: «Обзор перевода в Китае: практика и теория».[5]

Есть ряд статей и на русском языке, как правило, написанные китайскими магистрантами и аспирантами, обучающимися в России.

О.И. Костикова, Чэнь Шуи «Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория». Вестник московского университета, сер.22. Теория перевода 2012 №1. Лю Вэньцзя «История обучения языкам и переводу в Китае». Ван Мэнъяо «Современная наука

о переводе в Китае: история становления и тенденции развития», автореферат кандидатской диссертации, 2020 г. Работа ученого и дипломата: П.А. Лапин «Очерк истории преподавания иностранных языков и подготовки переводчиков в китайской империи (с древнейших времен до первой половины XVII в.)». [1,2,3,4]

Настоящая статья является ещё одной попыткой систематизировать историю зарождения, становления и развития переводческой деятельности в Китае с древнейших времен до нового времени.

С глубокой древности на территории современного Китая проживало множество племен и народностей со своими нравами и обычаями, разными языками и наречиями, которые общались друг с другом, и были те, кто помогал разноязыким народам в этом общении.

Первые письменные упоминания профессии переводчика отмечены в каноне «Чжоу Ли» «Установлениях династии Чжоу»¹, который содержал свод правил, ритуалов и установлений государства Чжоу (XI – III вв. до н. э.). Позже этот канон вошел в конфуцианское «Тринадцатикнижие» (十三经), являющееся основой традиционной китайской философии.

В «Установлениях династии Чжоу» говорилось, что в подчинении начальника судебно-

го приказа, который назывался «осенним приказом»² находился чиновник невысокого ранга, именовавшийся «сянсюй» (象胥). Этот чиновник отвечал за коммуникацию с соседними с государством Чжоу племенами, за передачу указов государя их посланникам и за соблюдение этикета.

Слово «сянсюй» состоит из 2-х иероглифов, где сянь – это переводчик (с языка южных племен), поэтому первый иероглиф — 象 – «слон», слоны водились на юге, а 胥 – сюй — это мелкий служащий. Сверху у иероглифа (胥) (сюй) — усеченный иероглиф стопа 足, а снизу — сокращенный иероглиф мясо или мышца 肉, то есть это человек с крепкими мышцами ног, которому, как и всякому служащему низкого ранга приходилось много бегать по разным поручениям. В сочетании 象胥 «сянсюй» — это мелкий чиновник, владеющий иностранным языком и способный выполнять работу толмача — устного переводчика.³

Почему толмачи относились к судебному ведомству можно понять, взглянув на мироустройство древнего государства Чжоу. В традиционном понимании мироустройство в Китае представляло собой иерархическую структуру открытого типа с внутренним — 内(нэй) и внешним — 外(вай) контурами. В центре Поднебесной находились земли Вана, который

¹ «Чжоу Ли» — это свод правил и положений, сформулированный великим мыслителем и политиком Чжоу Гуном в начале правления династии Западная Чжоу (1046 по 771 г. до н. э.).

² «Осенний приказ» один из шести приказов эпохи Чжоу. 天官 — небесный приказ отвечал за кадровый подбор, 地官 — отвечал за финансирование, 春官 — ведал вопросами ритуала, 夏官 — военный приказ, 秋官 — судебный приказ, 冬官 — общественные и ирригационные работы.

³ Толмач – историческое название устного переводчика.

являлся Сыном Неба (天子), второй, внутренний контур «нэй чэнь» (内臣) — земли приближенных правителя, которые принадлежали к дому вана, его близкие и дальние родственники и наиболее отличившиеся полководцы. Третий, внешний контур – «вай чэнь» (外臣) — земли инородцев, принявших власть Вана и полностью ему подчинившихся. Последний контур (朝贡国) «чао гун го» — земли удельных князей, задачей которых была охрана границ государства от варварских набегов. Дальше шли земли «варваров», с которыми царство Чжоу тесно взаимодействовало. Таким образом, толмачи-переводчики, были необходимы для взаимодействия с инородцами, проживавшими как во внешнем, так и внутреннем контурах владений Чжоу-вана. Толмачи участвовали в церемонии передачи даров Вану, а также в доведении подданным указов и наставлений, исходивших от Вана. За точным исполнением всех церемоний надзирало судебное ведомство. За нарушение порядка следовало наказание. Поэтому толмачи принадлежали именно к судебному ведомству.

Переводчики еще подразделялись по языкам. Как говорится в источнике «礼记» — «Лицзи» (Книга обрядов) [6, с.1]: «Люди пяти сторон света говорят на разных языках и у них разные стремления и желания. Чтобы понять их желания и постичь их стремления на востоке (нужно) говорить на (языке племени) Цзи (寄), на юге на (языке племени) Сян (象), на западе на (языке племени) Диди (狄鞮), на севере на (языке племени) — И (译)». Поэтому пе-

реводчиков (с языков этих племен) стали называть: «сян», «цзи», «и», «ди».⁴

С течением времени в ходе завоеваний земель соседних так называемых варварских племен пропорции земель с Востока и с Запада постепенно уменьшались, то есть сокращались переводы с языков «Цзи» и «Ди», в то время как доля переводов с языков «Сян» и «И» увеличивалась, наконец, остался только «И», под которым подразумевался и до сих пор подразумевается перевод с различных языков.

В эпоху Хань (202 до н. э. — 220 н. э.) появилось еще одно название переводчика 舌人 «шэжэнь» — человек языка. [10]

Как говорится в сборнике исторической прозы (国语: 周语) «Гоюй: Чжоуюй», составленной Цзо Цюмином, историком государства Лу периода Чуньцю (Весны и осени) (722-481 гг. до н. э). «故坐諸門外，而使舌人體委與之». «Когда сидели с теми, кто приехал из-за рубежа, тогда привлекали (переводчика) шэжэнь». В комментарии Вэй Чжао (204-273)⁵ «舌人，能達異方之志，象胥之官也». «Шэжэнь» способен выражать стремления другой стороны, (также) как «сянсюй». То есть «шэжэнь» — это также мелкий чиновник, выполнявший работу толмача. [12]

Начиная с Поздней Хань вплоть до периодов Тан (VII—X) и Сун (X—XIII) в Китай все больше и больше стал проникать буддизм, а с ним и письменные буддийские каноны, которые требовали перевода. В связи с этим появляются письменные переводчики, многие из которых прошли обучение в Индии.

⁵ Высокопоставленный чиновник и историк царства У в период Троецарствия 220 – 280 гг.

Так в период Поздняя Хань происходит перелом в переводческом деле, когда помимо толмачей, владеющих разговорным языком, появляются и письменные переводчики.

С того времени отмечается первый всплеск в переводческом деле с кульминацией в эпоху Тан. Во времена династий Тан и Сун учащаются обмены между Китаем и другими странами. Правители Тан начинают уделять переводчикам гораздо больше внимания. В исторической летописи «Новой книге династии Тан» (新唐書), написанной в период Северной Сун историком Оуян Сю и др. отмечалось, что в период Тан и Сун появляется целый ряд выдающихся переводчиков буддийских монахов, которые внесли большой вклад в обмены и развитие китайской цивилизации, это — уроженец царства Гуйцзы (Куча) Кумараджива (鳩摩羅什, 344-413гг.), монах из Западной Индии Парамартха (真谛, 499-569гг.), уроженец Лояна — Сюаньцзан (玄奘, 602-664гг.) и выходец из Самарканда — Амогхаваджра (不空, 705-774гг.). [11]

Значительный объем переводного материала потребовал увеличения специалистов-переводчиков. Причем, если первыми переводчиками и толкователями сутр были индийские монахи, то позднее перевод стал делом самих китайцев. Так танский монах Сюаньцзан (玄奘), пройдя 16-летнее обучение в Индии, привез в Китай 657 буддийских сутр на санскрите. Он был первым, кто организовал при монастыре школу по обучению иностранному языку и своего рода «переводческое бюро» по переложению сутр на китайский язык. Переложение поэтому, что это не был полноценный перевод:

отдельные понятия переводились, к ним находились соответствия в китайском языке, а некоторые понятия, к которым не могли найти соответствий, передавалось транслитерацией.

Сюаньцзан стал первым переводчиком не только на китайский язык, но и с китайского языка на санскрит. Он перевел некоторые труды древнекитайского философа (VI-V веков до н. э.) Лаоцзы, который считается родоначальником даосизма. [5 с.3]

Распространение буддизма постепенно повысила роль переводчиков в обществе. За более чем 800 лет переводческая деятельность стала профессиональнее и систематичнее. Перевод от простого «понимания» развивался к более точной передаче смысла исходного текста на язык перевода.

Перевод иностранных буддийских текстов, которые охватывали не только религиозную, но и светскую жизнь, значительно обогатили китайский язык, привнеся в него новую лексику и новые понятия. Например: 悲观 (bēiguān) — в буддизме: проявление сострадания, в современном языке: пессимизм. 世界 (shìjiè) в буддизме: абсолютный дух, в современном языке: мир, вселенная; 真空 (zhēnkōng) абсолютная пустота, нирвана, понятие в физике: вакуум; 绝对 (juéduì) в буддизме: абсолют; в современном языке: чистый, безусловный;

西天 (xītiān) Западное небо или буддийский рай и многое другое.

Нужно отметить, что согласно письменным источникам, слово «переводчик» «翻译» появилось в начале проникновения буддизма

на территорию Китая, то есть в конце II в. н.э., и относилось прежде всего к монахам-иностранцам из Индии и Парфянского царства,⁶ которые владели китайским языком. Однако позже стало относиться ко всем переводчикам.

В период Минской династии (1368 -1644 гг.) в Китай из Европы приезжают католические миссионеры и с этим связан второй подъем в истории переводческой деятельности в Китае. Переводы буддийских канонов отходят на второй план, на первый выдвигаются переводы западной научной литературы.

В конце династии Мин итальянский миссионер Маттео Риччи (利玛竇 1552 — 1610 гг.) и крупный сановник и ученый в области сельского хозяйства Сюй Гуанци (徐光啟 1562- 1633 гг.) руководили переводом математических трудов Евклида «Начала», «Элементы геометрии» и других произведений, что послужило толчком к очередному подъёму интереса к переводу в эту эпоху.

Перевод этих научных произведений ввел в китайский язык такие понятия как «точка, линия, поверхность, кривая, прямой угол» и т.д., а интеграция западной математической науки, в частности геометрии с древнекитайской традиционной математической теорией в значительной мере обогатила и повысила научный уровень минского Китая.

Еще один итальянский миссионер-иезуит Сабатино де Урсис (熊三拔 1575-1620 гг.) совместно с Сюй Гуанци перевели на китайский

язык европейские научные труды того времени, в частности «Закон о западных водных ресурсах» (《泰西水法》) Эта работа познакомила китайцев с западными методами ведения сельского хозяйства и посадки растений и способствовала развитию сельского хозяйства и ирригации.

Миссионер-иезуит немецкого происхождения Иоганн Шрек (鄧玉函 1576–1630 гг.), ему приписывают разработку научно-технической терминологии на китайском языке, издание иллюстрированной технической энциклопедии и многие другие. [11]

Хотя работать иезуитам в закрытом Китае периода Мин было очень непросто, однако за почти 400 лет правления династии Мин и первой половины пришедшей ей на смену маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.) было сделано немало. Были составлены и переведены на китайский язык географические карты, медицинский атлас человеческого тела и другие, как научные, так и литературные произведения. Помимо переводов с европейских языков на китайский были и переводы китайских классических книг на латынь, например, конфуцианское «Четверокнижие» (四书).

С конца XVIII в. шла активная торговля западных стран (в первую очередь Англии) с Китаем. Торговать иностранным купцам можно было только через один порт — Кантон (Гуанчжоу). Была создана так называемая Кантонская система торговли (1757-1842 гг.), при

⁶ Парфянское царство — древнее государство, располагавшееся к северо-востоку от Ирана и сыгравшее главную роль в налаживании Шелкового пути.

которой торговля жестко контролировалась правительством Китая: с иностранцами могли вести дела только отобранные государством купцы. Обучать иностранцев китайскому языку было запрещено под страхом смерти. Посредниками между китайцами и иностранцами выступали переводчики, которые назывались “通事” тунши — знатоки своего дела. Они не только занимались переводом, но и отвечали за выдачу лицензий на импорт, за таможенную и многое другое. Недаром их называли «Мастер на все руки» (行行通 — ханхантун). «Тунши» изобрели смешанный жаргон: эту смесь кантонского диалекта с английским и португальским диалектами называли «pigin-english», где pigín — искаженное слово «бизнес».

Кстати, до сих пор человека, хорошо владеющего своей профессией, называют: «精通... 的人». Например, знаток литературы — 精通文学的人, знаток Китая — 中国通, то есть человек постигнувший профессию.

В середине XIX в. западные державы развязали против Китая Опиумные войны, которые длились с перерывом с 1839 по 1860 гг. Войны закончились подписанием ряда неравноправных договоров, ограничивающих суверенитет Цинской Империи.

После Опиумных войн переводчики оказались в трудном положении. С одной стороны, китайцы плохо относились ко всему иностранному, включая и иностранные языки, а с другой стороны, передовые люди империи, среди которых были и переводчики, прекрасно понимали, что только лучше поняв Запад и реформировав загнивающую феодальную династию,

можно спасти Китай.

Поэтому при Главном управлении по иностранным делам (总理衙门), которое выполняло роль Министерства иностранных дел, в 1862 году в Пекине создается училище, Тунвэньгуань (同文馆) учрежденное для обучения маньчжуров (китайцев туда не принимали) иностранным языкам и наукам, в 1902 году это училище вошло в состав Столичных учительских палат, позже преобразованных в Пекинский университет. В училище помимо европейских языков изучали и русский язык. Но училище работало в основном на дипломатическое ведомство. [4]

Многие передовые люди того времени понимали, что без западной науки и технологий Китай не сможет встать на путь модернизации. Это осознавал китайский ученый, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX - начала XX в.в., переводчик - Лян Цичао (1873-1929 гг.). Он подал императору записку о необходимости лучше изучить своего врага, для чего нужно познакомить китайцев с западной литературой, культурой, политикой и экономикой. Поэтому необходимы переводы на китайский язык западноевропейской литературы. [9]

Так со времени окончания Опиумных войн вплоть до антиимпериалистического движения 4 мая 1919 года происходит третий подъем переводческого дела в Китае.

Огромный вклад в переводческое дело внес один из самых известных китайских

писателей XX в., основоположник современной китайской литературы, реформатор китайского письменного языка, крупный общественный деятель — Лу Синь. (鲁迅 (1881–1936гг.) [5] Лу Синь владел японским, английским и немецким языками. И с этих языков он перевел около 200 произведений иностранной литературы, написанной на разных европейских языках, включая русский.

Не менее весомый вклад в переводы иностранной художественной литературы внес еще один выдающийся представитель китайской интеллигенции — публицист, политический деятель, литературный критик и переводчик Цюй Цюбо (瞿秋白 1899-1935 гг.). Он владел русским языком и стал одним из популяризаторов русской и советской классической литературы в Китае. Переводил на китайский язык произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького и др.

Самым большим отличием перевода в XX веке явился беспрецедентный рост команды переводчиков и огромная широта охвата переводческого содержания. Переводились труды по гуманитарным и естественным наукам, что, безусловно, оказало большое влияние на традиционный конфуцианский Китай. Многие представители китайской интеллигенции уезжали учиться за рубеж. С популяризацией иноязычного образования произошел резкий рост переводческих кадров. Китай вступал в новую эпоху.

Список литературы

1. Ван Мэнъяо «Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития», автореферат кандидатской диссертации, 2020 г. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennaya-nauka-o-perevode-v-kitae-istoriya-stanovleniya-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 20.07.2025)
2. О.И. Костикова, Чэнь Шуи «Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория». Вестник московского университета, сеп.22. Теория перевода 2012 №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kitayskoy-perevodcheskoy-traditsii-praktika-kritika-teoriya> (дата обращения: 20.07.2025)
3. Лю Вэньцзя «История обучения языкам и переводу в Китае». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-obucheniya-yazykam-i-perevodu-v-kitae/viewer> (дата обращения: 21.07.2025)
4. П.А. Лапин «Очерк истории преподавания иностранных языков и подготовки переводчиков в китайской империи (с древнейших времен до первой половины XVII в.)». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-prepodavaniya-inostrannyh-yazykov-i-podgotovki-perevodchikov-v-kitayskoy-imperii-s-drevneyshih-vremen-do>

⁶ Парфянское царство — древнее государство, располагавшееся к северо-востоку от Ирана и сыгравшее главную роль в налаживании Шелкового пути.

- pervoy-poloviny (дата обращения: 20.08.2025)
 5. An Overview of Translation in China: Practice and Theory by Weihe Zhong. 2003.
 6. URL: <https://translationjournal.net/journal/24china.htm> (дата обращения: 21.08.2025)
 7. 《礼记·王制》: URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/Wikisource首页> (дата обращения: 21.08.2025)
 8. 马祖毅:《中国翻译通史(全五卷)》湖北教育出版社, 2006
 9. URL: <https://book.douban.com/subject/2055321/> (дата обращения: 22.08.2025)
 10. 王秉钦、王颀:《20世纪中国翻译思想史》南开大学出版社, 2009
 11. 孙乐: 中国译者地位变迁历程及其原因. URL: <https://www.sinoss.net/>
 12. (дата обращения: 20.08.2025)
 13. 高文平:“翻译”的前世今生:周代称“象胥”汉为“舌人”
 14. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/news/2010/05-04/2261503.shtml> (дата обращения: 22.08.2025)
 15. 浩然文史: 合通中洋,《中国历史上知名的翻译家们,为文化交流做出怎样的贡献?》URL: <https://news.qq.com/omn/author/8QMс3Xtf5YQfujc%3D> (дата обращения: 22.08.2025)
 16. 乐乐课堂。新华字典URL: <https://www.leleketang.com/zidian/w-177588.shtml> (дата обращения: 22.08.2025)
- ## References
1. Van Men"yao «Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendencii razvitiya», avtoreferat kandskoj dissertacii, 2020 g. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennaya-nauka-o-perevode-v-kitae-istoriya-stanovleniya-i-tendentsii-razvitiya> (data obrashcheniya: 20.07.2025)
 2. Kostikova, CHen' SHui «Stanovlenie kitajskoj perevodcheskoj tradicii: praktika, kritika, teoriya». Vestnik moskovskogo universiteta, ser.22. Teoriya perevoda 2012 №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kitajskoj-perevodcheskoj-traditsii-praktika-kritika-teoriya> (data obrashcheniya: 20.07.2025)
 3. Lyu Ven'czya «Istoriya obucheniya yazykam i perevodu v Kitae». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-obucheniya-yazykam-i-perevodu-v-kitae/viewer> (data obrashcheniya: (21.07.2025)
 4. P.A. Lapin «Ocherk istorii prepodavaniya inostrannyh yazykov i podgotovki perevodchikov v kitajskoj imperii (s drevnejshih vremen do pervoj poloviny HVII v.)». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-istorii-prepodavaniya-inostrannyh-yazykov-i-podgotovki-perevodchikov-v-kitajskoj-imperii-s>

drevneyshih-vremen-do-pervoy-poloviny
(data obrashcheniya: 20.08.2025)

177588.shtml (data obrashcheniya:
22.08.2025)

5. An Overview of Translation in China: Practice and Theory by Weihe Zhong. 2003.

6. URL: <https://translationjournal.net/journal/24china.htm> (data obrashcheniya: 21.08.2025)

7. 《礼记·王制》: URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/Wikisource:首页> (data obrashcheniya: 21.08.2025)

8. 马祖毅:《中国翻译通史(全五卷)》湖北教育出版社, 2006. URL: <https://book.douban.com/subject/2055321/> (data obrashcheniya: 22.08.2025)

9. 王秉钦、王颀:《20世纪中国翻译思想史》南开大学出版社, 2009 孙乐: 中国译者地位变迁历程及其原因. URL: <https://www.sinooss.net/> (data obrashcheniya: 20.08.2025)

10. 高文平:“翻译”的前世今生:周代称“象胥”汉为“舌人” URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/news/2010/05-04/2261503.shtml> (data obrashcheniya: 22.08.2025)

11. 浩然文史: 合通中洋, «中国历史上知名的翻译家们, 为文化交流做出怎样的贡献?» URL: <https://news.qq.com/omn/author/8QMc3Xtf5YQfujc%3D> (data obrashcheniya: 22.08.2025)

12. 乐乐课堂。新华字典 URL: <https://www.leleketang.com/zidian/w->

Сведения об авторе

Семенова Татьяна Григорьевна,

канд. филол. наук, доцент,
заместитель директора по учебной работе
Высшие курсы иностранных языков МИД
России
tgseменова@bk.ru

Information about the Author

Semenova Tatyana Grigoryevna,

Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Deputy Director for Academic Affairs
Higher Courses of Foreign Languages of the
Ministry of Foreign Affairs of Russia
tgseменова@bk.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

About the history of the creation of the national flag of the PRC

Об истории создания государственного флага КНР

Семенов Александр Владимирович

Дипломатическая академия МИД России,

г. Москва, Российская Федерация

legatus@bk.ru

Alexander V. Semenov

Diplomatic Academy of the MFA,

Moscow, Russia

legatus@bk.ru

УДК 93 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-164-201](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-164-201)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история рождения одного из важных символов КНР — государственного флага. Руководящая роль в его разработке принадлежала Коммунистической партии Китая. Активное участие в организации работы по конкурсному отбору проектов государственного флага приняли руководители демократических и социальных кругов, патриотически настроенные политические и военные деятели, представители творческой интеллигенции.

При обсуждении и отборе конкурсных проектов основными руководящими принципами были политическая направленность, революционная сущность, классовый подход, национальные особенности, эстетическая привлекательность и простота в изготовлении.

Окончательное решение было принято руководителями КПК после тщательного отбо-

ABSTRACT

The article examines the history of the birth of one of the important symbols of the PRC — the national flag. The leading role in its development belonged to the Communist Party of China. Leaders of democratic and social circles, patriotic political and military figures, and representatives of the creative intelligentsia took an active part in organizing the work on the competitive selection of projects for the national flag.

During the discussion and selection of competitive projects, the main guiding principles were political orientation, revolutionary essence, class approach, national characteristics, aesthetic appeal, and ease of manufacture.

The final decision was made by the leaders of the CPC after a thorough selection, democratically, taking into account the opinion of the minority of delegates who represented democratic parties and patriotic public organizations.

ра, демократическим путем, с учетом мнения меньшинства делегатов, которые представляли демократические партии и патриотические общественные организации.

Принятие в качестве государственного флага — пятизвездного красного флага, символизирующего великое единение китайского революционного народа, означало, что Коммунистическая партия Китая показала свою готовность возглавить все революционные патриотические силы китайского народа в деле учреждения и строительства нового государства.

Ключевые слова: государственный флаг, символ КНР, символ Коммунистической партии Китая, пятизвездный красный флаг.

Для цитирования: Семенов А.В. Об истории создания государственного флага КНР. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (3). С. 164-201 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-164-201>

Введение

Государственный флаг — это важный символический знак политической системы страны. Его разработка является существенной задачей властей нового государства. Описание государственного флага и его использование закрепляются в конституционных законах страны.

История создания государственных символов нового Китая, в том числе государственного флага КНР, несмотря на упоминания и в научных и публицистических работах, еще

The adoption of the five-star red flag, symbolizing the great unity of the Chinese revolutionary people, as the national flag meant that the Communist Party of China demonstrated its readiness to lead all the revolutionary patriotic forces of the Chinese people in the establishment and construction of a new state.

Keywords: national flag, symbol of the PRC, the Communist Party of China, the five-star red flag

For citation: Semenov A.V. About the history of the creation of the national flag of the PRC. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (3). P. 164-201 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-164-201>

слабо изучена в российском Китаеведении. В общих работах и в монографиях, посвященных периоду учреждения КНР в 1949 г., обычно или только говорится о важной задаче — разработать новый флаг для нового государства, — и упоминается о результате работы — о пятизвездном красном полотнище, которое развевалось на флагштоке 1 октября 1949 г.[1; 2; 3; 4; 5]

В данной статье автор ставит своей целью рассмотреть историю разработки и создания государственного флага КНР.

Учреждение государственного флага Китайской Народной Республики как символа нового Китая тесно связано с периодом истории от создания Коммунистической партии Китая в 1921 г. до провозглашения КНР в 1949 г.

Это был период партийной борьбы между КПК и Гоминьданом, войны сопротивления японской агрессии и гражданской войны за власть в Китае. Переплетение социальных и национальных факторов усложняло политический ландшафт в стране.

Стратегия и тактика этой борьбы, способы и методы работы во всех социальных слоях китайского общества требовали максимального учета сложившейся политической конъюнктуры. Создавая свои революционные символы, китайские коммунисты использовали как опыт русских товарищей и Советской России, так и свою, китайскую специфику.

Внутреннее положение Китая 20-х гг. характеризовалось территориально-милитаристской раздробленностью, отражением которой было политико-символическое разнообразие.

Пекинское правительство северных милитаристов официально представляло Китайскую Республику и выступало под пятицветным флагом, утвержденным еще президентом Юань Шикаем. Оно опиралось на поддержку империалистических кругов.

Сформировавшееся в Гуанчжоу на юге Китая правительство во главе с Сунь Ятсеном проводило свою деятельность под сине-белым флагом партии Гоминьдан.

В июле 1921 г. в Шанхае образовалась Коммунистическая партия Китая (КПК). Молодые китайские коммунисты понимали необходимость иметь объединяющий символ. Первые флаг появился в октябре 1922 г. В это время коммунисты Ло Чжанлун (1896–1895), Ван Цзиньмэй (1899–1924), Дэн Пэй (1884–1927) организовали забастовку на шахтах Кайлуань в провинции Хэбэй. Разработчиком флага был Ло Чжанлун. Он предложил разместить в центре полотнища понятные для шахтеров символы — перекрещенные кирка и молот. Это был первый флаг, который КПК предложила для рабочего движения [23].

В мае 1923 г. один из руководителей КПК Пэн Бай (1896–1929) организовал Крестьянский союз в Хуэйчжоу провинции Гуандун. Для сплочения крестьян он разработал флаг, в центре полотнища которого был размещен плуг — символ, хорошо известный в деревне. Флаг был изготовлен из хлопчатобумажной материи красного цвета, к которой был пришит плуг из желтой ткани. На флаге был пришит белый карман для крепления на флагштоке [23].

Первые флаги КПК имели классовый характер, но воздействовали на рабочих и крестьян по отдельности. Общий революционный флаг пока не появился.

После своего образования Коммунистическая партия Китая вначале не обладала ни социальной базой, ни партийным опытом, ни консолидирующим символом. Для преодоления «болезней роста» и приобретения опыта политической борьбы молодым китайским коммунистам был дан совет со стороны Комин-

терна¹ вступить в союз с революционной в то время партией Гоминьдан.

Главе Гоминьдана Сунь Ятсену также нужен был надежный союзник для дальнейшей борьбы за власть в Китае. Именно Советский Союз и согласился оказать Сунь Ятсену помощь в достижении его революционных целей. В ответ глава Гоминьдана согласился принять в свою партию членов КПК на индивидуальной основе. Такой союз с наиболее авторитетной партией, имевшей долгую историю борьбы за власть в Китае, помог укрепить недавно созданной КПК и набраться политического опыта.

Вступив в Гоминьдан, коммунисты приняли и символы партии Сунь Ятсена — синие и белые флаги.

Тесная связь КПК с Коммунистическим интернационалом, обучение многих китайских коммунистов в Советском Союзе создавали условия для внедрения и дальнейшего использования в Китае политических и коммунистических символов СССР и ВКП (б).

Разрыв с правыми гоминьдановцами во главе с Чан Кайши, а затем и с левыми в апреле — июле 1927 г. привели КПК к организации ряда вооруженных выступлений: восстания «осеннего урожая», Наньчанское восстание, Кантонская коммуна и т.д. Все арьергардные революционные бои закончились поражением и гибелью многих коммунистов. Но через кровь и жертвы был приобретен неоценимый опыт борьбы и понимание необходимости иметь

свой революционный символ, свое знамя для сплочения коммунистических сил.

Первые флаги, одобренные руководством КПК, имели синтетический характер, то есть объединяли партийные, военные и государственные цели. Поэтому одни и те же элементы часто повторялись в символах, предназначенных для решения разных задач.

Начало всей системы флагов КПК было положено 9 сентября 1927 г., когда Мао Цзэдун на границе провинций Хунань и Цзянси начал восстание «осеннего урожая». Он приказал Хэ Чангуану, начальнику штаба 1-ой дивизии 1-ой Рабоче-крестьянской Красной армии создать свой флаг.

Хэ Чангуан вместе с адъютантом штаба дивизии Ян Лисанем спроектировал первый партийно-военный флаг. На красном полотнище в центре размещалась пятиконечная звезда, внутри которой находились наложенные друг на друга серп и топор. Слева, рядом с древком располагалась белая полоса шириной 10 см, на которой черными иероглифами было написано «1-ая дивизия 1-ой Рабоче-крестьянской Красной армии» (Рис.1).

Рис. 1

¹ Коминтерн (Коммунистический Интернационал) — международная организация, оказывающая помощь коммунистическим партиям различных стран. Существовал с 1919 г. по 1943 г.

Красное знамя символизировало революцию, серп — крестьянство, а топор — рабочий класс, причем молот как отличительный знак появился на китайских флагах позднее, в 30–40-е гг. Все элементы первого официально признанного КПК флага в дальнейшем использовались для создания партийных, военных и государственных символов[22].

Создание в 30-е гг. советских районов в Китае и первых государственных образований под управлением коммунистов требовало и соответствующей символики.

11 сентября 1931 г. была учреждена Китайская Советская Республика и организовано Временное Советское Правительство. 7 ноября 1931 г. на I Всекитайском съезде Советов в г. Жуйцзине (провинция Цзянси) был принят «Проект Конституции Китайской Советской Республики», в статье 77 которого было дано описание государственного флага нового государства. Это флаг красного цвета, в центре которого расположен герб республики. (Рис. 2)

Рис. 2

Статья 76 содержала описание герба: на земном шаре размещены наложенные друг на друга серп и молот; земной шар опоясывают колосья — с левой стороны — просо, с правой стороны — пшеница; над земным шаром находится желтая пятиконечная звезда, над которой надпись «Китайская Советская Республика»; цвет земного шара — белый с голубым абрисом материков, серпа и молота — черный, колосьев, звезды и надписи — желтый [23].

На II Всекитайском съезде Советов в 1934 г. было принято «Решение II Всекитайского съезда Советов о государственном гербе, государственном флаге и военном флаге».

Что касается государственного флага, то были добавлены размеры полотнища: длина — 5 чи², а ширина — 3 чи 5 цуней³, цвет древка флага — белый.

Военный флаг был описан таким образом: красное полотнище, длина 5 чи, ширина 3 чи 6 цуней⁴, в центре наложенные друг на друга серп и молот и в правом углу пятиконечная звезда желтого цвета; древко флага белого цвета. (Рис. 3)

Рис. 3

² 152,4 см

³ 116,5 см

⁴ 118,28 см

Это была первая попытка законодательной унификации государственных флагов. Символика во многом, хотя и упрощенно повторяет решения Советского Союза в этом вопросе [1; 23].

Начавшаяся война сопротивления японской агрессии и создание второго единого фронта между КПК и гоминьданом заставили объединить государственные символы, и только для партийного флага оставалась возможность для развития.

23 апреля 1943 г. Политбюро ЦК КПК в Яньане провело заседание, посвященное партийному флагу. Было принято решение одобрить следующий стандарт флага: красное полотнище, наложенные друг на друга серп и топор, без пятиконечной звезды. Соотношение длины и ширины как 3:2.

Руководство Особого района Китая избрало традиционную эмблему, характеризующую союз рабочих и крестьян. Она была не похожа на советский серп и молот. Нежелание копировать символы СССР, видимо, лишило звезду своего места на флаге.

С 23 апреля по 11 июня 1945 г. в Яньане прошел VII съезд КПК. На съезде слева и справа от больших портретов Мао Цзэдуна и Чжу Дэ висели по шесть ярких партийных знамен, на которых были изображены серп и молот. (Рис. 4)

Во время подготовки к съезду была организована Комиссия по вопросам партийного флага, задача которой было стандартизировать и унифицировать данный партийный символ. Был объявлен конкурс на лучший партийный флаг. Чуть более чем за месяц было получено

Рис. 4

230 эскизов и рисунков флага КПК. Участвовали в конкурсе как отдельные лица, так партийные, правительственные организации и военные части.

Все проекты можно было разделить на три категории:

Первая категория — проекты, символизировавшие рабочих, крестьян, солдат и их вооруженную борьбу. Молоты, топоры, шестеренки — представляли рабочих; серпы, плуги, лемеха — крестьян; а ружья, копья, стрелы, щиты — солдат. Сочетание этих элементов свидетельствовало о союзе трех сил, которыми руководила КПК.

Вторая категория — это проекты, символизировавшие революционные цели и задачи КПК. Сочетание желтой графики и красного фона означало борьбу за переход от новодемократической революции к социалистической.

Третья категория — это проекты, передающие высокий статус и авторитет Мао Цзэдуна в КПК. Среди предложений было поместить на партийном флаге профиль Мао, иероглиф «Мао» или латинскую букву «М», чтобы увеко-

вечить его важную роль в китайской революции [23].

Активное участие в конкурсе приняли китайские деятели искусств — поэт Ай Цин, исследователь эстетики Ван Чаовэнь, художник Хуа Цзюнью.

29 мая 1945 г. была организована выставка зашифрованных проектов в отдельном помещении, чтобы каждый мог ознакомиться с отобранными эскизами и поставить свой знак одобрения.

Работа по организации конкурса партийных флагов, привлечение широких народных масс к участию в важном для партии мероприятии, отбор приемлемых вариантов, демократическая и профессиональная оценка наиболее подходящих образцов — все это стало важной предпосылкой и подготовкой к ключевому событию в жизни партии и страны – разработке государственного флага нового Китая.

* * *

30 апреля 1948 г. ЦК КПК опубликовал «Призывы к 1 мая», в которых прямо поставил вопрос о созыве новой Народной политической консультативной конференции (НПКК) и образовании демократического коалиционного правительства [6].

Это был сигнал для всех патриотических и демократических сил в стране собраться на севере и северо-востоке Китая, который находился под контролем коммунистов, для обсуждения будущей власти в стране.

20 апреля 1949 г. Нанкинское правительство отказалось от продолжения мирных переговоров с КПК. Народно-освободительная армия Китая добилась новых успехов: 21 января 1949 г. войска коммунистов вступили в Бэйпин, 23 апреля был освобожден Нанкин — столица гоминьдановского Китая, 27 мая — Шанхай.

На II Пленуме ЦК КПК 5 созыва в Сибайпо Мао Цзэдун заявил, что все условия для созыва Народной политической консультативной конференции и создания коалиционного правительства созрели. Идеологической основой для проведения этого курса стала работа Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа», опубликованная 30 июня. В понимании КПК демократическая диктатура народа должна осуществляться под руководством коммунистов. Поддержка со стороны Советского Союза открывала путь к созданию нового государства. Осталось провести организационную работу, чтобы законодательно закрепить свою власть в стране.

Вопрос о государственных символах, в частности о государственном флаге постоянно находился на контроле у руководства КПК. Его демократическое решение являлось одной из важных задач новой НПКК.

В подготовке конференции приняли участие 134 человека. Это члены КПК и поддерживающие коммунистов демократические партии, беспартийные деятели, члены общественных организаций, демократы разных социальных кругов, представители национальных меньшинств Китая и китайцев-хуацяо, проживающих за границей. Они составили

Подготовительный комитет НПКК (筹备委员会). 16 июня на заседании Подготовительного комитета был избран Постоянный комитет (常委会) для ведения повседневных дел. До проведения НПКК он являлся высшим органом, координировавшим всю подготовительную работу. Во главе его был избран Мао Цзэдун.

Предварительный этап организации работы по отбору государственного флага

На 1-ом заседании Постоянного комитета 16 июня 1949 г. по основным направлениям работы было организовано шесть групп. Все члены Подготовительного комитета были распределены по этим группам.

6-ой группе было поручено заниматься разработкой государственного флага, герба и гимна. Главой группы был назначен Ма Сюй-лунь (1985-1970), председатель Ассоциации по продвижению демократии, профессор Пекинского университета, педагог; его заместителем стал Е Цзяньин (1897-1986), политический и военный деятель КПК. Если в другие группы члены Подготовительного комитета могли выбирать по своему желанию, то все участники 6-ой группы были назначены Постоянным комитетом. Это означало, что руководители Подготовительного комитета уделяли большое внимание к разработке государственных символов.

В группу вошли Чжан Сижо (1889-1973), известный политолог и педагог, Ма Инь-чу (1882-1982) экономист и демограф, Чжэн Чжэньдо (1898-1958), писатель и литературо-

вед, Го Можо (1892-1978) историк, писатель, общественный деятель, Цзянь Боцзянь (1898-1968), историк, декан исторического факультета Пекинского университета, Чэнь Цзягэнь (Тан Ка Ки) (1874-1961) исторический деятель, основатель Сямыньского университета, Цянь Саньцян (1913-1992) ученый-физик, Цай Чан (1900-1990), член КПК, политик, активистка движения за права женщин, Ли Лисань (1899-1967), революционер, один из основателей КПК, Шэнь Яньбин (1896-1981), писатель (псевдоним – Мао Дунь) и общественный деятель, Тянь Хань (1898-1968), драматург, писатель поэт, Лю-Ван Лимин (1896-1970) член Китайской демократической лиги, активистка женского движения, Ляо Чэнчжи (1908-1983), сын Ляо Чжункая и Хэ Сянин, член КПК, политический деятель по работе с китайцами-эмигрантами, Оуян Юйцян (1889-1962), драматург, писатель, актер.

Несмотря на небольшое количество членов — всего 16 человек, 6-ая группа обладала высоким статусом. В ней присутствовали представители 11 политических и общественных организаций, половина от общего количества заявленных в Подготовительного комитета (всего было 23 организации). Девять членов группы были членами Постоянного комитета, а 15 человек участвовали в I-ой пленарной сессии НПКК. В группу были собраны представители разных политических взглядов, деятели разных сфер общественной и научной жизни.

Из-за большой загруженности Е Цзяньина⁵ партийной работой должность заместителя

⁵ 12 августа 1949 г. Е Цзяньин был направлен первым секретарем в филиал КПК в Южном Китае.

руководителя группы перешла к писателю Шэнь Яньбину (Мао Дуню).

В группу назначили двух секретарей. Один отвечал за протоколы заседаний, которые после одобрения руководителем группы передавались в секретариат Подготовительного комитета для печати. Эту работу выполнял Лай Яли (1910-1994), бывший секретарь генерала Фэн Юйсяна, в будущем ответственный работник МИД КНР. Он также отвечал за обобщение работы группы и периодический выпуск кратких рабочих бюллетеней.

Второй секретарь выполнял общую организационную работу. Сначала этой работой с занимался Хуан Вэй, главный редактор агентства Синьхуа в Гонконге. Затем его сменил Пэн Гуанхань, работник отдела единого фронта ЦК КПК, который стал исполнять все оперативные поручения.

В связи с болезнью руководителя Ма Сюйлуня работа в 6-ой группе началась только 4 июля, через полмесяца после того, как в других группах уже развернулась активная деятельность по подготовке НПКК.

На 1-ом заседании 6-ой группы заместитель руководителя Е Цзяньин выступил с речью, в которой поставил две основные задачи:

Первая — это сформировать две конкурсные комиссии: комиссию по отбору и выдвижению проектов государственного флага и государственного герба (国旗国徽图案评选委员会) и комиссию по отбору и выдвижению проектов государственного гимна (текста и музыки) (国歌词谱评选委员会). После бурной

дискуссии их назвали комиссии по предварительному отбору проектов (初选委员会).

Вторая — это разработать правила конкурса для отбора государственных флага, герба и гимна.

В комиссию по предварительному отбору проектов государственных флага и герба вошли 8 человек: Цзянь Боцзянь, Цай Чан, Ли Лисань, Е Цзяньин, Тянь Хань, Чжэн Чжэньдо, Ляо Чэнчжи и Чжан Сижо.

В комиссию по предварительному отбору проекта государственного гимна — 5 человек: Тянь Хань, Шэнь Яньбин (Мао Дунь), Цянь Санцян, Оуян Юйцян и Го Можо [14, с.12-14].

Симптоматично, что члены КПК отдавали негласный приоритет флагу и гербу, поэтому количество коммунистов в первой комиссии составляло половину группы. Во второй комиссии были собраны в основном демократические общественные деятели.

Писатель и драматург Тянь Хань участвовал в обеих комиссиях. Не вошли в состав комиссий по первичному отбору проектов в связи с отсутствием Ма Иньчу и Чэнь Цзягэнь и по болезни — Ма Сюйлунь и Чжан Лань.

Так как вопрос государственных флага, герба и гимна затрагивал художественную сферу, то на заседании 6-ой группы было решено: кроме назначенных членов комиссий по предварительному отбору, пригласить специалистов по этим вопросам и поручить Го Можо и Шэнь Яньбину (Мао Дуню) подготовить список таких профессионалов для окончательного

его утверждения на заседании Постоянного комитета.

Го Можо, Шэнь Яньбину (Мао Дуню) и Чжэн Чжэньдо также было поручено подготовить правила проведения конкурса проектов государственных флага, герба и гимна. После внесения корректив на уровне группы правила передавались на утверждение в Постоянный комитет.

Го Можо также получил задание представить проект правил в Постоянный комитет и выяснить два вопроса:

1) о награждении (победителей конкурса)

2) о форме государственного флага: на заседании группы было решено, что соотношение длины к ширине будет как 3:2 [14, с.16-18].

Как видно, что работа над флагом началась с первого заседания, где уже утвердили его геометрические пропорции.

После заседания Го Можо и Шэнь Яньбин составили списки профессионалов-консультантов: по вопросу флага и герба — 18 человек, по вопросу гимна — 16 человек.

В тот же день Го Можо, Шэнь Яньбин и Чжэн Чжэньдо составили проект «Объявления о проведении конкурса проектов

государственного флага, государственного герба и государственного гимна» - и передали на проверку Е Цзяньину, который внес редакторскую правку и поставил свою подпись.

В Постоянный комитет Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю проект «Объявления о конкурсе» поступил в отпечатанном виде.

Мао Цзэдун внес свои корректировки:

Во-первых, он изменил цвет флага с темно-красного, ассоциируемого с огнем и передаваемого иероглифом 赤(чи), на красный (алый), цвет крови, обозначаемый иероглифом 红(хун).⁶ Таким образом, красный цвет государственного флага стал предварительным условием проекта.

Во-вторых, он убрал «идеи Мао Цзэдуна» (毛泽东思想) как условие, необходимое в словах гимна, и заменил их на принцип новой демократии 新民主主义 (синь миньчжу чжуи). В то время идеи новой демократии, выдвинутые в трактовке Мао Цзэдуна, были поддержаны многими патриотическими общественными деятелями. Делать акцент на идеях Мао Цзэдуна при организации единого фронта и коалиционного правительства было нецелесообразно, так как могло оттолкнуть демократически настроенных деятелей.

⁶ Исправление иероглифа 赤 (чи) на иероглиф 红(хун) имело и политический смысл. После Октябрьской революции 1917 г. красный цвет 赤 (чи) стал ассоциироваться с Советской Россией и социализмом — 赤俄 (чи э). После разрушения единого фронта КПК и гоминьдана в 1927 г. стороны начали борьбу друг с другом. Гоминьдановцы называли коммунистов 赤匪 (чи фэй) — «красными бандитами». Западные средства массовой информации называли советский социализм 赤帝国主义 (чи диго чжуи) «красным империализмом». В связи с негативной окраской иероглифа 赤 (чи) КПК стала использовать иероглиф 红 (хун) — красный, алый.: 红军 (хун цзюнь) – Красная армия, 红旗(хунци) — Красное знамя. В этой ситуации Мао Цзэдун решил использовать иероглиф 红 (хун) для передачи положительной коннотации.

В-третьих, дата окончания приема конкурсных работ была сдвинута с 10 августа на 20 августа[14, с.20-21].

По проекту «Объявления о конкурсе» были получены согласования от 14 членов Постоянного комитета, то есть 2/3 его состава.

12 июля состоялось заседание секретариата Подготовительного комитета, на котором было принято решение публиковать «Объявление о конкурсе» в газетах 13 городов в первую неделю каждый день, а затем через день вплоть до 20 августа.

14 июля отдел печати разослал. «Объявление Подготовительного комитета НПКК о проведении конкурса по проектам государственного флага, государственного герба и государственного гимна» в газеты «Жэньминь жибао», «Бэйпин цзефан бао», «Тяньцзинь жибао», «Синь миньбао», «Дачжун жибао», «Гуанмин жибао», «Цзиньбу жибао» и др. Нижняя граница конкурса была обозначена как 15 августа. Несмотря на изменения, внесенные Мао Цзэдуном как председателем Постоянного комитета, была выбрана компромиссная дата.

По условиям конкурса для государственного флага необходимо было учитывать:

а) особенности Китая (например, рельеф, национальности, историю, культуру);

б) особенности политической власти (демократическую диктатуру народа, в основе которой союз рабочего класса и крестьянства

под руководством рабочего класса);

в) форму флага, которая была задана как прямоугольная с соотношением длины к ширине 3:2; внешний вид флага должен быть строгим и торжественным, ясным и простым;

г) цвет флага, который предусматривался как алый, хотя можно было использовать и другие цвета.

К проекту государственного флага следует приложить подробное письменное описание [16].

Участники конкурса принадлежали к разным социальным кругам и профессиональным группам: кадровые работники и генералы, ученые и деятели искусств, рабочие и крестьяне, солдаты и студенты. Больше всего материалов пришло из освобожденных территорий: Северо-Востока Китая, Бэйпина⁷ и Шанхая, — были проекты из Гонконга и Макао и от китайцев-эмигрантов. Даже руководители приняли участие в конкурсе. Свои проекты представили известный военачальник Чжу Дэ и общественный деятель Го Можо.

5 августа Ма Сюйлунь созвал 2-ое общее заседание 6-ой группы. Главным вопросом было рассмотрение конкурсных работ.

В стенограмме доклада руководителя группы отмечалось, что на 2 августа было получено 612 предложений по всем трем позициям, из них 459 — проектов по государственному флагу. За исключением нескольких проектов,

⁷ До решения I-ой пленарной сессии НПКК в сентябре 1949 г. о переименовании столицы Пекин назывался Бэйпин.

это были эскизы без подробного описания.

По содержанию больше всего было проектов с изображением звезды, серпа и молота, серпа и топора, — 177 штук. Шестеренки и колосья встречались на 59 проектах, а 58 материалов содержали разные цвета и линии. На 20 эскизах была карта Китая и 20 проектов изображали иероглифы: 工 (гун) — работа, рабочий; 人 (жэнь) — человек; 众 (чжун) — массы; 中 (чжун) — центр, середина; 民 (минь) — народ. На остальные конкурсные материалы приходилось 84 работы [9].

Дискуссию вызвал вопрос о приглашении специалистов для просмотра конкурсных проектов. Хотя на 1-ом общем заседании 6-ой группы и были составлены списки из профессионалов для участия в предварительном отборе, но официально они не были утверждены.

Го Можо выражал сомнение в необходимости использовать специалистов, так как окончательное решение все равно должны были принимать в соответствующих комиссиях.

Тянь Хань выступал за то, чтобы привлекать консультантов для получения профессиональной оценки.

Го Можо считал, что литераторы не обязательно смогут нарисовать флаг или герб, поэтому для предварительного отбора лучше пригласить тех, кто имеет высокую квалификацию в области политической теории и хорошо знаком с государственными флагами и гербами разных стран.

Приглашение специалистов по политике со стороны было признано нецелесообразным,

так как и в комиссиях и в Подготовительном комитете было немало людей с политическим опытом.

Председатель заседания не согласился с численным составом специалистов и предложил сократить их количество.

После обсуждения участники дискуссии остановились на трех кандидатурах: Сюй Бэйхуна (1895-1953), художника и графика, Лян Сычэна (1901-1972) архитектора и Ай Цина (1910-1996), поэта. Они все учились за рубежом, обладали широким кругозором и художественным талантом [14, с.28-31]

По процедуре отбора Чжэн Чжэньдо предложил прикрепить к каждой конкурсной работе лист бумаги для того, чтобы просмотревшие работу оставляли свою подпись.

Председатель также предложил пронумеровать проекты.

В заключение было решено: сначала конкурсные работы передавать консультантам, которые после просмотра будут отправлять их членам соответствующих отборочных комиссий. Окончательное решение предполагалось принимать на общем заседании 6-ой группы.

17 августа секретариат Подготовительного комитета НПКК в соответствии с предложением 6-ой группы направил выбранным специалистам-консультантам официальные письма об участии в отборе конкурсных проектов. После этого к работе по оценке и отбору и подключились вышеуказанные специалисты.

Это был подготовительный этап начала работы по оценке и отбору конкурсных проектов государственного флага.

Варианты конкурсных проектов государственного флага

Конкурс проектов продолжался до 20 августа. Как сказано в докладе 6-ой группы 21 сентября, общее их количество, включая описание, составило 1920, а эскизов (без описания) — 2929. Эти данные не совпадают с цифрами, заявленными 23 августа в докладе Подготовительного комитета: всего было получено 1865 проектов государственного флага (включая более 4000 эскизов в этих проектах)⁹. [9]

Несовпадение данных связано с несовершенной системой подсчета. Комиссия, вероятно, не отказывалась от конкурсных материалов, которые поступили после 20 августа. Поэтому логичным выглядит увеличение количества проектов с 1865 до 1920. Что касается, большого количества эскизов, то у проекта с одним описанием могло быть несколько вариантов эскизов. Участие в конкурсе было очень активным. Нарисовать эскиз или картинку могли многие, а дать правильное, соответствующее требованиям описание — только люди, знакомые с этой сферой. Более того, сначала комиссия принимала все материалы, приходившие на конкурс, однако к открытию I-ой пленарной сессии НПКК был сделан отсев не подходящих по тем или иным причинам работ, и окончательные цифры были включены в доклад.

22 августа состоялось 1-ое заседание Ко-

миссии по предварительному отбору проектов. Для визуальной оценки и отбора были предложено организовать выставочную комнату.

На заседании Лян Сычэн предложил обозначить цвет на рисунках цифровым кодом, как это принято у художников. Цзян Боцзань призвал считать государственный флаг красным. Он впервые официально обозначил основной цвет флага¹⁰. На Комиссии было решено передать на рассмотрение 6-ой группы 16 конкурсных работ.

24 августа на 3-ем общем заседании 6-ой группы были определены 17 проектов для передачи в Постоянный комитет. В качестве приоритетного проекта была единодушно выбрана работа № 11¹¹. (Рис.5)

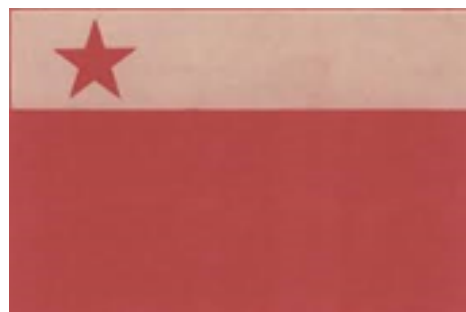

Рис. 5

Флаг № 11 представлял собой красное полотнище, с белой полосой, занимающей 1/3 флага сверху и красной звездой в левом верхнем углу. Как считали члены 6-ой группы, этот проект отвечал всем предъявляемым требованиям и не был похож на флаги других

⁹ Некоторые китайские исследователи считают, что в подсчетах вкралась ошибка.(9)

¹⁰ Хотя в условиях конкурса и был обозначен фоновый цвет флага — алый (красный), но официальное предложение считать флаг красным было высказано на 1-ом заседании Комиссии по предварительному отбору проектов.

¹¹ В дальнейшем он получил нумерацию как Серия Фуцзы № 11.

государств. Все элементы конструкции просматривались при разворачивании флага. Флаг был эстетически привлекателен и не сложен в производстве. Белый цвет символизировал свет, красный — революционную власть, звезда — руководство коммунистической партии.

Тем не менее, не все поддержали проект № 11. Чэнь Цзягань выступал против. Он утверждал, что, во-первых, без звезды он похож на флаг Индонезии; во-вторых, на солнце белая полоса будет не видна; в-третьих, на флаге нет символа союза рабочих и крестьян [13].

26 августа прошло 4-ое заседание Постоянного комитета. На нем председательствовал Чжоу Эньлай и присутствовал Мао Цзэдун. Члены комитета заслушали доклад Ма Сюйлуня и ознакомились с предложенными 17 проектами. Чжоу Эньлай сказал, что за этот небольшой срок была проведена большая работа и рассмотрено более 1000 конкурсных работ.

Мао Цзэдун предложил внести коррективы в проект № 11 и заменить белый цвет на желтый. (Рис. 6)

Ему также понравился проект № 17: красный флаг с желтой звездой в левом углу и поперечной желтой линией. (Рис. 7)

Однако расположение и толщину линии он предложил изменить. Кроме того, полемизируя с Чэнь Цзяганем, он заявил, что на флаге не обязательно нужно изображать союз рабочих и крестьян [9].

Рис. 6

Рис. 7

17 сентября на заседании Постоянного комитета было решено передать отобранные проекты на рассмотрение Пленарной сессии НПКК. По предложению комитета¹³ конкурсные работы нужно было представить в брошюре «Ознакомительные материалы по проектам государственного флага». В связи с тем, что было отобрано 38 работ, была проведена нумерация проектов от № 1 до № 38.

14 сентября 6-ая группа провела свое 4-ое общее заседание. Ма Сюйлунь подчеркнул, что Мао Цзэдуну понравился проект № 17¹²: звезда представляет собой руководства КПК и может представлять политическую власть; желтая

¹² В дальнейшем он получит нумерацию Фуцзы № 1

линия символизирует желтую расу, реку Хуанхэ и единый фронт. Он предложил обсудить флаг № 17 и выбрать его измененный вариант. Так как мнения разделились, то Ма Сюйлунь призвал выдвинуть два проекта, а вопрос о приоритете решить голосованием. Проект № 11 получил 4 голоса, а проект 17 — 7 голосов. Окончательным решением было следующее: выдвинуть два проекта, но не делить их на первый и второй [13].

17 сентября на заседании Постоянного комитета было решено передать отобранные проекты на рассмотрение Пленарной сессии НПКК. По предложению комитета¹³ конкурсные работы нужно было представить в брошюре «Ознакомительные материалы по проектам государственного флага». В связи с тем, что было отобрано 38 работ, была проведена нумерация проектов от № 1 до № 38.

Не все проекты были оригинальными. Часть проектов была изменена, часть — доработана. Например, приоритетная работа № 17 после внесения изменений получила 6 вариантов, которые также вошли в брошюру. Были отредактированы описания проектов. Только два проекта остались полностью в авторском исполнении. Было также принято решение выставить все полученные проекты в парке «Чжуншань гунъюань» на всеобщее обозрение.

Брошюра «Ознакомительные материалы по проектам государственного флага» была отпечатана к началу Пленарной сессии НПКК

и стала основным ориентиром для дальнейшего отбора делегатов сессии [10].

21 сентября состоялась I-ая Пленарная сессия НПКК. На ее открытии выступил Мао Цзэдун и объявил одной из задач — учредить государственный флаг Китайской Народной Республики.

Руководитель 6-ой группы Ма Сюйлунь выступил с «Докладом группы Подготовительного комитета НПКК по разработке государственных флага, герба и гимна», в котором обобщил работу по первичному отбору проектов. Он объявил о том, что все проекты были разделены на 4 категории:

1-ая категория — это переkreщенные серп и молот и пятиконечная звезда. Это наиболее распространенный тип, который имел разные варианты. Существовал международный (советский) тип серпа и молота и китайский тип в виде серпа и топора, а также варианты с серпом и молотом, размещенными на пятиконечной звезде. Цвет серпа и молота мог быть белым или синим, а на флаге они занимали верхний левый угол. (Рис.8–12)

Рис. 8

¹³ Некоторые авторы считают, что это было предложение Чжоу Энляя.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

2-ая категория — это шестерня и колосья с пятиконечной звездой или без пятиконечной звезды. Этот тип также имел много вариантов. (Рис. 13-17)

3-я категория — это флаг, состоящий из двух или трех горизонтальных или вертикальных полос, со скрещенными серпом и молотом и пятиконечной звездой или шестерней

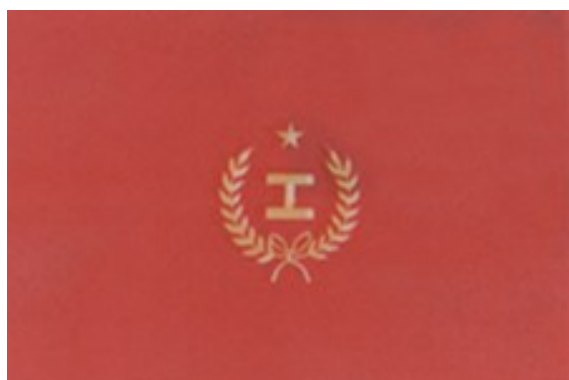

Рис. 13

Рис. 14

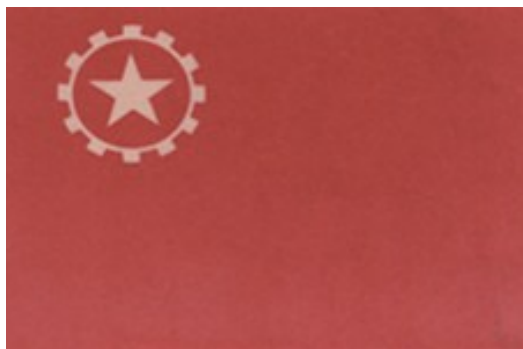

Рис. 15

Рис. 19

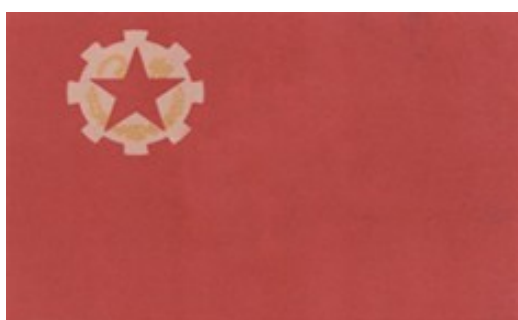

Рис. 16

Рис. 20

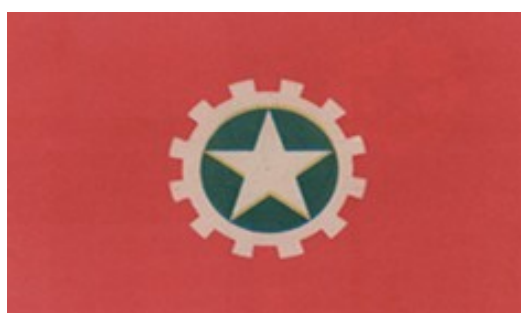

Рис. 17

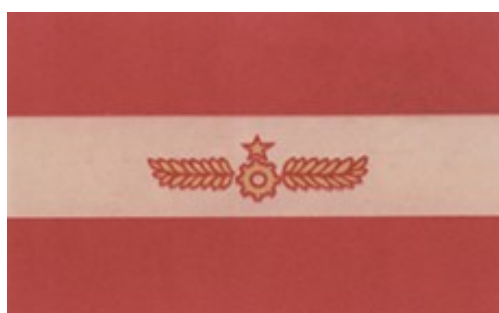

Рис. 21

Рис. 18

Рис. 22

и колосьями, размещенным в верхнем левом углу или по центру. (Рис.18-22)

4-ая категория — это флаг, две трети которого занимала красная полоса и одну треть

белая, синяя или желтая, с красной или желтой пятиконечной звездой. Этот тип также имел много вариантов, в том числе красный флаг с одной или двумя желтыми полосами, а также

Рис. 23

Рис. 27

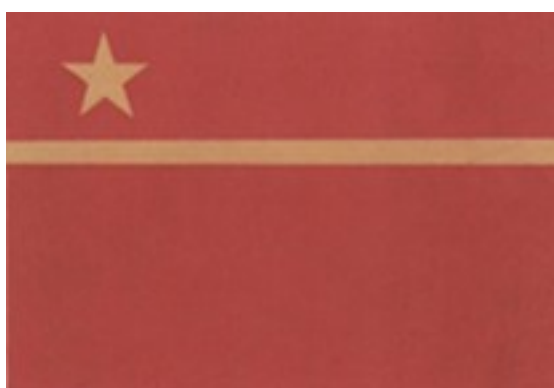

Рис. 24

Рис. 25

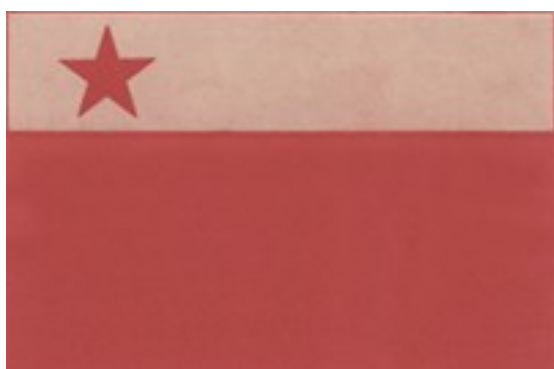

Рис. 26

с разным расположением пятиконечной звезды. (Рис.23-27)

Предпринятая 6-ой группой классификация была недостаточно точной и ее нельзя считать научной. Символы повторялись и дублировали друг друга. Например, в первой и третьей категории присутствовал серп и молот. В первой и третьей категориях верхний левый угол был занят общим цветовым блоком. Во второй и третьей категориях использовались шестерня и колосья. Третья и четвертая категории имели общие полосы. [9; 11]

Сказывалось большое количество конкурсных работ и недостаток времени для осуществления более скрупулезной работы.

В докладе были обозначены критерии отбора проектов государственного флага. Члены комиссии не принимали:

во-первых, проекты с серпом, молотом и пятиконечной звездой, а также любые их варианты, которые копировали советские флаги; отказывали также изображениям китайских орудий труда в связи с низким художественным исполнением и наличием идеи подражательства;

во-вторых, рисунки с шестеренками и колосьями, которые не сочетались с размерами флага, не отличались эстетической красотой и не соответствовали требованиям простоты и ясности;

в-третьих, концептуальные проекты, которые частично копировали американский флаг, частично — советский.

В целом, отбор прошли проекты, которые комбинировали пятиконечную звезду (символизирующую КПК и НОАК) и цветные линии (или полосы). Приоритетные проекты относились к этой категории [9].

Критерии, выдвинутые к государственному флагу, в целом отражали позицию высшего руководства КПК. Начало подготовки к НПКК совпало с разработкой и провозглашением флага и эмблемы НОАК. В этой работе китайские коммунисты не стали использовать серп и молот, стремясь сохранить свою идентичность.

Тем не менее, в брошюру «Ознакомительные материалы по проектам государственного флага» вошли конкурсные работы, которые не соответствовали критериям отбора. Это было сделано, чтобы показать широкую палитру представленных на конкурс проектов.

На Пленарной сессии было решено создать шесть контрольных комиссий по всем направлениям подготовительного периода. Была организована и Комиссия по государственному флагу, гербу, гимну, столице и календарю. Ее возглавил Ма Сюйлунь. В Комиссию вошли 55 делегатов.

22 сентября 6-ая группа собралась на 5-ое общее заседание. В документе для Пленар-

ной сессии «Мнение о государственном флаге, столице и календаре» относительно флага было сказано: Мнение группы — выбрать № 3 (бывший № 17) или № 4 (бывший № 11), которые обладают строгой и торжественной композицией, ясным и понятным смыслом и являются эстетически привлекательными, а также соответствуют условиям конкурса. Это был второй вариант предложения, выдвинутого 6-ой группой [9].

23 сентября на 1-ой Пленарной сессии НПКК провели обсуждение по группам вопросов относительно «Мнений о государственном флаге, столице и календаре». Из 647 делегатов пришло 519 человек. Они были разделены на 11 групп, председателями которых стали члены 6-ой группы. Делегаты начали обсуждение вопросов государственного флага, столицы и календаря. Они довольно быстро пришли к единому мнению по вопросам столицы и календаря. Все решили, что столицей будет Бэйпин, однако его название надо изменить на Бэйцзин (Пекин). Все единодушно поддержали введение общепринятого европейского летоисчисления.

Делегатов попросили высказать свое мнение в отношении 38 проектов государственного флага, содержащихся в «Ознакомительных материалах». Чтобы упростить подсчеты использовали форму неофициального голосования.

В тот же день 6-ая группа провела 6-ое общее заседание, на котором были подсчитаны результаты голосования. За № 3 проголосовало 185 человек, за № 4 — 129 человек, за № 1 — 112 человек, за № 2 — 77 человек.

(Рис.28) № 3

(Рис.29) № 4

(Рис.30) № 1

(Рис.31) № 2

Под влиянием мнения 6-ой группы все, в основном, согласились с красным флагом, желтой звездой и желтой полосой. Мнения разделились в отношении цвета звезды, толщины, длины и места полосы, а также описания символов [9].

Точный подсчет категорий флага, включающего такие элементы как красное поле, звезда и полоса, и разных вариантов — дал количество в 342 голоса. После того как Мао Цзэдун отобрал проект фуцзы № 3 (№ 17 в старой нумерации) и попросил его подкорректировать, были сделаны 5 вариантов без изменения сути проекта, которые получили номера: фуцзы № 1 (№ 17 вариант 1), фуцзы № 2 (№ 17 вариант 2), фуцзы № 36 (№ 17 вариант 3), фуцзы № 37 (№ 17 вариант 4) и фуцзы № 38 (№ 17 вариант 5). Если сложить все голоса за 6 вариантов данной категории, то получилось, что 342 человека поддержали проект № 3 с вариациями, которые по существу не влияли на окончательный результат. Казалось, что успех с выбором проекта № 3, который поддержало руководство КПК, был предрешен.

Новый проект на рассмотрение

Несмотря на то, что больше половины делегатов проголосовали за проект № 3 и его варианты, разногласия по поводу окончательно-

го решения все еще оставались. Еще во время голосования в 6-ой группе 14 сентября по проектам № 3 (бывший № 17) и № 4 (бывший № 11), члены группы разделились на большинство (7 голосов за № 3), которое действовало в духе руководства КПК, и меньшинство (4 голоса за № 4), которое отстаивало свой выбор. Позиции были непримиримыми.

24 сентября руководители 6-ой группы представили Президиуму сессии «Доклад по обсуждению мнений делегатов относительно государственного флага, столицы и календаря», в котором еще раз изложили прежние оценки и цифровые аргументы. В конце доклада было сказано, что в соответствии с мнениями, высказанными делегатами во время обсуждения по группам 23 сентября, были разработаны еще четыре исправленные проекта государственного флага, которые предлагались на рассмотрение.

Видимо, для успешного продвижения своего проекта № 3 большинство 6-ой группы, не меняя основных условий по элементам композиции (на красном поле – звезда и линия), среди исправленных и измененных проектов включило и № 32, основными элементами которого были звезды. Кстати, среди четырех исправленных проектов был новый вариант № 3. Руководство 6-ой группы упорно выдвигало

проект № 3, включая его разные варианты, во все новые предложения.

Тем не менее, в докладе не могли не отразить и другие противоречивые мнения. Позиция меньшинства была изложена таким образом:

По предложенным проектам и проведению опроса в форме голосования:

1. Было указано, что у 6-ой группы нет своей четкой позиции, так как у нее менялись предпочтения в зависимости точки зрения КПК. Сначала был принят проект № 11 (в новой нумерации № 4), а затем после того, как Мао Цзэдуну понравился проект № 17 (в новой нумерации № 3), в приоритете оказался проект № 17.

2. В докладе 6-ой группы от 21 сентября было указано, что проект № 1 лучше, чем остальные образцы, что повлияло на обсуждение в группах. Проект № 1 с вариантами. (№ 1, № 2, № 3 и № 36, № 37, № 38) и был выбран большинством делегатов.

3. Многие выступали против проекта № 1. Они считали, что полоса на флаге выглядит неубедительно, да и похожа на палку. Консультанты полагали, что проект № 1 не обладает художественной привлекательностью.

4. Те, кто считал, лучшим проект № 4, предлагали на красном фоне в левом углу добавить пятиконечную звезду. Это напоминало бы военное знамя. Данная группа стояла за усиление военно-партийных черт в государственном флаге нового Китая [9].

По вопросам описания проектов:

1. Большая часть делегатов не одобряла ряд описаний в «Ознакомительных материалах по проектам государственного флага», где «желтый цвет символизировал желтую расу и мир». Они считали, что разделение людей на расы — это антинаучный подход. За последние двести лет империализм использовал расовый подход для того, чтобы подчеркнуть превосходство белой расы. Да и на международной арене белый цвет символизировал мир. Они предлагали скорректировать это описание.

2. Часть делегатов была не согласна с тем, что желтая полоса символизировала реку Хуанхэ как колыбель экономики и культуры Китая. Хуанхэ была не только колыбелью китайской цивилизации, но и являлась бедствием Китая¹⁴. Поэтому они считали описание некорректным.

3. Некоторые делегаты выступали против того, чтобы пятиконечная звезда символизировала 500 миллионное население Китая. Рост населения будет вступать в противоречие с этим символом. Они призывали рассматривать звезду как источник света, который озаряет землю.

4. Отдельные делегаты полагали, что красный цвет являлся не только символом революции, но и символом труда.

5. Были и такие делегаты, кто не одобрял сквозную желтую полосу, так как она разделяла

¹⁴ Наводнения, вызываемые разливами Хуанхэ, приносили большой вред и людям, проживающим в бассейне Хуанхэ, и урожаю, который они выращивали.

красное полотнище на две части [15].

6. 18 делегатов, в том числе генерал Национально-революционной армии Китайской Республики, патриотический деятель Чжан Чжичжун (1890-1969), член Объединенного союза, известный просветитель и один из основателей Шанхайского университета Шао Лицзы (1882-1967)¹⁵ и демократический деятель Чэнь Шаосянь (1886-1967). Все они были организаторами Революционного комитета гоминьдана Китая, партии сотрудничавшей с КПК, и выступали за проект № 15 (на красном поле в левом углу синий прямоугольник с красной звездой в центре). Янь Цзиньяо, один из основателей Ассоциации содействия развитию демократии заявил, что большинство студентов Яньцзиньского (Пекинского) университета поддерживали проект № 15. (Рис. 7) [17]

(Рис. 8) № 15

7. 15 человек, среди которых были основатель Ассоциации демократического национального строительства Китая Ху Цзюэвэнь (1895-1989), представитель патриотических предпринимательских кругов Ли Чжучэнь

(1882-1968), один из руководителей Партии Чжигундан Китая (Партии стремления к справедливости) Лэй Жункэ (1898-1974), стояли за

(Рис. 32) № 32

(Рис. 33) № 28

проект № 32, но предлагали четыре маленькие звезды сдвинуть немного вниз. (Рис. 32) [9]

9. Ло Лунцзи (1898-1965), один из руководителей Демократической лиги Китая предлагал, внутри красной звезды нарисовать белую пятиконечную звезду, которая, по его мнению, символизировала мир.

Часть делегатов сессии стала на сторону меньшинства 6-ой группы. Как вспоминал Пэн

¹⁵ В период с 18 апреля 1940 г. по 15 января 1943 г. Шао Лицзы был послом Китайской Республики в Советском Союзе.

Гуанхань (1918-2012), секретарь 6-ой группы, несмотря на выдвижение проектов № 3 и № 4 и их поддержки большинством делегатов, разногласия оставались непримиримыми. Противники проектов, среди которых был Чжан Чжичжун, считали, что флаг с разными поперечными линиями — это символ раскола страны, тем более в то время юг Китая еще не был освобожден НОАК. Между деятелями севера и юга возникали взаимные подозрения [15].

25 сентября один из основателей Общества 3 сентября¹⁶ У Цзаоси (1904-1979) написал письмо Чжоу Энляю, в котором утверждал, что оптически красный и жёлтый цвета трудно чётко передать на солнце или на фотографиях и что прямая линия, пересекающая весь флаг, неизбежно вызовет ощущение разобщённости. По его мнению, так как Сюй Бэйхун в своем докладе объявил, что ЦК КПК избрал два проекта № 3 и № 4, поэтому рамки обсуждения были ограничены этими двумя проектами, и все голосовали и делали выбор в этих рамках.

У Цзаоси считал, что в целом прямая линия на флаге, независимо от того, пересекает она все поле флага или часть его, не может не вызвать ощущения раскола по реке Хуанхэ [9].

Хотя среди противников проектов № 3 и № 4 было меньшинство делегатов Пленарной сессии, но это были демократические общественные деятели, обладавшие большими знаниями и имевшие широкое влияние в обществе. Их твердое отстаивание своего мнения

стало неожиданностью для Мао Цзэдуна, которому нельзя было допустить раскола на I-ой Пленарной сессии НПКК. Необходимо было срочно найти решение, которое бы удовлетворило всех.

Окончательный выбор

Руководство президиума Пленарной сессии НПКК, которое было представлено коммунистами Мао Цзэдуном и Чжоу Энляем, стояло перед решением сложной задачи: как при большинстве голосов, отданных за проект № 3, учесть мнение меньшинства. Демократический централизм, на котором была построена КПК, не мог быть способом принятия решения в условиях многопартийной и коалиционной среды, даже при общем руководстве коммунистами.

Более того, Мао Цзэдун также оказался втянутым в дискуссию, так как именно он задавал стандарт государственного флага и согласовывал разработанные по этому стандарту проекты. Чтобы не доводить ситуацию до острых противоречий и сохранить единый фронт, надо было добиться единогласного одобрения делегатами разных взглядов и политических направлений проекта нового государственного флага.

Для согласования вопроса Мао Цзэдун и Чжоу Энлай решили провести совещание в узком формате и пригласить на него представителей, выступавших с разных позиций.

¹⁶ Общество «Цзюсань» (3 сентября) было основано 4 мая 1946 г. в Чунцине. Названо в память о победе в Войне сопротивления против Японии. В общество входили представители интеллигенции в области науки, техники, культуры, медицины и т.д. Входило в единый фронт с КПК.

25 сентября в 8 часов вечера во дворце Фэнцзюань¹⁷ (Чжуннаньхай) Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай созвали расширенное совещание 6-ой группы.

Как считает Ли Хунмэй, сотрудник Музея по истории и культуры НПКК, список участников совещания был утвержден Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Мао Цзэдун лично вычеркнул имена нескольких членов КПК и добавил беспартийных деятелей культуры.

Кроме Хуан Яньпэя (1978-1965), основателя Ассоциации демократического строительства Китая, заместителя руководителя 4-ой группой и Хун Шэня, члена 5-ой группы, все остальные участники принадлежали к 6-ой группе: Го Можо, Шэнь Яньбин, Чэнь Цзягэнь, Чжан Сижо, Ма Сюйлунь, Тянь Хань, Сюй Бэйхун, Ли Лисань, Ай Цин, Ма Иньчу, Лян Сычэн, Ма Сыцзун, Люй Цзи, Хэ Люйтин [13].

Секретарь 6-й группы Пэн Гуанхань также вспоминал, что участников было всего 18 человек, включая Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая [15].

Ли Чуньхуа, заведующий отделом коллекций Музея по истории и культуры НПКК, полагает, что всего в совещании приняли участие 30 человек, в том числе и руководители КПК — Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чэнь И, Лю Бочэн¹⁸. [14, с. 60-61]

Тянь Хэжу в статье «Чжан Чжичжун и рождение пятизвездного красного флага» считал, что Чжан Чжичжун принимал участие в совещании в Фэнцзюане¹⁹, потому что получил приглашение от Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая²⁰[17].

На совещании Мао Цзэдун обратил внимание на проект № 3, за который проголосовало 2/3 делегатов. Именно этот проект вызвал противостояние на сессии и возражение Чжан Чжичжуна. Мао Цзэдун признал, что результат голосования не являлся идеальным, потому что не все делегаты поддержали этот проект.

Затем Мао Цзэдун произнес короткую речь. Он сказал: «В прошлом мы были одержимы идеей — привнести китайские черты в наш государственный флаг, поэтому добавили линию, символизирующую реку Хуанхэ. На самом деле, многие национальные флаги не обязательно отражают особенности своих стран. Советские серп и молот не обязательно отражают характерные черты Советского Союза; у любой страны есть такие же серп и молот. Британский и американский флаги также не имеют никаких национальных особенностей» [14, с. 61].

Мао Цзэдун предложил альтернативный проект № 32 — «одна большая и четыре малых желтые звезды на красном фоне». Он сказал,

¹⁸ Палаты Фэнцзюань построены во время Цинского императора Канси. Представляли собой архитектурное строение в стиле «Сыхэюань» (внутренний четырехугольный двор, окруженный постройками). Здесь находился кабинет для работы и библиотека. Во время КНР это были личные покои Мао Цзэдуна и его рабочий кабинет.

¹⁹ В стенограмме совещания в составе участников не включен Чжан Чжичжун.

²⁰ Чжан Чжичжун встречался с Мао Цзэдуном 23 сентября на приеме, организованном для гоминдановских генералов, которые сотрудничали с коммунистами.

что «этот проект символизирует великое единство нашего революционного народа. Мы должны быть едины сейчас и должны быть едины в будущем. И сейчас и в будущем, флаг символизирует и будет символизировать и единство, и революцию» [14, с.61].

Ван Цзяньчжу дает расширенное изложение второй части выступления Мао Цзэдуна, в котором он представляет новый рисунок флага и его аргументацию в отношении выбора этого проекта: «Многие говорят, что рисунок флага „Фуцзы № 32“ хорош, и я думаю, что он тоже довольно хороший. Победа китайской революции была достигнута под руководством Коммунистической партии, на основе союза рабочих и крестьян, а также благодаря объединению мелкой и национальной буржуазии в общей борьбе. Это исторический факт китайской революции. В будущем мы должны продолжать работать вместе ради революции и созидания. Я думаю, что этот рисунок отражает реальность китайской революции и олицетворяет великое единство нашего революционного народа. Нам необходимо великое единство и сейчас и в будущем. Поэтому, и сейчас, и в будущем, это единство, и это революция» [10].

Хотя стенограмма совещания отражает первый вариант речи Мао Цзэдуна, но анализ символики проекта № 32, по всей видимости, присутствовал на совещании. Возможно, что дополнение было сделано позже.

Позиция Мао Цзэдуна показала его нестандартный подход к решению сложного вопроса о выборе проекта государственного флага. Во-первых, он отказался от высказанной

еще 26 августа идеи о наличии в проекте китайских особенностей, например, реки Хуанхэ; и, во-вторых, допустил при доминировании большой звезды, символизовавшей КПК или НОАК, изображение 4 малых звезд, представлявших четыре класса новой демократии — рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и национальной буржуазии. Именно такой флаг отражал идеи новой демократии, выдвинутой Мао Цзэдуном, и соответствовал классовому составу сессии НПКК, возглавляемой коммунистами.

Мао Цзэдуна поддержал Чэнь Цзягэнь, который заявил, что он приехал с Северо-Востока Китая и очень интересовался вопросом о государственном флаге. Он полностью одобрил проект № 32, о котором говорил Мао Цзэдун.

Архитектор Лян Сычэн сказал: «Я думаю, что рисунок 32 очень хорош и в чем-то похож на военный флаг. Звёзды символизируют великое единство народа, а красный цвет — революцию, что свидетельствует о великом единстве революционного народа» [9].

Как написал в стенограмме совещания секретарь Пэн Гуанхань, все присутствующие поддержали проект № 32.

Каким образом проект № 32 оказался в поле зрения Мао Цзэдуна? По этому вопросу существуют разные точки зрения.

Чжан Чжичжун в своих мемуарах писал, что встретившись с Мао Цзэдуном на приеме 23 сентября, он выступил против проекта № 3, так как горизонтальная желтая полоса вызывала подозрение о расколе страны и революции,

а также вызывала ассоциацию с посохом с золотыми обручами Сунь Укуна²¹. Все это снижало пафос торжественности для государственного флага [8; 17].

Он также предлагал обратить внимание на проект № 32 и на совещании одобрил его. Это заявлению трудно верить, потому что его не было в списках, присутствовавших на совещании 25 сентября.

Тянь Хань утверждал, что он порекомендовал Мао Цзэдуну еще первый проект с пятизвездным флагом на красном фоне и серпом и молотом в центре большой звезды. Причем Мао Цзэдуну не понравился расположение серпа и молота. Тогда Тянь Хань закрыл изображение серпа и молота. И Мао отметил, что так гораздо лучше. Вряд ли можно верить и этому изложению ситуации с проектом. Так как 23 сентября Тянь Хань, являясь организатором одной из групп по обсуждению государственного флага, даже не упомянул о проекте № 32 [8].

Пэн Гуанхань, секретарь 6-ой группы, в своих воспоминаниях утверждал, что после голосования 23 сентября в докладе Чжоу Эньлаю указал на пользовавшийся большой поддержкой проект № 32. Чжоу Эньлай приказал ему увеличить изображение вплоть до того, что сделать образец флага. В действительность основная группа делегатов поддержала проекты № 3 и № 4. За проект № 32 проголосовали только 15 человек. Что касается приказа Чжоу Эньлая, то все свои действия он согласовывал

с Мао Цзэдуном и вряд ли стал заниматься самодеятельностью [15].

Любопытно, что на картине художника Гао Гофана «Рождение флага» Чжоу Эньлай показывает Мао Цзэдуну увеличенное изображение проекта № 32. Участники совещания еще рассматривают два экземпляра, хотя Пэн Гуанхань сделал всего один. Художник идет в русле версии Пэн Гуанханя, показывая инициативу Чжоу Эньлая [15].

До проведения совещания в Фэнцзюане Чэнь Цзягэнь выдвинул предложение Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю, в котором отметил, что изображение характерных черт политической власти важнее, чем географических особенностей, поэтому не нужно настаивать на использовании горизонтальной линии, символизировавшей Хуанхэ [9].

По всей вероятности, ближе к истине позиция Ван Сяофу, который полагал, что выбор проекта № 32 был сделан Мао Цзэдуном после анализа всех мнений и проектов, представленных 6-ой группой.

Пятизвездный красный флаг

Разработчиком проекта государственного флага, который в брошюре «Ознакомительные материалы» получил № 32, являлся Цзэн Ляньсун (1917-1999), уроженец уезда Жуйань провинции Чжэцзян. В 1932 г. он закончил начальную школу в Жуйане, в 1936 г. поступил на экономический факультет Цен-

²¹ Сунь Укун – Царь Обезьян — герой романа У Чэньэня «Путешествие на Запад», который обладал волшебным посохом.

трального университета (сейчас Нанкинский университет) в г. Нанкине. В 1938 г. вступил в КПК, занимался подпольной работой и был секретарем партийной ячейки студентов университета. В декабре 1940 г. он получил приказ вместе с университетом эвакуироваться в город Чунцин. Затем он потерял связь с партийной организацией²². С 1944-1946 гг. работал учителем средней школы в Жуйане. После освобождения Шанхая в мае 1949 г. он поступил в Шанхайское агентство современной экономики на должность секретаря²³[18].

Когда в июле 1949 г. был объявлен конкурс на лучший проект государственного флага, Цзэн Ляньсун решил принять в нем участие. Он с детства любил рисовать и писать иероглифы. Он взялся за работу с большим энтузиазмом и все свободное время делал рисунки флага.

За основу было взято красное полотнище, в левом верхнем углу которого он изобразил одну большую пятиконечную желтую звезду и в полукруге расположены четыре малых желтых звезды. В центре большой звезды он поместил серп и молот. Так, по его мнению, рисунок мог отражать политические, национальные и художественные требования организаторов конкурса. Первоначальный проект выглядел таким образом: (Рис.34)

Работа над проектом флага продолжалась больше месяца. Он прислал свой проект за 2-3 дня до окончания конкурса.

(Рис. 34)

Первичный отбор проект Цзэн Ляньсуна не прошел. Камнем преткновения стали серп и молот.

Отборочная комиссия с самого начала отсеивала проекты, которые, во-первых, — ассоциировались с иностранными государствами — Советским Союзом, США, странами Европы; во-вторых, имели сложные символы типа шестеренок, сочетания колосьев, орудий труда и иероглифов; в-третьих, не отличались высоким художественным вкусом [9].

Первым, кто обратил внимание на идею, заложенную в проект Цзэн Ляньсуна, был литератор и драматург Тянь Хань [8].

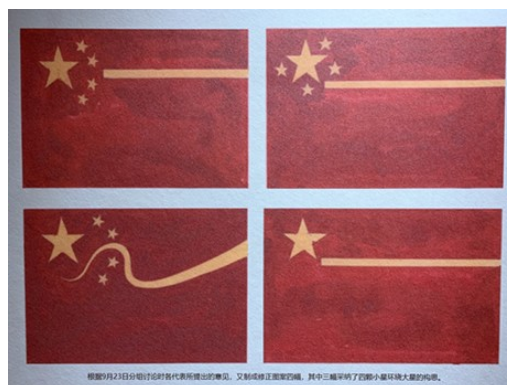
Тянь Хань отобрал проект Цзэн Ляньсуна и предложил включить в сборник материалов для вторичного отбора серии Фуцзы. Работа Цзэн Ляньсуна получила номер 32. Однако комиссия приняла решение убрать серп и молот. Скорректированный проект № 32 выглядел так: (Рис.35)

²² Цзэн Ляньсун снова вступил в КПК в 1985 г.

²³ Некоторые авторы считают, что он работал в Шанхае в торгово-сбытовом кооперативе.

(Рис. 35)

(Рис. 36)

При проведении опроса 23 сентября среди делегатов Пленарной сессии НПКК проект № 32 получил 15 голосов и занял 4 место. Проект поддержали лидеры демократических партий: Ху Цзюэвэнь оценил проект как простой и глубокий. Лэй Жункэ увидел в нем «символ великого единства китайского народа»

Казалось, что по сравнению с проектами № 3 и № 4, которые поддерживали больше половины делегатов, шансы получить большинство на сессии были минимальны. Но так как проекты № 3 и № 4, занявшие 1 и 2 места, вызвали горячие споры, а получивший 3 место — проект № 15 — синий прямоугольник с красной звездой в центре на красном фоне имел схожие черты с американским или гоминьдановским флагом и не проходил по этой причине, то проект № 32, несмотря на низкий процент одобрения со стороны делегатов, мог привлечь внимание руководства пленарной сессии.

Более того, руководство 6-ой группы, чтобы подкрепить приоритет победителя голосования — проекта № 3, предложили четыре новых варианта графического изображения флага, включая разные линии, символизировавшие

реку Хуанхэ. В то же время была сделана попытка учесть результаты голосования, и на 3-х рисунках вокруг большой звезды в разных комбинациях появилось четыре желтых звезды (Рис. 36) [9].

На наш взгляд, сказалось влияние проекта № 32. Фактически, для выбора проекта Цзэн Ляньсуна нужно было сделать один шаг — убрать вызывающую жаркие споры сквозную или полусквозную линию, олицетворявшую Хуанхэ и делящую флаг на две части.

26 сентября было проведено заседание оценочной комиссии Пленарной сессии НПКК. Присутствовало 105 делегатов, в том числе 11 представителей 6-ой группы. Рассматривался проект государственного флага.

На повестке дня стоял вопрос о рекомендации скорректированного проекта № 32 на утверждение Пленарной сессией НПКК в качестве государственного флага. Несколько делегатов выступило с объяснениями об окончательном выборе проекта № 32.

Причиной была названа настойчивая работа по продвижению проектов № 3 и № 4 членами

6-ой группы. Они были настолько активны в поддержке своих проектов, что многим делегатам не хватило времени, чтобы высказать свое мнение. У большинства делегатов сложилось впечатление, что выбор уже утвержден руководством Президиума. Поэтому многие решили не усложнять общую ситуацию. После обсуждения проекта № 32 участники заседания признали его «достойным, красивым, простым в производстве и отвечающим заявленным требованиям». Участники заседания предложили внести редакционные исправления в «Пояснения» к проекту № 32.

Описание конкурсной работы Цзэн Ляньсуна подверглось серьезным сокращениям и изменениям в процессе продвижения от первоначального проекта до окончательного варианта. В итоге он был признан разработчиком, а не автором государственного флага.

Первоначальная записка Цзэн Ляньсуна называлась «Значение государственного флага» и содержала следующие положения [9]:

А. Конкретное значение:

1). Большая золотая пятиконечная звезда с серпом и молотом символизируют китайский пролетариат и его политическую партию, Коммунистическую партию Китая, которая, опираясь на союз рабочих и крестьян, возглавляет революционное дело.

2). Четыре средние золотые пятиконечные звезды символизируют:

1. 400 миллионов китайцев
2. Четыре основных класса и группы: мел-

кую буржуазию, среднюю буржуазию, интеллигенцию и других демократических деятелей

3. Четыре основные силы: демократические партии, народные организации, демократических деятелей всех слоёв общества, национальные меньшинства внутри страны и китайцев, проживающих за рубежом.

4. Четыре основных понятия: независимость, свобода, демократия и единство

5. Четыре тысячи лет китайской культуры

6. Четыре тысячи лет истории Китая

Б. Значение композиции — Большая золотая звезда и четыре звезды среднего размера расположены в форме полукруга и демонстрируют:

1. Большая звезда находится во главе звезд среднего размера и объединяет их

2. Овальную форму рельефа Китая

3. Желтую расу китайской нации

4. Желтую землю Китая

В. Общее значение — Государственный флаг Китая представляет собой красное полотнище, украшенное большой золотой пятиконечной звездой, на которой изображены революционные серп и молот, и четырьмя сверкающими золотыми пятиконечными звездами среднего размера.

В «Ознакомительных материалах по проектам государственного флага», составленных 6-ой группой, «Пояснение» к проекту № 32 было скорректировано [11]:

Красный цвет: символизирует революцию и борьбу

Большая звезда: символизирует руководство Коммунистической партии и Народно-освободительной армии Китая

Четыре звезды: символизируют союз четырех классов новой демократии

Жёлтый цвет: символизирует Китай как страну жёлтой расы

В «Ознакомительных материалах» первоначальный текст был максимально сокращен, тем не менее, идея единства, которую увидел в проекте № 32 Мао Цзэдун, еще не была отражена.

На заседании 26 сентября были снова внесены коррективы в Пояснение к проекту № 32. В принятой резолюции говорилось: Государственный флаг: предлагается принять проект № 32 из «Ознакомительных материалов по проектам государственного флага» со следующими поправками:

А. Красный цвет символизирует революцию.

Б. Звезды символизируют великое единение революционного народа Китая

27 сентября на заседании I-ой Пленарной сессии НПКК продолжилось обсуждение и принятия резолюций по четырем вопросам: государственного флага, государственного гимна, столицы и календаря.

На заседании председательствовал Чжоу Энълай. От имени Комиссии по оценке государственных флага, герба, гимна, календаря и сто-

лицы выступил Ма Сюйлунь. Он доложил об обсуждении этих вопросов на заседании комиссии и о подготовленном проекте четырех резолюций, одна из которых касалась государственного флага.

Первоначальный проект резолюции о государственном флаге гласил: «Государственным флагом является пятизвездный флаг на красном фоне» [19]. Это определение было первым официальным названием флага.

Мао Цзэдун внес свои коррективы. Он предложил следующий вариант: «Государственным флагом Китайской Народной Республики является пятизвездный флаг на красном фоне» [19].

В проекте четырех резолюций, предложенном сессии, было написано: 4. I-ая Пленарная сессия НПКК постановила: Государственным флагом Китайской Народной Республики является пятизвездный флаг на красном фоне, красный цвет символизирует революцию, пять желтых звезд символизируют великое единение революционного народа Китая [11; 12].

Однако на заседании сессии в окончательное решение были снова внесены изменения. Единогласно была принята следующая формулировка: «Государственным флагом Китайской Народной Республики является пятизвездный флаг на красном фоне, который символизирует великое единение революционного народа Китая» [19].

Новым названием государственного флага Китая стал «Пятизвездный флаг на красном фоне» (红地五星旗).

На заседании также разгорелась дискуссия по поводу «Пояснений по изготовлению государственного флага». Споры часто возникали в отношении отдельных иероглифов, которые придавали двусмысленность предложению или тексту.

Например, Шао Лицзы предложил в «Пояснении» убрать слово «малые» в словосочетании «малые звезды».

Лян Сычэн ответил, что словосочетания «большая звезда» и «малые звезды» используются в «Пояснении» для удобства.

Тогда Ли Чжучэн высказал идею о том, чтобы убрать слова «малые звезды» и оставить на флаге только одну «большую звезду».

Спор разрешил Чжан Юаньшань (1892-1987), один из основателей Научного общества Китая, который заявил, что «малые звезды» можно заменить на «малые пятиконечные звезды». Его предложение было встречено аплодисментами и получило поддержку всех присутствующих [9; 10].

В этом обсуждении содержался скрытый смысл. В «Книге песен и гимнов» — «Шицзин» в разделе «Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него» и песне «Малые звезды» говорится:

Сколько малых звезд на небосклоне!

Ярких — три иль пять на весь Восток [7, с.34].

В истории Китая малые звезды означали наложниц. Множество звезд, окружавших луну, — это была метафора, которой описывали

наложниц, служащих господину или главной жене. Шао Лицзы приписывали сравнение большой звезды и четырех малых звезд на флаге с главной женой и зависимыми от нее наложницами. Проблема была разрешена с помощью лингвистического таланта Чжан Юаньшаня. Изменения Шао Лицзы вошли в окончательный текст документа [19].

Предложение Ли Чжучэня не получило поддержки потому, что пришлось бы полностью изменять уже одобренный проект.

После продолжительной дискуссии Чжоу Энлай вынес вопрос о государственном флаге на голосование и решение по «Пятизвездному флагу на красном фоне» с «Пояснением по изготовлению государственного флага» было принято единогласно.

Во время обращения к делегатам Чжоу Энлай произнес официальное название государственного флага как «Пятизвездный красный флаг» (五星红旗) вместо «Пяти звезд на красном фоне» (红地五星), которое было в резолюции [19].

28 сентября в газете «Жэньминь жибао» в информационном сообщении говорилось о важнейших решениях I-ой Пленарной сессии НПКК, в том числе и об утверждении «пятизвездного красного флага» в качестве государственного флага.

В Декларации I-ой Пленарной сессии НПКК, написанной Мао Цзедуном, также было указано, что государственным флагом Китайской Народной Республики является пятизвездный красный флаг. Эта формулировка

и стала официальным названием государственного флага Китая [19].

29 сентября в газете «Жэньминь жибао» была опубликована «Инструкция по изготовлению государственного флага». В ней были изложены технические требования, предъявляемые к государственному флагу: техническое описание, образец-эталон, который состоял из рисунка и чертежа, цветовая модель и основные характеристики. Было указано пять размеров флага, которые каждое сообщество могло использовать по своему усмотрению:

А. Длина 288 см, высота 191 см.

В. Длина 240 см, высота 160 см.

С. Длина 192 см, высота 128 см.

Д. Длина 144 см, высота 96 см.

Е. Длина 96 см, высота 64 см

Инструкция задавала стандарт, который должны были соблюдать все производители государственных флагов. (Рис. 37)

(Рис. 37)

В тот же день на текстильных фабриках Пекина началось изготовление государственных флагов.

Впервые красный флаг с пятью звездами был показан 30 сентября на сцене за президиумом Первой Пленарной сессии после объявления об окончании работы. Его развернул Пэн Гуанхань [15].

Как он позже вспоминал, получив задание от Чжоу Эньлая, он договорился в мастерской в районе Цяньмэнь изготовить новый флаг КНР. Хозяин мастерской выполнил заказ за короткий срок и сначала отказывался от денег, которые ему предложил Пэн Гуанхань, но потом взял половину суммы, так как считал особой честью выполнить эту работу [15].

1 октября 1949 г. в 3 часа дня руководители нового Китая поднялись на трибуну Врат Небесного Спокойствия (Тяньаньмэнь). Мао Цзэдун провозгласил создание Центрального Народного Правительства КНР и под звуки государственного гимна он нажал электрическую кнопку подъема флага. Над площадью Тяньаньмэнь взвился пятизвездный красный флаг. Высота флагштока была 22,5 м, а размеры флага 5 м х 3,33 м.

Разработчик государственного флага Цзэн Ляньсун в мае 1950 г. получил официальное письмо от Центрального народного правительства КНР, в котором его приглашали приехать в Пекин для участия в церемонии награждения. За проект государственного флага он получил премию в размере 500 млн. юаней (после реформы эта сумма равнялась 500 юаней).

Выводы

Утверждение государственного флага на I-ой Пленарной сессии НПКК имело большое значение. Для нового Китая был учрежден важный государственный символ.

Руководящая роль в разработке символики новой власти, принадлежала Коммунистической партии Китая. У китайских коммунистов уже был опыт разработки партийного флага при участии широких народных масс. Конкурс проектов флага КПК проходил за месяц до начала подготовки НПКК.

Активное участие в организации работы по конкурсному отбору проектов государственного флага приняли руководители демократических и социальных кругов, патриотически настроенные политические и военные деятели, представители творческой интеллигенции.

Несмотря на продолжающуюся гражданскую войну, в конкурсе проектов государственного флага был осуществлен широкий охват участников всех кругов общества. И любители живописи, и профессиональные художники активно предлагали свои работы.

При обсуждении и отборе конкурсных проектов основными руководящими принципами были политическая направленность, революционная сущность, классовый подход, национальные особенности, эстетическая привлекательность и простота в изготовлении.

Выбор приоритетных вариантов оставался за руководителями рабочих органов Пленарной сессии, которые представляли КПК.

Окончательное решение было принято руководителями Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем после тщательного отбора, демократическим путем, с учетом мнения меньшинства делегатов, которые представляли демократические партии и патриотические общественные организации.

Принятие в качестве государственного флага — пятизвездного красного флага, символизирующего великое единение китайского революционного народа, означало, что Коммунистическая партия Китая показала свою готовность возглавить все революционные патриотические силы китайского народа в деле учреждения и строительства нового государства.

Утвержденный в сентябре 1949 г. государственный флаг стал символом нового Китая. Он озаряет путь развития страны уже более 70 лет.

Список литературы

1. Александрова А.Д. Влияние раннесоветской символики России на формирование знаков государственной власти КНР в 1949 году. /Восточная Азия: факты и аналитика. 2020, № 1. С.59-70.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; т. 4 Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Вост. Лит., 2009. – 935 с.
3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. /гл. ред. акад. РАН

- С.Л. Тихвинский; Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Наука, 2017 – . 822 С.
4. История Китая с древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки. Издательство «Наука». 1974. – 535 с.
5. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. С.704
6. Шитов А.В. Правовая основа деятельности Народной политической консультативной конференции во всекитайском организационном формате Народного политического консультативного совета Китая и в организационном формате ее местных советов всех уровней. ЦВПИ М ГИМО МИД РФ. // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/pravovaya-osnovadeyatelnosti> (Дата обращения: 13.09.2025)
7. Шицзин: Книга песен и гимнов. Перевод с китайского А. Штукина. М.: Художественная литература, 1987. – 351 с.
8. Бай Чжи. Гоци ши цзэнъян даньшэндэ (Как родился государственный флаг) // Вэньчжайбао. 22.07.1999. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.gmw.cn/01wzb/1999-07/22/GB/wzb%5E1664%5E6%5EWZ3-2210.htm> (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
9. Ван Сяофу. Данъянь хуаньюань гоци даньшэн цюань гочэн (Восстановление процесса рождения государственного флага по архивам) // Шицзэ фэнцай, № 10. 2016. // [Электронный ресурс] URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/1123/c85037-28889876.html> (на кит.яз.)
10. Ван Цзяньчжу. Тамэн цзяньчжэн ле кайго дадянь (Они были свидетелями церемонии создания государства) // Данши вэньхуэй. №10, 2009 .URL: <https://www.fx361.com/page/2009/1128/5743945.shtml> (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
11. Гоци ши жухэ даньшэндэ? Даань цзан цзай чжэ бэнь сяо цэцзэ ли (Как родился национальный флаг? Ответ находится в этой брошюре) // [Электронный ресурс] URL: https://www.mj.org.cn/hszl/hsgc/202409/t20240918_289810.htm (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
12. 1949 нянь 9 юэ 27 жи Чжунхуа жэньминь гунхэго гоци даньшэн (27 сентября 1949 года рождение государственного флага Китайской Народной Республики) // [Электронный ресурс] URL: <http://src.people.com.cn/GB/64162/64165/70293/70320/4861365.html> (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
13. Ли Хунмэй. Синь Чжунго гоци гогэ даньшэн цзи (Записки о рождении государственного флага и государственного гимна

- в новом Китае)// Жэньминь чжэнсе бао, 14.07.2022.
14. Ли Чуньхуа. Гунхэго чжи хуэй. Чжунхуа жэньминь гунхэго гохуэй даньшэн цзи (Эмблема республики. Записки о рождении государственного герба Китайской Народной Республики)// Цзилинь жэньминь чубаньшэ.Чанчунь.2025. 230 с. (на кит.яз.)
15. Пэн Гуанхань. Бусюдэ лиши цзилу — Гоци, гохуэй, гогэ даньшэн цзиши (Неувядаемые исторические записки — подлинные события рождения государственного флага, государственного герба и государственного гимна)//Цзинь Жуйин. Фэнъюй тунчжоу сыши нянь: 1949-1989 (40 лет жить одной судьбой). Чжунго вэньши чубаньшэ. Пекин. 1990. 274 с. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2019/11/08/ART1573181878685124.shtml> (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
16. Синь чжэнчжи сешан хуэйи чоубэйхуэй вэй чжэнцю гоци гохуэй туань цзи гогэ цыпу ции (Цаоань) (Объявление о конкурсе Подготовительного комитета Новой политической консультативной конференции по проектам государственного флага и государственного герба, а также текста и музыки для государственного гимна. Проект) 10 июля 1949 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.saac.gov.cn/daj/gqzt/content/03/03_06_02.html (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
17. Тянь Шухэ. Чжан Чжичжун юй Усин хунцидэ даньшэн (Чжан Чжичжун и рождение пятизвездного красного флага)// Чжунго гунчаньдан синвэнь ван. 13.02.2009 // [Электронный ресурс] URL: <http://dangshi.people.com.cn/GB/144956/8799469.html> (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
18. У Мэйюн. Усин хунци чжэян жаньжань шэнци (Так постепенно поднимался пятизвездный красный флаг)// Гуанмин жибао, 16.09.2022. (на кит.яз.)
19. Чжан Шуньюэ. Цун «Хунди усинци» дао «Усин хунци»: Синь Чжунго гоци минчэн као (Исследование названия государственного флага Нового Китая: «от пятизвездного флага на красном фоне» до «пятизвездного красного флага»)// Дандай чжунго ши яньцзю. №2 , 2025. // [Электронный ресурс] URL: http://iccs.cssn.cn/sslw/zzslw/202506/t20250606_5877968.shtml (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
20. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоци чжунго чжэнфу ван (Сеть правительства Китая. Государственный флаг Китайской Народной Республики) // [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/test/2005-05/24/content_340.htm (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
21. Шан Вэнь. Чунвэнь: Миньчжу данпай линдаожэнь кань юй чжидин гоци гогэ ванши (Вспомним, как руководители демократических партий принимали участие в разра-

- ботке государственного флага и государственного гимна]//[Электронный ресурс] URL: https://www.mj.org.cn/hszl/hsgc/202410/t20241008_290219.htm (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
22. Ян Циньлян. Шуэй шэцзи ле ди и мянь цзюньци (Кто разработал первое военное знамя). Цзефан цзюньбао, Чанчжэн фу-кань, 29.07.2018. с.8. (на кит.яз.)
 23. Ян Юйчжэнь, Янь Шуцзюнь. Данци: Цимьянь туань цун «Ляньдао футоу» дао «Ляньдао чуйтоу» (Знамя партии: От изображения на полотнище — «Серпа и топора» до «Серпа и молота») // Чжунгун дан-ши ван. 29.04.2021. // [Электронный ресурс] URL: https://www.zhoukou.gov.cn/page_pc/ztzl/2021nztzl/dsxxjy/bnds/articleC1C9828506874D3FA3954A3896F42742.html (Дата обращения: 13.09.2025) (на кит.яз.)
 3. Istoriya Kitaya s drevneishih vremen do nachala XXI veka: v 10 t./gl.red.akad.RAN S.L.Tihvinskii; T. VIII: Kitaiskaya Narodnaya Respublika (1949-1976) / otv.red. Yu.M.Galenovich. ; Institut Dalnego Vostoka. – M.: Nauka, 2017 – 822 p. (In Russian)
 4. Istoriya Kitaya s drevneishih vremen do nashih dnei. Otv.red. L.V.Simanovskaya, M.F.Yuriev. MGU im. M.V.Lomonosova. Institut stran Asii I Afriki. Izdanielstvo “Nauka”.1974. – 535 p. (In Russian)
 5. Rossia I Kitai: chetyre veka vzaimodeistvia. Istoria, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitaiskikh otnoshenii/ Pod.red. A.V.Lukina. M.: “Ves Mir”, 2013. 704 p. (In Russian)
 6. Shitov A.V. Pravovaya osnova deyatel'nosti Narodnoi politicheskoi konsultativnoi konferencii vo vsekitaiskom organizacionnom формате Narodnogo politicheskogo konsultativnogo soveta Kitaya i v organizacionnom формате yeyo mestnyh sovetov vseh urovnei. TSVPI MGIMO MID RF// Available at: <https://pravo.mgimo.ru/?q=eksklyuziv/pravovaya-osnova-deyatelnosti> (13.09.2025) (In Russian)
 7. Shijing: Kniga pesen i gimnov /Per. s kit. A. Shtukina; Podgot. Teksta i vstup. statya N. Fedorenko; Kommentarii A. Shtukina. – M.: Hudozh. lit., 1987. – 351 p. (In Russian)
 8. Bai Zhi. Guoqi shi zenyang danshengde // Wenzhaibao. 22.07.1999.// Available at: <https://www.gmw.cn/01wzb/1999-07/22/>

References

1. Aleksandrova A.D. Vliyaniie rannesovetskoi symboliki Rossii na formirivaniie znakov gosudarstvennoi vlasti CPR v 1949 godu/ Vostochnaya Asia: fakty i analitika/ 2020, № 1.pp.59-70. (In Russian).
2. Duhovnaya kultura Kitaya: enciklopedia: v 5 t./ gl. red. M.L. Titarenko; T 4 Istoricheskaya mysl. Politicheskaya i pravovaya kultura/ red. M.L. Titarenko; Institut Dalnego Vostoka. – M.: Vost. lit., 2009 – 727 p. (In Russian)

- GB/wzb%5E1664%5E6%5EWZ3-2210.htm
(13.09.2025) (In Chinese)
9. Wang Xiaofu. Dang'an huanyuan guoqi dansheng quan guocheng// Shijie fencai, № 10. 2016. // Available at: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2016/1123/c85037-28889876.html> (13.09.2025). (In Chinese)
10. Wang Jianzhu. Tamen jianzheng le kaiguo dadian// Dangshi wenhui. №10, 2009.// Available at: <https://www.fx361.com/page/2009/1128/5743945.shtml> (13.09.2025) (In Chinese)
11. Guoqi shi ruhe dansheng de? Daan zang zai zhe ben xiao ceze li // Available at: https://www.mj.org.cn/hszl/hsgc/202409/t20240918_289810.htm (13.09.2025) (In Chinese)
12. 1949 nian 9 yue 27 ri Zhonghua renmin gonghe guo guoqi dansheng// Available at: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/70293/70320/4861365.html>(13.09.2025) (In Chinese)
13. Li Hongmei. Xin Zhongguo guoqi gouge dansheng ji//Renmin zhengxie bao. 14.07.2022. (In Chinese)
14. Li Chunhua. Gongheguo zhi hui. Zhonghua renmin gongheguo dansheng ji //Jilin renmin chubanshe. Changchun. 2025. – 230 p. (In Chinese)
15. Peng Guanghan.Buxiude lishi jilu – Guoqi, guohui,gouge dansheng jishi // Jin Ruiyin.Fengyu tongzhou sishi nian: 1949-1989.Zhongguo wenshi chubanshe. Beijing.1990. – 274 p. Available at: <http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2019/11/08/ARTI1573181878685124.shtml> (13.09.2025) (In Chinese)
16. Синь чжэнчжи сешан хуэйи чоубэйхуэй вэй чжэнцю гоци гохуэй туань цзи гогэ цыпу циши (Цаоань) (Объявление о конкурсе Подготовительного комитета Новой политической консультативной конференции по проектам государственного флага и государственного герба, а также текста и музыки для государственного гимна. Проект) 10 июля 1949 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.saac.gov.cn/daj/gqzt/content/03/03_06_02.html (Дата обращения: 13.09.2025)
17. Тянь Шухэ. Чжан Чжичжун юй Усин хунцидэ даньшэн (Чжан Чжичжун и рождение пятизвездного красного флага)// Чжунго гунчаньдан синвэнь ван. 13.02.2009 // [Электронный ресурс] URL: <http://dangshi.people.com.cn/GB/144956/8799469.html> (Дата обращения: 13.09.2025)
18. Wu Meiyong. Wuxing hongqi zheyang ranran shengqi // Guangming ribao/ 16.09.2022. (In Chinese)
19. Zhang Shunyue. Cong “Hongdi wuxingqi ” dao “Wuxing hongqi”: Xin Zhongguo guoqi mingcheng kao // dangdai Zhongguo shi yanjiu. 2025. №2// Available at: <http://iccs.cssn.cn/sslw/zzslw/202506/>

- t20250606_5877968.shtml (13.09.2025) (In Chinese)
20. Zhonghua renmin gongheguo guoqi/ Zhongguo zhengfu wang// Available at: https://www.gov.cn/test/2005-05/24/content_340.htm (13.09.2025) (In Chinese)
21. Shang Wen/ Chongwen: Minzhu dangpai lingdaoren can yu zhiding guoqi gouge wangshi// Available at: https://www.mj.org.cn/hszl/hsgc/202410/t20241008_290219.htm (13.09.2025) (In Chinese)
22. Yang Qinliang. Shui sheji le di yi mian junqi// Jiefang ribao.Changzheng fukan. 29.07.2018. p.8. (In Chinese)
23. Yang Yuzhen, Yan Shujun. Dangqi: Qimian tuan cong "Liandao futou" dao "Liandao chuitou">// Zhonggong dangshi wang. 29.04.2021.// Available at: https://www.zhoukou.gov.cn/page_pc/ztl/2021nztzl/dsxxjy/bnds/arti-cleC1C9828506874D3FA3954A3896F42742.html (13.09.2025) (In Chinese)

Информация об авторе

Семенов Александр Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой восточных языков
Дипломатической академии МИД России

legatus@bk.ru

Information about the Author

Alexander V. Semenov

PhD (History), Associate Professor,
Head of the Oriental Languages Department,
Diplomatic Academy,
Foreign Ministry of the Russian Federation
legatus@bk.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

Analysis of Russian Metaphorical Denominations from the Perspective of Dynamic Semantics and Evaluation of Their Translation Accuracy by Large Language Models

Анализ русских метафорических наименований в аспекте динамической семантики и оценка точности их перевода большими языковыми моделями

Ли Имо

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,

Шэньчжэнь, Китай

Автор, ответственный за переписку:

liyimo@mail.ru

Li Yimo

Shenzhen MSU-BIT University,

Shenzhen, PRC

Corresponding author:

liyimo@mail.ru

УДК 81-3 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2025-202-220](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-202-220)

АННОТАЦИЯ

Метафорические вторичные наименования обладают высокой культурной нагрузкой, однако их современное состояние и уровень автоматизированного перевода остаются малоизученными. В данной статье исследуются русские метафорические наименования, а именно систематизируется продуктивность моделей их семантической деривации и актуальное состояние развития. Путем сопоставления данных толкований из русских словарей и результатов, полученных с помощью большой языковой модели Deepseek, оценивается точность перевода указанных языковых единиц и формулируются соответствующие рекомендации по оптимизации.

Ключевые слова: динамическая семантика, метафорическое наименование, толковый словарь русского языка, большая языковая модель, Deepseek

ABSTRACT

Metaphorical secondary nominations possess a high cultural load, yet their current status and the level of automated translation remain understudied. This article investigates Russian metaphorical nominations, specifically systematizing the productivity of their semantic derivation models and their current developmental status. By comparing interpretation data from Russian dictionaries and results obtained through the large language model Deepseek, the translation accuracy of the specified linguistic units is evaluated, and corresponding optimization recommendations are formulated.

Keywords: dynamic semantics, metaphorical nomination, explanatory dictionary of the Russian language, large language model, Deepseek.

For citation: Li Yimo. Analysis of Russian Metaphorical Denominations from the Perspective

Для цитирования: Ли Имо. Анализ русских метафорических наименований в аспекте динамической семантики и оценка точности их перевода большими языковыми моделями. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (№3). С. 202-220 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-202-220>

of Dynamic Semantics and Evaluation of Their Translation Accuracy by Large Language Models. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (3). P. (In Russ.) P. 202-220 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2025-202-220>

基于动态语义学视角的俄语隐喻称名词分析

及其大语言模型翻译准确性评估*

李依墨

liyimo@mail.ru

Abstract:

摘要: 由隐喻构成的俄语二性称名词具有高文化负载性，但目前对其发展现状及自动化翻译程度的研究缺乏系统性。本文以俄语隐喻称名词为研究对象，系统梳理其构词模式的能产性及发展现状，并通过对比俄语详解词典与以 Deepseek 为代表的大语言模型对该类词的释义数据，评估大语言模型对该类词汇翻译的准确率，提出相应优化建议。

关键词: 动态语义学，隐喻称名词，俄语详解词典，大语言模型，Deepseek

Грант:

Статья подготовлена при поддержке проекта «Молодые новаторы в высшем образовании провинции Гуандун» (2024г.) «Эволюция русских метафорических вторичных наименований с позиций динамической семантика: на примере зоометафор» (грант № 2024WQNCX022).

基金项目: 本文系2024年广东省普通高校毕业生创新人才类项目“动态语义学视角下俄语二性称名词的演变——以动物隐喻称名词为例”号（项目批准号：2024WQNCX022）的阶段性研究成果

通过对比词典释义和大语言模型对隐喻称名词的一、引言

语义派生这一术语最初仅用于构词法领域。俄罗斯语言学家Д.Н. Шмелев首次从语义学角度使用了该术语 [Шмелев, 1964]。随后众多学者开始关注语义派生概念 [Земская, 1973]。语言学家Ю.Д. Апресян认为语义派生是常规词汇派生（即构词法）的特殊表现形式 [Апресян, 1974]。

语义学家Е. В. Падучева提出的“动态语义学”理论，强调了词汇语义的动态性和参数化研究的重要性[蔡晖, 2007: 16]，为语义研究提供了新的视角[蔡晖, 2011a: 71]。帕杜切娃认为语义派生与构词法的唯一区别在于前者无需形式标记[Падучева, 2004: 147]。单词的所有义项构成一个范式，语义派生作为规律化多义性的产物，实质上是一种动态的多义性模型。语义派生模式即是从原始词义项推导出派生词义项的规则[Падучева, 2004: 149]。

语义派生方式分为隐喻（范畴转换）和换喻（焦点转换）[蔡晖, 2011b: 136]，“动物称名→人”的隐喻构词模式，是最规律的构词模式之一[Скляревская, 1993: 150]，因此，其词汇化成果——俄语动物隐喻称名词受到国内外学者的广泛关注。

随着人工智能和机器翻译技术的迅猛发展，隐喻称名词作为自然语言的重要组成部分，其外在形式虽缺乏辨识度但具有高文化负载性，这一特性使其成为计算机自然语言处理、人工智能领域多语种翻译的难点之一。

机器翻译 (machine translation, MT) 作为人机通过自然语言进行交互的方式之一，是人工智能研究的重要分支[Ming Zhou et al., 2020: 275-290]。过去几十年，机器翻译的主流方法已经从基

于规则的机器翻译、统计机器翻译，迁移到神经机器翻译。现有的神经机器翻译方法主要采用以Transformer 为代表的编码器——解码器模型，基于大规模双语对照的训练数据学习源语言句子到目标语言句子的映射 [车万翔等, 2023: 1658]。

刘济超等运用隐喻认知理论，用通俗易懂的语言解释了Chat GPT为代表的大语言模型的运作和翻译机制[刘济超, 2024: 82]。Chat GPT虽然在法律翻译、医学翻译等过往机器翻译难以胜任的领域达到80%的准确率[王立非、李昭, 2023]，但其翻译功能只在部分语种环境中表现突出。例如在英语、德语互译上的表现就比英语、罗马尼亚语互译要准确度高，这是由于后者语料资源较少，训练改善效果有限，因而难以产出令人满意的翻译结果[Jiao, W. et al., 2023]。

传统翻译软件（谷歌翻译、微软翻译、DeepL等）在翻译效果方面给受众的体验要弱于大语言模型（Deepseek、Chat GPT等）。但受过专业训练的传统翻译软件在特定领域要比大语言模型的翻译精确度高。特别是百亿千亿参数的大语言模型对计算资源依赖非常强的前提下，只有一亿参数规模左右的传统翻译软件在很多场景依然是主流选择[车万翔等, 2023: 1659]。

综上，无论是传统翻译软件还是基于神经网络的大语言模型翻译都是基于双释义，概览现阶段大语言模型隐喻翻译准确率。重点对隐喻称名词释义误差进行分类分析，以针对其释义缺陷，打造更适合大模型，符合时代需要的多语种隐喻语料库。

二、数据来源和研究方法

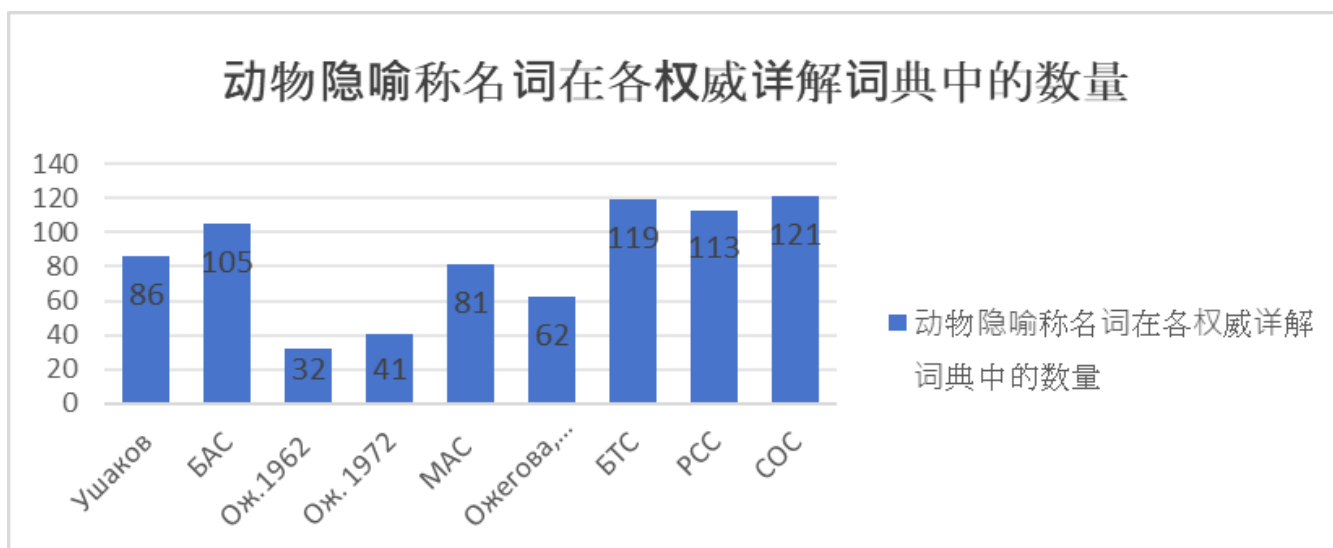
“动物称名→人”构词模式产生的隐喻称名词作为语义衍生的高产量词汇化成果，受到学者们相对较多的关注。从1996年至2000年出版的9部权威俄语详解词典 [Фролова, 2005: 137-158]

(详见图1)对该类词的收录情况表明,此模式下词汇化的表人隐喻称名词呈浮动增长趋势。本研究选取其中动物隐喻称名词数量较多且最能反映21世纪该类词变化的两部词典:《俄语语义词典》(«Русский семантический словарь»,后文简称“PCC”)和杜利琴科的《贬义词词典:消极意义称名》(«Л. В. Дуличенко «Словарь обидных словения лиц с негативным значением»,后文简称“COC”)系统化搜集由各类源域产生的表人隐喻称名词。

图1

娃主编的《俄语词典》(«Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой)为收词范畴,收录了现代俄语中较为常用的词汇[COC:8]。他基于自身对现代言语的观察,拓宽了表人动物隐喻称名词的范畴,得到学界的高度评价:COC通过独到、敏锐的视角研究俄语词汇。在丰富俄语语言方面做了很好的典范,使其更加生动,优美,规范。这对俄语学习者有很大的帮助[Никитин, 2003: 124-127]。

基于上述两部权威俄语详解词典,我们共收集隐喻构词派生出的表人隐喻称名词300个。其中

《俄语语义词典》收纳词目近30万条,兼具理论与实践性,其收纳词汇主要来源为《奥热科夫俄语词典》(«Словарь русского языка С. И. Ожегова, изд. 1-23, 1949-1989»)和《奥热科夫、什韦多娃俄语详解词典》(«Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, изд. 1-4, 1993-1997») [PCC: § 7],也从其他词典和现代文学作品中添加了语料。

COC的受众不只是专注于词典学的语言学学者,还有那些对俄语语言发展现状及运用感兴趣的广大普通读者。该词典中大部分表人的贬义词是由动物称名词派生而来。该学者以叶夫根尼耶

动物称名词派生出162个表人隐喻称名词,非动物名称词派生出152个。需要说明的是,我们收集的材料不包含那些源域和目标域之间没有显著差异的隐喻称名词,比如:由身体残疾或人类疾病名称演变来的隐喻称名词[“盲人”Слепец:意为‘对他人显而易见的事情视而不见的人’[PCCI: 97]]、文学作品中的角色名称(“塞拉东”Селадон:来源于法国作家奥诺雷·德·于尔费的田园剧《阿斯特丽亚》中的角色,象征忠诚和浪漫的恋人,现用作讽刺意味的隐喻,指‘追求女性的男人’[COC:172])、职业名称(“骑士”Рыцарь:意为‘无私、高尚、忠于崇高理想的人’[PCCI:95])等。在本研究中,我们仅关注那些源域与目标域差异较大且由隐喻构词产

生的表人隐喻称名词。

三、隐喻构词模式分类与分析

动物称名词不只可以派生出表人隐喻称名词，还可以通过隐喻构词派生出其他类别的称名词。例如，本研究搜集到的162个表人动物隐喻称名词的第一性含义，即动物称名词含义还可通过隐喻构词派生出表示其他物品的称名词。这类隐喻称名词共24个。根据PCC的语义分类可分为如下六种类型：“食物”、“游戏、乐器相关的物品”、“标志”、“交通工具”、“体育活动”、“生物特征”。例如：

1) “表示食物”：Жаворонок ‘Сдобная булочка в виде птички’ [PCCII: 258]（云雀——形状像小鸟的甜面包）。

2) “游戏、乐器相关的物品”：Змей ‘То же, что воздушный змей’ [PCCII: 455]（蛇——风筝，一种玩具）。

3) “标志”：Лев ‘(Л прописное). Пятый знак зодиака — изображение льва (совпадающий с частью годичного пути Солнца 24 июля по 23 августа)’ [PCCII: 404]（狮子——狮子座）。

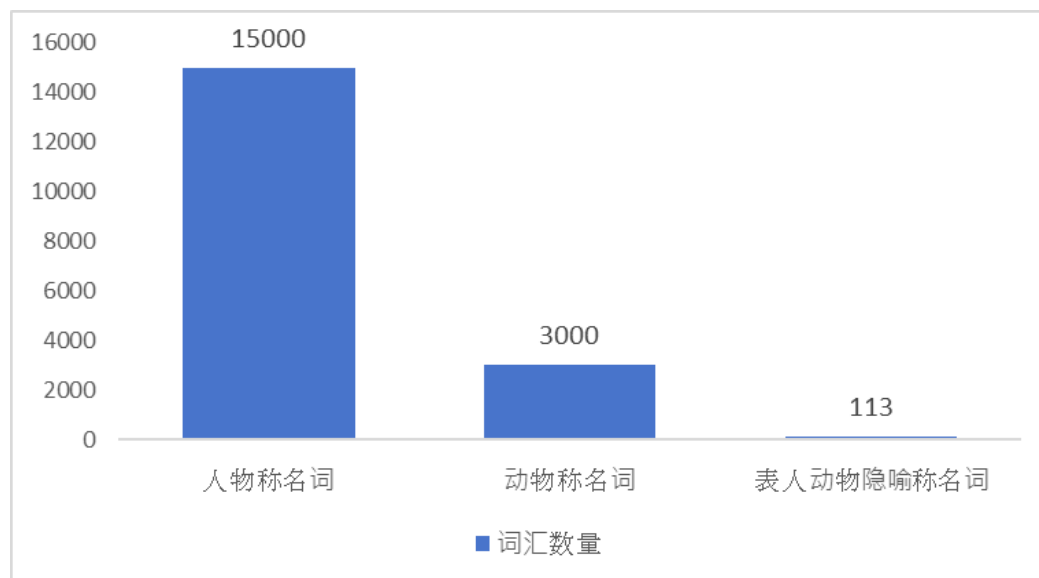
4) “交通工具”：Стрекоза ‘То же, что вертолёт (прост. шутл.)’ [PCCII: 189]（蜻蜓——直升机）。

5) “体育活动”：Ласточка ‘В гимнастике, фигурном катании: упражнение, при котором одна нога высоко отведена назад, туловище вытянуто вперёд, а руки разведены в стороны’ [PCCIII: 537]（燕子——体操或花样滑冰中的动作，其中一条腿向后高高抬起，身体向前伸展，双手向两侧展开）。

6) “生物特征”：Петух ‘Срыв мужского голоса на тонкий пискливый звук (обычно при пении) (разг.)’ [PCCIII: 117]（（公鸡——男性声音在唱歌时突然破音）。

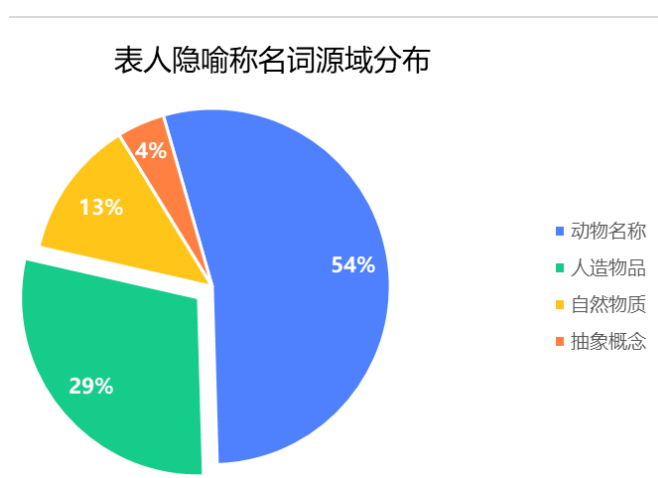
动物称名词并非派生表人隐喻称名词的唯一来源，该类表人隐喻称名词仅占人物称名词的一小部分。PCC中表人称名词共15000个，其中表人隐喻称名词仅113个，约占0.7%；COC中人物称名词共611个，其中表人隐喻称名词121个，约占19.8%。PCC中共有动物称名词约3000个[PCCI: 398]，其中表人隐喻称名词约占5.4%。图2为PCC中的此类词汇数量对比。

图2

从源域角度看，我们将表人隐喻称名词的范畴转换构词模式分为以下四种：“动物称名→人”、“人造物品→人”、“自然物质→人”、“抽象概念→人”。如图3所示，“动物称名”、“人造物品”为多产型语义构词模式，其中能产性最高的隐喻构词模式是“动物称名→人”，最低的是“抽象概念→人”。

图3

从目标域角度看，PCC 将表人隐喻称名词分为48个语义组，其中由动物称名派生的隐喻表人称名词涉及29个语义组，非动物称名派生的隐喻表人称名词涉及19个语义组。

例如：俄语中一般用**вѣюн**（泥鳅）、**лис**（狐狸）、**лиса**（母狐狸）、**гусь**（鹅）、**жук**（甲虫）、**хамелеон**（变色龙）指代具有“善欺骗、狡猾、机智、无原则、谄媚、伪善、多疑”的人；用**амѣба**（变形虫）、**овца**（绵羊）、**слизняк**（蛞蝓）指代“软弱、顺从、依赖、胆怯、娇惯、爱哭、嫉妒、懦弱”的人；用**аспид**（蝰蛇）、**гадюка**（毒蛇）、**ехидна**（针鼹）、**змея**（蛇）、**змеёныш**（小蛇）、**змей**（大蛇）、**жаба**（蟾蜍）、**паук**（蜘蛛）、**пиявка**（水蛭）、**скорпион**（蝎子）、**собака**（狗）、**спрут**（章鱼）、**хищник**（掠食动物）指代“冷酷、残忍、恶毒、作恶”的人。

还有一些非动物称名也被用来形容人的性格，比如：**балда**（大锤）、**болван**（木块）、**бревно**（圆木）、**дуб**（橡树）、**дубина**（粗木棍）、**колпак**（尖顶帽子）、**пень**（树桩）指代“缺乏智慧、能力；能力平庸”的人；**квашня**（发面桶）、**мешок**（袋子）、**тюфяк**（床垫）、**чумичка**（大勺子）、**шляпа**（礼帽）指代“不整洁、迟缓、不机敏、不细心、笨拙、慌张”的人；另外一些物品名词用来指代人的生理特点，比如**верста**（俄里，即1.6公里）、**каланча**（瞭望塔）、**орясина**（长木棍）指代高个子的人。**кнопка**（按钮）、**колобок**（小圆面包）、**колода**（木墩）、**комод**（抽屉柜）、**кубышка**（小坛子）、**кувалда**（大锤）、**пышка**（软圆面包）、**сморчок**（羊肚菌）、**тумба**（柱墩）指代身材矮胖的人；**развалина**（废墟）、**руина**（遗址）指代虚弱多病的人。

通过对比PCC和COC两部词典中表人隐喻称名词的收录情况及重合率，我们发现这类名词具有不稳定性。“动物称名→人”这一派生模式下162个词中有72个同时出现在两部词典中，重合率最高为44.4%；“人造物品→人”模式下87个词有20个重合（23.8%）；“自然物质→人”模式下38个词有5个重合（13.2%）；“抽象概念→人”模式下13个词有1个重合（7.7%）；“身体部位→人”模式下在PCC中共有5个，在COC中有9个，但并无重合（详见图4）。我们认为其具有不稳定性的原因主要有两点：一方面，不同词典编纂者对该类词汇的收词范围存在理解差异，且俄语学界尚未形成统一标准；另一方面，这类词汇本身的发展也具有波动性，进一步影响了其稳定性。

图4

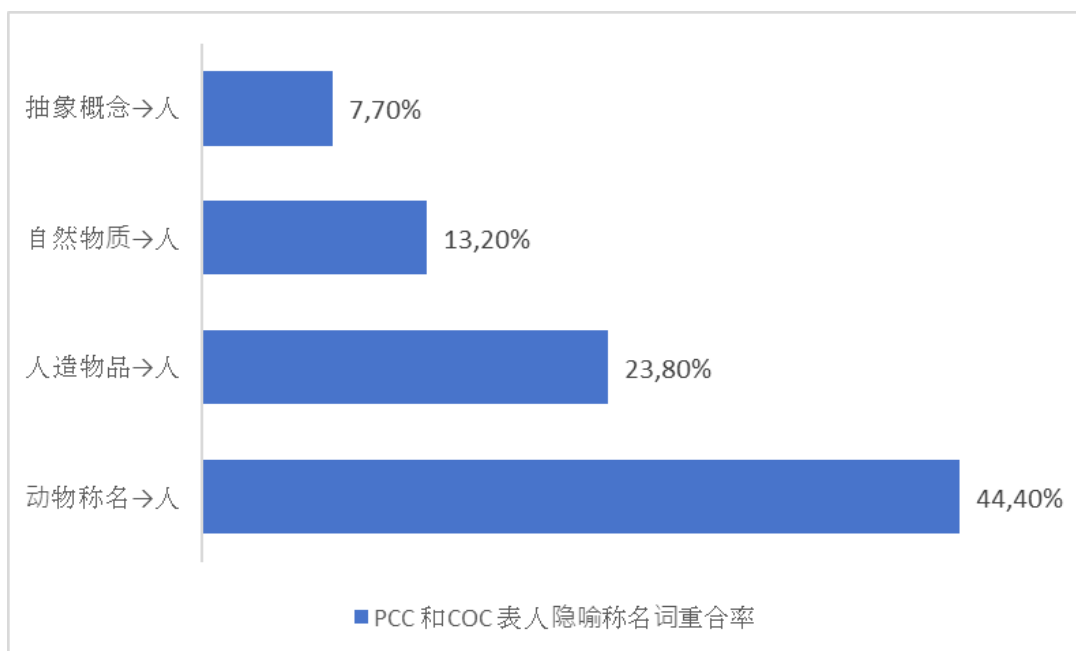

图4

四、大语言模型隐喻称名词翻译现状

Deepseek 作为我国自主研发的高性能大语言模型受到各行各业学者的广泛关注。它先进的自然语言处理和上下文理解能力可以为用户提供较好的翻译服务。Deepseek V3和R1是目前最常用的模型，V3 是面向生成任务的通用模型，擅长文本创作。R1 是面向推理任务的专用模型，擅长处理逻辑分析问题。二者并非线性替代，而是根据应用场景开发的不同模型，类似相机中的“人像模式”与“夜景模式”。

本研究基于俄语权威详解词典，主要考察 DeepSeek-V3模型对300个表人隐喻称名词的俄译汉翻译准确率。再通过DeepSeek R1模型对错误释义进行复查，以观察两种应用模式的大语言模型对高文化敏感度词的释义情况。本测试通过提示语“请翻译下列俄语单词的第一性和第二性表人含义，注意二性表人含义是该词汇的隐喻含义而不是比喻或在俚语中的含义，例如：корова（奶牛——笨拙、迟钝的女人）”开启对话。

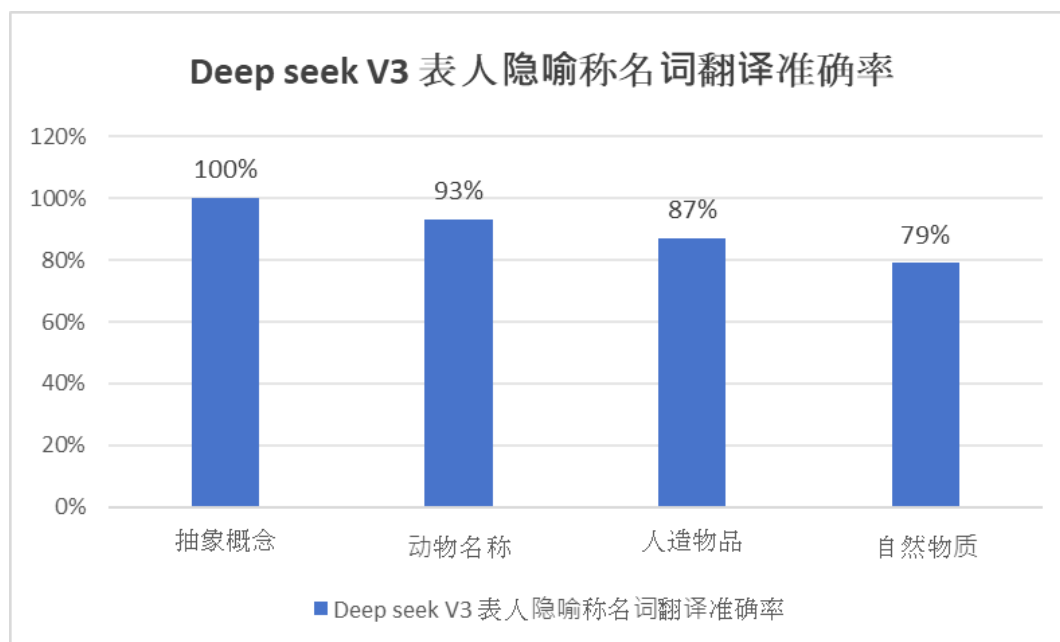
根据大语言模型上下文越多，输入语料越具

体，翻译就会越准确的原则，下文中的语义“不相符”是指表人隐喻称名词的释义和俄语权威词典中不相符且会影响译文效果的情况。而另外一些词义“不相符”现象，比如жирафа（长颈鹿）在Deepseek中释义为“高大笨拙的女人”，但其并非只针对女性，也可指代男性；Змей的隐喻称名含义特指男性，但Deepseek中释义为“狡猾、阴险的人”，并未突出性别。我们认为以上情况在上下文充足的条件下不会对翻译结果造成很大影响，因此并未计入。

Жирафа: -ы, ж. см. жираф: О долговязом человеке [COC: 57].

Змей: -я, м. перен. злой и коварный мужчина (прост., также бран.) [PCC: 117].

我们分别从表人隐喻称名词的四种构词模式来评测Deepseek对该类词的翻译准确度。四类隐喻构词模式在Deepseek中的释义准确率如下（详见图5）：

“抽象概念→人”这一隐喻构词模式下派生出的表人隐喻称名词在词典中的释义和在Deepseek中的释义完全相符，准确率为100%。

“动物称名→人”隐喻构词模式下162个词中15个在Deepseek中的释义与俄语详解词典中不相符：воробей（麻雀）、глиста（蠕虫）、головастик（蝌蚪）、карактица（乌贼）、квочка（孵蛋的母鸡）、клоп（臭虫）、крот（鼩鼠）、крыса（耗子）、ласточка（燕子）、макака（猕猴）、мартышка（长尾猴）、птица（鸟）、росомаха（狼獾）、страус（鸵鸟）、стрекоза（蜻蜓）（Deepseek访问时间：2025年2月6日）。准确率为93%

“人造物品→人”隐喻构词模式下87个词中有11个在Deepseek中的释义与俄语详解词典中不相符：бич（鞭子）、бомба（炸弹）、колотовка（搅拌棒）、матрёшка（套娃）、мелево（磨碎的谷物）、подстилка（垫子）、пугал（稻草人）、тип（样本）、хлыст（皮鞭）、чумичка（大勺子）、цыпочка（细小的链子）（Deepseek访问时间：2月7日）。准确率为87%
====> 87%

“自然物质→人”隐喻构词模式下，38个词中有8个在Deepseek中的释义与俄语详解词典中不相符：дичок（小果树苗）、зелье（草本植物）、мухомор（毒蘑菇）、одуванчик（蒲公英）、перец（辣椒）、пузырь（泡泡）、тень（影子）、цвет（花）（Deepseek访问时间：2月8日）。准确率为79%。

我们认为对大语言模型释义漏洞的分析有助于日后针对性开发隐喻翻译优化数据库，因此，本文详细探讨了“动物称名→人”、“人造物品→人”、“自然物质→人”三类隐喻构词模式中词典释义和Deepseek释义不相符的现象，即Deepseek错误释义分类和原因分析，并给出可参考的优化建议。对比权威俄语详解词典，Deepseek中表人隐喻称名词的汉译错误大致分为以下三类：专业修辞标注缺失导致的错误、幻觉释义导致的错误、文化表征权力惯性导致的错误。

（一）专业修辞标注缺失导致的错误

专业修辞标注缺失的本质是语言文化类数据在大语言模型训练过程中未被完整且准确的呈

现。本研究通过对比俄语权威详解词典与 DeepSeek对俄语表人隐喻称名词的汉译输出，发现隐喻称名词的修辞属性（褒/贬/中性）在跨语言转换中存在三种失真现象（详见表1）。反映出当前大语言模型中语料标注体系对文化负载词处理的不足。具体表现如下：

1）修辞极性反转：一些表人隐喻称名词在 Deepseek的释义中失去了原有的贬义修辞色彩，

生成了相反的褒义（воробей、бомба），或失去褒义修辞色彩，生成为相反的贬义（стрекоза）。

2）修辞色彩中和：Deepseek的释义没有翻译出表人隐喻称名词原有的贬义或褒义修辞色彩，语义趋于中性（крот、хлыст、колотовка、матрёшка、тип、цыпочка、зелье）。

3）修辞色彩强加：一些中性的表人隐喻称名词被强加贬义色彩（крыса、дичок）。

表1：缺少专业修辞标注导致的错误

隐喻构词模式	表人隐喻称名词	DeepseekV3释义	俄语详解词典释义
动物称名→人	Воробей（麻雀）	瘦小、活泼的人	胆小、怯懦的人 Воробей: -ья, м. О робком, пугливом человеке [СОС: 31]
	Крот（鼯鼠）	隐秘、低调的人	吝啬、贪婪的人 Крот: -а, м. О прижимистом, жадном человеке, стяжателе [СОС: 86]
	Крыса（耗子）	卑鄙、背叛的人	从事被认为微不足道、无关紧要工作的人 Крыса: -ы, ж. упот. по отношению к мужскому полу. Разг. Пренебр. О человеке род занятий, которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [СОС: 87]
	Стрекоза（蜻蜓）	轻浮善变之人	活泼好动的孩子、姑娘 Стрекоза: -ы, ж. перен. Живой, подвижный ребёнок, непоседа (обычно о девочке) (разг.) [РССІ: 99]

隐喻构词模式	表人隐喻称 名词	Deepseek V3释义	俄语详解词典释义
人造物品→人	Хлыст (皮鞭)	严厉、苛 刻的人	衣冠楚楚、厚颜无耻、空虚的人 Хлыст: <i>м. Прост. Небодр. Франтоватый, развяз- ный и пустой человек [СОС: 217]</i>
	Бомба (炸弹)	极具影响 力或吸引力 的人	肥胖的人 Бомба: <i>ж. употр. также по отношению к мужско- му полу. О толском человеке [СОС: 23]</i>
	Колотовка (搅拌棒)	忙碌、停 不下的人	荒谬的, 爱争吵的人 Колотовка: <i>ж. обл. Вздорная, сварливая женщина [СОС: 80]</i>
	Матрёшка (套娃)	复杂、难 以捉摸的人	穿衣没品味的人 Матрёшка: <i>ж. О безвкусно и неряшливо одетой женщине [СОС: 100]</i>
	Тип (样本, 模 型)	典型、普 通的人	具有奇怪或消极品质和属性的人 Тип: <i>м. Разг. Пренебр. Человек обычно странных или отрицательных качеств, свойств [СОС: 194]</i>
	Цыпочка (细小的链 子)	小心翼 翼、轻手轻 脚的人	形容可爱、优雅、讨人喜欢的女人或女孩; 可能也用 作亲昵的称呼 Цыпочка: <i>ж. (разг.) 2. Миловидная, изящная, рас- полагающая к себе женщина, девочка (возможно также в ласковом обращении) [РСС: 343]</i>
自然物质→人	Дичок (小果树 苗)	野性、未 开化的人	害羞、怕生的小孩 Дичок: <i>м. 2. перен. Нелюдимый, стеснительный ребёнок, подросток (разг.) [РСС: 99]; Разг. О нелюдимом, застенчивом ребенке, человеке [СОС: 47]</i>
	Зелье (草本植 物)	神秘、难 以捉摸的人	恶毒的人 Зелье: <i>ср. разг. устар. О человеке зловредном, за- нозистом [СОС: 63]</i>

究其原因，当前大语言模型训练数据的定位以通用语境为主，当训练数据缺乏显性修辞标注时，模型会优先选择过往数据中高频使用的修辞用法进行输出。这一问题可以通过大语言模型训练数据的优化来改善，从词汇、语境两个层面对俄语隐喻称名词这类文化负载词类添加修辞标注，以提高模型的理解精确度。

(二) 幻觉释义导致的错误

幻觉释义是指大语言模型根据自有历史语料，模仿人类脑神经网络连接，对不明语义的表人隐喻称名词通过联想生成错误释义的情况。该释义通常基于对动物行为、植物特征或物品作用的拟人化推理形成（详见表2）。具体分为如下几个类别：

Deepseek释义弱化动物、植物或物品的外貌特征，强化其行为特征（глиста、страус、одуванчик）或年龄特征（головастик）或个性特征（каракатица、клоп、пугал、пузырь等）及社会地位（чумичка）

Deepseek释义弱化个性特征，强调行为特征（квочка、росомаха）或外表特征（цвет）

Deepseek释义弱化行为特征，强化社会地位（мелево）

Deepseek释义弱化年龄特征，强化个性特征（мухомор）

Deepseek释义原因不明确（тень）

表2：幻觉释义导致的错误

隐喻构词模式	表人隐喻称名词	Deepseek V3释义	俄语详解词典释义
动物称名→人	Глиста (蠕虫)	纠缠不休、令人厌烦的人	瘦、高的人 Глиста: -ы, ж. перен., очень худой и высокий человек (прост. презр.) [РССІ: 332]. Глиста: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. Об очень худом человеке. (груб. прост.) [СОС: 37]
	Головастик (蝌蚪)	幼稚、不成熟的人	头部比例较大的人 Головастик: -а, м. разг. Человек с несоразмерно большой головой [СОС: 38]
	Каракатица (乌贼)	狡猾、难以捉摸的人	腿短且笨拙的人 Каракатица: -ы, перен., м. и ж. Человек с короткими ногами или низкорослый кривоногий человек (обычно неуклюжий) (разг. шутол., также прост. бран.) [РССІ: 340] Каракотица: -ы, ж. прост. О неуклюжем, коротконогом человеке [СОС: 74]

隐喻构词模式	表人隐喻称 名词	Deepseek V3释义	俄语详解词典释义
动物称名→人	Квочка (孵 蛋鸡)	过度保护孩子 的母亲	笨拙迟钝的女人 Квочка: -и, ж. Прост. О неуклюжей, неповоротли- вой женщине [СОС: 75]
	Клоп (臭虫)	卑鄙、令人厌 烦的人	个子不高的小朋友 Клоп: -а, м. перен. Маленький ребёнок, малыш (разг. шутол.) [РССІ: 451] Клоп: -а, м. разг. пренебр. (также и шутол.) О ма- лыше или мальчике, юноше небольшого роста [СОС: 77]
	Росомаха (狼獾)	凶猛、顽强的 人	涣散, 没有组织, 虚弱, 不着急的人 Росомаха: -и, ж. О несобранном, неорганизован- ном, вялом и нерасторопном человеке [СОС: 163]
	Страус (鸵鸟)	逃避现实的人	身材高大、笨拙的人 Страус: -а, м. Разг. О длинном, нескладном че- ловке [СОС: 186]
人造物品→人	Пугал (稻草人)	呆板、无趣的 人 虚张声势者	丑八怪; 打扮得吓人的人 Пугал: ср. 2. перен. Человек с отпугивающей от- талкивающей внешностью (разг.) Накрасилась, намазалась [РСС: 341; СОС: 153]
	Чумичка (大勺子)	微不足道、无 用的人	肮脏、邋遢的人 Чумичка: м. и ж. Замарашка, грязнуха (прост.) [РСС: 106; СОС: 227]
	Мелево (磨碎的谷 物)	微不足道的人	多嘴的, 好说闲话的人 Мелево: ср. Прост. О болтуне, пустом говоруне [СОС: 101]
	Подстилка (垫子)	卑微、顺从的 人	有轻浮行为的女人 Подстилка: ж. О женщине легкого поведения [СОС: 137]

隐喻构词模式	表人隐喻称名词	Deepseek V3释义	俄语详解词典释义
自然物质→人	Мухомор (毒蘑菇)	危险有毒的人	衰老的人 Мухомор: м. разг. О дряхлом старике [СОС: 108]
	Одуванчик (蒲公英)	轻浮、易受影响的人	瘦弱的人(一般指暮年) Одуванчик: м. употр. также по отношению к женскому полу. О худом, физически слабом человеке (обычно преклонного возраста) [СОС: 120]
	Пузырь (泡泡)	虚荣、浮夸的人	胖娃娃, 胖小孩 Пузырь: 2. перен. Бутуз, карапуз (разг. шутл.) [РСС: 331]
	Тень (影子)	沉默、隐秘的人	形影不离的人 Тень: ж. 3. перен. Тот, кто неотступно слудует за кем-н., сопровождая или идя за ним. ходить тенью за кем-н. [РСС: 170]
	Цвет (花)	美丽优雅的人	精英; 优秀的人 Цвет: м. 3. ед., перен., чего, лучшие представители какого-н. общества, общественной группы, среды (высок.) [РСС: 386]

可以看出,在不明确俄语隐喻称名词语义的情况下大语言模型的神经网络联想机制往往会弱化动物名词对外貌特征的描述,转而根据该动物的行为特征或人类赋予的个性特征生成错误释义。我们认为,这种错误体现了模型本身工作原理和训练方式的局限性。其工作原理是使用高频释义来生成文本,而网络文本是大语言模型训练数据的主要来源,其中的错误不可避免,错误释义的使用频率越高,翻译的质量就会越差。因此,当前可以在完善数据库建设的基础上,尝试通过改变模型释义时激活数据库的顺序来实现翻译优化,例如预设高文化敏感度词类的释义参考

语料库优先级为权威词典、平行语料库、单语语料库、历史高频释义。还可以通过增加人机互动来优化模型输出质量。

（三）文化表征权力惯性导致的错误

文化表征权力惯性是指由于训练大语言模型的数据受到不同语种数据占比差异的影响,致使低资源语种的译文输出呈现对高资源语言文化范式的倾向。Deepseek作为国产大语言模型的代表,其训练数据多为中文,因此对一些俄语隐喻称名词的释义呈现出中国文化倾向(详见表3)。

例如DeepseekV3模型将ласточка的表人隐喻称名词释义为中国文化中“燕子”这一形象的比喻义“轻盈敏捷的人”，取自汉语成语“身轻如燕”，而不是俄罗斯文化中的隐喻义“对亲近人的爱称”。Птица释义为“自由、轻盈的人”，体现中国文化“天高任鸟飞”中“鸟”这一形象的含义，而非俄罗斯文化中“流浪汉”的形象。Перец释义为中国文化中“辣妹子”所体现的“热情有活力的人”形象，而不是俄语隐喻称名词“说话尖刻的人”的含义。Макака 和 мартышка 释义为中国文化经典形象孙悟空的体

表3：文化表征权力惯性导致的错误

隐喻构词模式	表人隐喻称名词	DeepseekV3 释义	俄语详解词典释义
动物称名→人	Ласточка (燕子)	轻盈敏捷的人	对孩子、女子、亲近的人的爱称 Ласточка: -и, ж. перен., Ласковое обращение к ребёнку, к женщине; вообще упоминание о том, кто дорог, близок, кому сочувствуют (разг.) [РССІ: 349]
	Птица (鸟)	自由、轻盈的人	重要的或者渺小的不知名的人；在人群中具有特殊地位的人 Птица: -ы, ж. с определением. В некоторых сочетаниях: важный или непонятный, неизвестный человек (разг.) [РССІ: 68] Птица: -ы, ж. употр. также по отношению к мужскому полу. Разг. ирон. О человеке, претендующем на особое положение среди других [СОС: 153]
	Макака (猕猴)	调皮、捣蛋的人	不好看的女子 Макака: -и, ж. прост. О некрасивой, уродливой женщине (Об одиноко стоящей на танцплощадке девушке) [СОС: 98]
	Мартышка (长尾猴)	调皮、捣蛋的人	丑陋的女子 Мартышка: -и, ж. Прост. О некрасивой, безобразной женщине или девушке [СОС: 100]

隐喻构词 模式	表人隐喻 称名词	DeepseekV 3 释义	俄语详解词典释义
人造物品→人	Бич (鞭子)	严厉、苛刻 的人	流浪汉、无家可归的人 Бич: м. Прост. Бродяга, бездомный человек [COC: 21]
自然物质→人	Перец (辣椒)	热情、活力 四射的人	说话尖刻的人 Перец: м. разг. колкий, язвительный человек [COC: 130]

大语言模型训练数据不平衡会导致隐喻称名词这类文化负载词的释义偏向高资源语言的理解。这一发现提醒我们既要防范高资源语种带来的文化霸权现象，积极增加汉语高质量数据的全球化传播，又要关注其他低资源语种的数据基础建设，尤其是小语种数据资源建设，通过高质量中俄双语文化适应性语料的投喂，构建人工智能领域的语种生态平衡，以期打造有利于我国社会经济发展的数据环境。

Deepseek R1模型擅长逻辑推理，在俄语隐

喻称名词的释义方面比DeepseekV3准确率略高，其中головастик, каракатица, птица, одуванчик, тень, цвет, бич 这7个词的释义得到了纠正（详见表4），但依然存在上述三种类型的释义错误（DeepseekR1访问日期3月20日）。我们发现，“动物称名→人”和“自然物质→人”两种隐喻构词模式的俄译汉准确率提升不足2%，“人造物品→人”准确率提升不足1%。这说明无论是擅长文本创作的通用模型还是擅长推理的专用模型，其文化负载词的处理都需要针对性优化。

表4：Deepseek R1版本对V3版本俄语隐喻称名词的释义纠正

隐喻构词 模式	表人隐喻称名 词	Deepseek V3释义	Deepseek R1 释义	俄语详解词典释义
动物称名→ 人	Головастик (蝌蚪)	幼稚、不成 熟的人	头大身小的人（尤 指儿童）	头部比例较大的人[COC: 38]
	Каракатица (乌贼)	狡猾、难以 捉摸的人	优柔寡断或行动笨 拙的人	腿短且笨拙的人 [PCCI: 340; COC: 74]
	Птица (鸟)	自由、轻盈 的人	难以捉摸或自由不 羁的人	重要的或者渺小的不知名的人 [PCCI: 68]；在人群中有特殊地位 的人[COC: 153]

隐喻构词模式	表人隐喻称名词	Deepseek V3释义	Deepseek R1释义	俄语详解词典释义
自然物质→人	Одуванчик (蒲公英)	轻浮、易受影响的人	体弱轻飘之人（如风一吹就倒的老者）或天真单纯者	瘦弱的人[一般指暮年][COC: 120]
	Тень (影子)	沉默、隐秘的人	隐秘追随者（如尾随者）或存在感薄弱的人	形影不离的人[PCC: 170]
	Цвет (花)	美丽优雅的人	精英或杰出代表（如“国之栋梁”）	精英; 优秀的人 [PCC: 386]
人造物品→人	Бич (鞭子)	严厉、苛刻的人	严厉的掌控者或苦难的象征	流浪汉、无家可归的人 [COC: 21]

五、结语

本研究从动态语义学中的语义派生视角观察词典中俄语隐喻称名词的构词模式及发展现状，系统探讨了俄语隐喻称名词的语义派生规律及其在大语言模型翻译中的错误类型和优化路径。研究发现，俄语隐喻称名词的构词模式具有显著的能产性和系统性，分为“动物称名→人”、“人造物品→人”、“自然物质→人”和“抽象概念→人”四种模式，其中“动物称名→人”模式能产性最强，抽象概念→人”模式能产性最弱。从历时角度看，俄语表人隐喻称名词在词典中的收录呈现浮动上涨趋势。从共时角度看，在不同的俄语权威详解词典中，隐喻称名词出现的重合率不超过50%，具有不稳定性特征。

在大语言模型俄译汉翻译测评方面，本研究观察并对比了擅长文本创作的DeepSeekV3模型和擅长逻辑推理的DeepSeek R1两种模型的翻译表

现。结果显示，DeepSeek-V3模型对俄语隐喻称名词的整体翻译准确率为89%，其中源域为“抽象概念”的隐喻称名词翻译准确率最高，为100%。源域为“动物称名”的隐喻称名词准确率较高，为93%，源域为“人造物品”和“自然物质”的隐喻称名词翻译准确率较低，为87%和79%。相比之下，DeepSeek R1模型准确率总体提升约2%，但两种模型的释义错误都受到专业修辞标注缺失、文化表征权力惯性和幻觉释义的影响。其中，前两种错误类型证实了当前大语言模型的翻译能力提升已进入“数据敏感期”，可以通过训练数据的“提质”和“增量”来改善翻译效果，构建文化适配的专用语料库将成为突破大语言模型隐喻称名词翻译瓶颈的关键路径。但幻觉释义是生成式大语言模型基本运行原理所带来的必然副作用，是此类文化负载词翻译优化的难点，也是未来技术层面突破的重点。

需要指出的是,本研究已尽可能采用最新、最先进的大语言模型进行隐喻词翻译测试,但在研究期间模型自身在隐喻理解与翻译方面也表现出一定的优化趋势。模型时效性问题在隐喻翻译研究中难以回避。基于DeepSeek V3于2025年2月和6月对俄语隐喻性名词的翻译数据进行了对比分析。结果显示,DeepSeek V3在此期间的释义准确率提升了约2%。DeepSeek R1在2025年3月与6月的隐喻词翻译准确率提升约1%。进一步分析发现,这一优化主要体现在“缺少专业修辞标注”和“幻觉释义”两类隐喻词翻译的改进上,三种主要释义错误类型的总量并未减少。因此,我们认为,仅依靠模型自身的学习能力,尚难以彻底解决多语种隐喻翻译的复杂问题。要实现自动化、高质量的隐喻翻译,仍需大语言模型的技术进步结合人工多语种隐喻数据库等高质量跨语种资源库的数据支持。

本研究收集的俄语隐喻称名词数据为大语言模型翻译优化提供了高质量的数据支持。对模型当前隐喻释义错误模式的剖析及相关优化建议,有助于加速隐喻文本自动化翻译难题的破解。未来研究不仅应深入词汇层面,更需拓展至句子与篇章维度的隐喻释义分析,从而提供更全面的分析视角,为构建更智能、精准的多语言服务提供坚实保障。

Список литературы

1. Шмелев Д. Н. *Очерки по семасиологии русского языка*. Москва: Просвещение, 1964.
2. Земская Е.А. *Русская разговорная речь*. Москва: Наука, 1973.
3. Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва: Наука, 1974.
4. 蔡晖. 词汇语义的动态模式 — 一个值得关注 的语义研究新视角. *中国俄语教学*, 2007 (4), 14-20.
5. 蔡晖. 多义词研究得崭新视角 — Е.В. Падучева词义动态模式系列之二, *外语学刊*, 2011 (4), 64-68.
6. Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языка славянской культуры, 2004. с. 147.
7. 帕杜切娃著, 蔡晖译. *词汇语义的动态模式*, 北京: 北京大学出版社, 2011.
8. Складаревская Г.Н. *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Наука. 1993. 150 с.
9. Ming Zhou, Nan Duan, Shujie Liu, Heung-Yeung Shum. Progress in Neural NLP: Modeling, Learning, and Reasoning, in *Engineering, Learning, and Reasoning, in Engineering*, 2020(6), pp. 275-290.
10. 车万翔等. 大模型时代的自然语言处理: 挑战、机遇与发展, *中国科学: 信息科学*, 2023(9), 1645-1686.
11. 刘济超等. 神经网络机器翻译的认知隐喻结构, *翻译研究与教学*, 2024 (1), 82-88.
12. 王立非, 李昭. ChatGPT 为翻译与外语教育转型按下“加速键”. https://tech.china.com/article/20230222/022023_1226999.html. (дата обращения 06.08.2025)
13. Jiao, W., Wang, W. & Huang, J. et al. Is ChatGPT a Good Translator? A Preliminary Study. <https://arXiv> preprint arXiv:2301.08745 (дата обращения 02.08.2025)。
14. 胡开宝、李晓倩. 大语言模型背景下翻译研

究的发展：问题与前景，*中国翻译*，2023（6），64-73。

15. 蔡晖. Падучева词汇语义动态模式的研究特色与创新价值，*外语学刊*.2010（5），61-64。
16. Фролова О. Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект). *Русский язык в научном освещении*, 2005 (2) , с. 137-158.
17. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Азбуковник, 2000.
18. Дуличенко Л. В. Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, сор, 2000.
19. Никитин О. В. Л. В. Дуличенко. Словарь обидных слов, *Русская речь*, 2003 (4), с. 124-127.

References

1. Shmelev, D. N. Essays on the Semasiology of the Russian Language. Moscow: Prosveshchenie, 1964. (In Russ.)
2. Zemskaia, E. A. Russian Colloquial Speech. Moscow: Nauka, 1973. (In Russ.)
3. Apresian, Iu. D. Lexical Semantics: Synonymous Means of Language. Moscow: Nauka, 1974, p. 187. (In Russ.)
4. Cai, Hui. A Dynamic Model of Lexical Semantics: A New Perspective Worthy of Attention in Semantic Research. *Russian Language Teaching in China*, 2007, No. 4, p. 16. (In Chinese)
5. Cai, Hui. A New Perspective on Polysemy Research: E. V. Paducheva's Dynamic Model of Lexical Meaning Series Part II. *Foreign Language Research*, 2011, No. 4, p. 71. (In Chinese)
6. Paducheva, E. V. Dynamic Models in Lexical Semantics. Moscow: Iazyki Slavianskoi Kul'tury, 2004, p. 147. (In Russ.)
7. Paducheva, E. V. Dynamic Models in Lexical Semantics. Translated by Cai Hui. Beijing: Peking University Press, 2011, p. 136. (In Chinese)
8. Skliarevskaja, G. N. Metaphor in the System of Language. St. Petersburg: Nauka, 1993, 150 p. (In Russ.)
9. Zhou, Ming, Nan Duan, Shujie Liu, and Heung-Yeung Shum. Progress in Neural NLP: Modeling, Learning, and Reasoning. *Engineering*, 2020, vol. 6, pp. 275-290.
10. Che, Wanxiang, et al. Natural Language Processing in the Era of Large Models: Challenges, Opportunities and Development. *Scientia Sinica Informationis*, 2023, vol. 53, No. 9, p. 1658. (In Chinese)
11. Liu, Jichao, et al. Cognitive Metaphor Structure in Neural Machine Translation. *Translation Research and Teaching*, 2024, No. 1, p. 82. (In Chinese)
12. Wang, Lifei and Li, Zhao. ChatGPT Presses the "Accelerator Button" for Translation and

- Foreign Language Education Transformation. China Tech, 2023. Available at: https://tech.china.com/article/20230222/022023_1226999.html (accessed: 06.08.2025). (In Chinese)
13. Jiao, W., Wang, W., Huang, J., et al. Is ChatGPT a Good Translator? A Preliminary Study. arXiv preprint, 2023. Available at: <https://arxiv.org/abs/2301.08745> (accessed: 02.08.2025).
14. Hu, Kaibao and Li, Xiaoqian, 2023 – Hu, Kaibao and Li, Xiaoqian. The Development of Translation Studies in the Context of Large Language Models: Issues and Prospects. Chinese Translators Journal, 2023, vol. 44, No. 6, p. 70. (In Chinese)
15. Cai, Hui. Research Features and Innovative Value of E. V. Paducheva's Dynamic Model of Lexical Semantics. Foreign Language Research, 2010, No. 5, p. 62. (In Chinese)
16. Frolova, O. E. Figurative Meanings of Animal Names in Explanatory Dictionaries (Anthropocentric Aspect). Russian Language in Scientific Illumination, 2005, No. 2, pp. 137–158. (In Russ.)
17. Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings. Ed. by Shvedova, N. Iu. Moscow: Azbukovnik, 2000. (In Russ.)
18. Dictionary of Offensive Words: Names of Persons with Negative Meaning. Comp. by Dulichenko, L. V. Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2000. (In Russ.)
19. Nikitin, O. V. Review of the book: Dictionary of Offensive Words: Names of Persons with Negative Meaning by L. V. Dulichenko. Russkaia Rech', 2003, No. 4, pp. 124–127. (In Russ.)

Информация об авторе

Ли Имо

Преподаватель

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
518000, Шэньчжэнь, ул. Международного
университетского городка, д. 1. КНР.

liyimo@mail.ru

Information about the Author

Li Yimo

Lecturer

Shenzhen MSU-BIT University, 518000,
Shenzhen, International University Park
Road, No. 1. China.

liyimo@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Одобрена после рецензирования: 02.09.2025

Принята к публикации: 10.09.2025

Information about the article

The article was submitted 25.08.2025

Approved after reviewing 02.09.2025

Accepted for publication 10.09.2025

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редакционной коллегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований,

должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисунковой подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название статьи. Название журнала, где была издана статья*. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-

щена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных приводится <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок Chicago, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

водится <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (**“Contribution of the authors:”**).

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*History/*other* studies<https://doi.org/>_____**The article title**Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia**Corresponding author: fyodorovav@gmail.com*<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

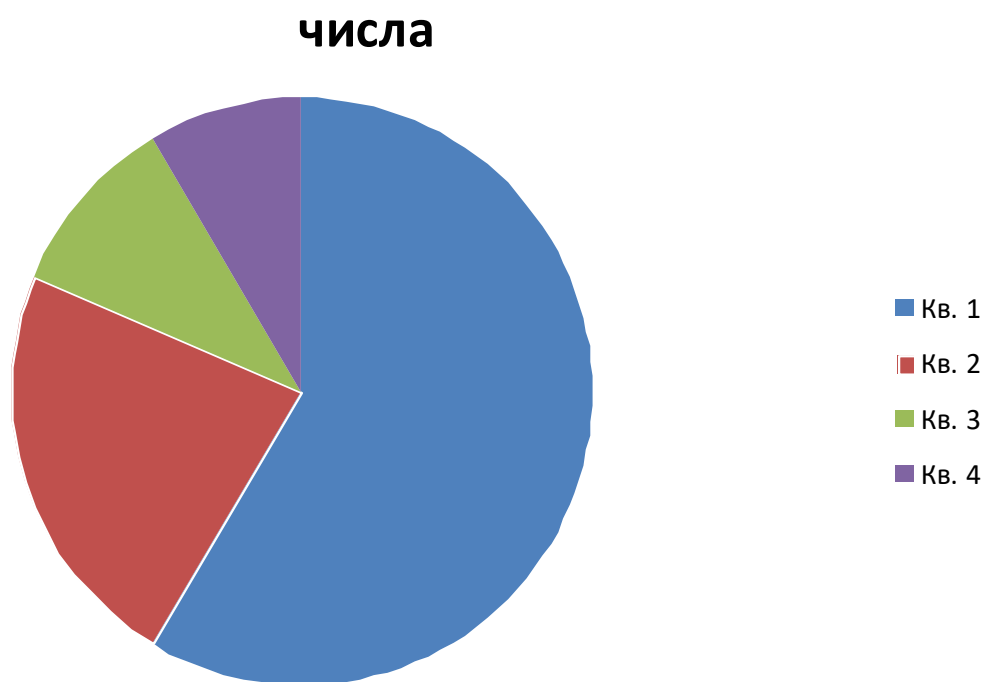

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

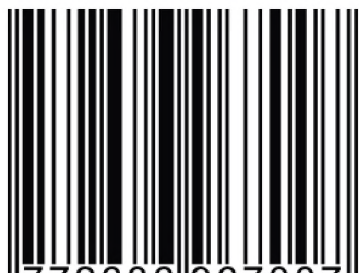
The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

[illegible]

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >